

Министерство экологии и природных ресурсов
Республики Татарстан

Людмила Карташова

БИОЛОГИЯ ДУШИ

КНИГА ОБ ИСТОРИИ ЗАЩИТЫ ПРИРОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

(на основе воспоминаний В. И. Гаранина)

Казань, 2018

Карташова Л.Б.

Биология души. Казань

Эта книга в жанре художественной публицистики не случайно названа «Биология души». Она основана на воспоминаниях удивительного человека, ученого-биолога и эколога Валериана Ивановича Гаранина, вся жизнь которого до настоящего времени связана с Казанским государственным университетом, который стал альма-матер практически для всего экологического сообщества республики. Как известно, кафедра охраны природы, первая в стране, открылась в 1970 году на биофаке КГУ, позже трансформировавшись в экофак.

Перед вами аналитический срез научной природоохранной деятельности нашей республики, начиная с 30-х годов и раньше прошлого века. По просьбе В.И. Гаранина в книгу включены краткие очерки об ученых-биологах внесший заметный вклад в развитие природоохранной деятельности РТ, работавших в стенах Казанского университета или тесно связанных с ним.

Автор благодарит за помощь в сборе информации, фотографий при подготовке книги: В.И. Гаранина (сотрудника Зоологического музея КФУ), А.Н. Беляева (директора Зоологического музея КФУ), А.С. Аюпова и А.В. Павлова (сотрудников Волжско-Камского заповедника), Д.В. Иванова (заместителя директора по науке ИПЭН АН РТ), Е.Л. Любарского (профессора КФУ). А также Дарью Ярчихину и Дарью Батрасову — за активное техническое содействие при оформлении книги.

Содержание

От автора	6
Что сегодня сэкономишь — завтра пригодится.....	6
Глава 1	11
Каждая травинка имеет свою росинку	11
Великая Отечественная война	20
Бандера — страшная реальность	25
Глава 2	38
Жизнь дана на добрые дела	38
Почувствовать можно у Попова... ..	51
Комсомольский вожак	55
Высокогорский период	61
Глава 3	67
Не беречь поросли, не видеть и дерева.....	67
Первая в стране кафедра охраны природы	83
Чтения памяти В. А. Попова	90
Музей, учебная аудитория, научная лаборатория	94
За любовь к природе!.....	98
Красная книга — зеркало жизни	103
Заключение	107
Я б в ученые пошел — пусть меня научат!.....	107
Ученый мир Волжско-Камского края	111
Петр Иванович Рычков	112
Карл Федорович Фукс	114
Эдуард Александрович Эверсманн	116
Шигабутдин Хайруллович Марджани	118
Модест Николаевич Богданов	120
Порфирий Никитич Крылов	122
Константин Сергеевич Мережковский	123
Алексей Александрович Остроумов	124
Сергей Иванович Коржинский	126
Николай Александрович Варпаховский	128
Михаил Дмитриевич Рузский	129
Леонид Константинович Круликовский	131
Андрей Яковлевич Гордягин	132
Александр Александрович Першаков	134
Николай Александрович Ливанов	138
Яков Петрович Коксин	140

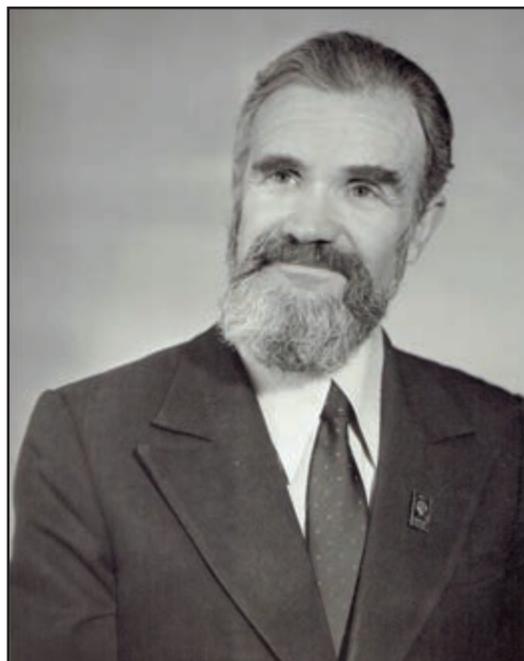
Андей Яковлевич Недошивин.....	141
Владимир Исаакович Баранов.....	142
Иван Сергеевич Башкиров.....	143
Михаил Васильевич Марков.....	145
Дмитрий Иванович Асписов.....	148
Евгений Павлович Кнорре.....	149
Александр Владимирович Лукин.....	150
Владимир Порфирьевич Теплов.....	151
Мария Марковна Алейникова.....	153
Николай Дмитриевич Григорьев.....	153
Вассиан Сергеевич Порфирьев.....	157
Владимир Львович Вагин.....	158
Александр Александрович Сухарников.....	161
Борис Александрович Красавцев.....	162
Владимир Иванович Тихвинский.....	163
Виктор Алексеевич Попов.....	164
Халима Мухутдиновна Курбангалиева.....	167
Игорь Васильевич Жарков.....	168
Татьяна Мстиславовна Кулаева.....	169
Николай Платонович Воронов.....	170
Георгий Георгиевич Шубин.....	172
Антон Михайлович Болотников.....	174
Юрий Константинович Попов.....	176
Андрей Григорьевич Банников.....	178
Анатолий Николаевич Колесников.....	179
Станислав Семенович Шварц.....	182
Герман Петрович Приезжев.....	183
Раиса Гавриловна Иванова.....	184
Александр Владимирович Попов.....	185
Петр Константинович Горшков.....	185
Ирина Владимировна Назарова.....	187
Алексей Владимирович Яблоков.....	188
Юрий Евгеньевич Егоров.....	190
Валерий Алексеевич Ушаков.....	191
Владимир Викторович Байдерин.....	193
Борис Рубенович Григорьян.....	194
Валерий Анатольевич Яковлев.....	196

От автора

Что сегодня сэкономишь — завтра пригодится

Как помирить природу и человека, найти желанный консенсус, научиться жить в ладу друг с другом так, чтобы обеим сторонам было выгодно? И вообще, возможно ли такое: быть здоровым и жизнерадостным в наш непростой век усиленной эксплуатации окружающей среды, стрессов и работы на износ, если хочешь чего-то добиться в этой жизни?

Трудно однозначно ответить на эти вопросы, сердце и чувства подсказывают, что можно и даже нужно, а разум, как это часто бывает, сомневается: а получится ли? Ведь хотя мы и стали жить гораздо более цивилизованно и комфортно, чем, например, двести лет назад, когда даже автомобилей не было, об интернете или банальной микроволновке никто и мечтать не смел, но сколько своих полезных качеств потеряла природа с той поры: сократились лесные площади, пересохли водные потоки, оскудела земля. И не надо уходить в глубь веков, чтобы в этом убедиться. Достаточно окунуться в более свежее прошлое — на восемьдесят, семьдесят, пятьдесят лет назад.

В. И. Гаранин

Есть у нас в республике человек, известный биолог и эколог Валериан Иванович Гаранин, которому бог подарил жизнь длинную, наполненную творчеством и наукой, путешествиями по родному краю, встречами и сотрудничеством с интересными людьми. В мае 2018 года

он отметил свое 90-летие, продолжая в столь солидном возрасте работать в Казанском госуниверситете (кстати, с этим вузом у Гаранина связаны более семидесяти лет жизни, с той самой поры, как он стал его студентом в 1947 году). Рассказы Валериана Ивановича, воспоминания о стиле жизни Волжско-Камского края тех времен, о природе и об отношении к ней, начиная с 30-х годов прошлого века, бесценны, потому что они ЖИВЫЕ, мы их слышим от реально живущего ныне человека.

Поражаешься необыкновенному по масштабам грузу информации, которой располагает Гаранин, его памяти о прошлых событиях, людях. Как-то он признался, что в юности вел дневник, тщательно записывал свои впечатления, которые уже в весьма зрелом возрасте сформировал в своеобразные аналитические мемуары-воспоминания, правда, весьма разрозненные, написанные от руки или отпечатанные на старой печатной машинке.

Когда Валериан Иванович передал мне свои записи, сразу поняла, что это во всех отношениях бесценный материал, который, после определенной редактуры и систематики непременно должен стать достоянием многих людей. То есть напрашивается оригинальная, интересная и познавательная книга об истории взаимоотношений человека и природы в нашем крае, об ученых и энтузиастах, которые оставили свой неизгладимый след в биологической и природоохранной на-

В. И. Гаранин и Л. Б. Карташова
в Волжско-Камском заповеднике

уке Волжско-Камского края. И вот она перед вами, уважаемые читатели, — это эксклюзивное повествование, основанное на «живых» воспоминаниях, скрупулезном анализе прошлого, его сопоставлении с настоящим. И самое главное, надеюсь, в этой книге прозвучат выводы и рекомендации: как же нам дальше жить в этом мире и наилучшим образом сохранить равновесие в природе, оставить наш мир богатым, незабываемым и свежим не только детям и внукам, но и более отдаленным будущим поколениям.

Мы сегодня уже многое и многих потеряли. Я в этой связи вспоминаю "полосатую лошадку" кваггу, чучело которой хранится сегодня в Зоологическом музее Казанского госуниверситета, переименованного с недавних пор в КФУ.

Квагга как вид исчезла, прежде всего, по вине человека, как исчезли десятки и сотни таких «квагг», а еще тысячи живых существ сейчас находятся в зоне риска и на грани вымирания... Что дальше, кто

В Зоологическом музее КФУ, квагга

следующий? Сегодня очень важно не просто бороться за экологическую чистоту и признаваться в любви матушке-природе, но и делать это грамотно, так сказать по-научному, чтобы не оказалась благими намерениями вымощена дорога в ад. А так, увы, нередко случается в нашей жизни.

Вспоминаю эпизод с озером в одном из населенных пунктов Лаишевского района. Жители решили почистить водоем, а то что-то он слишком уж зарос травой, заилился и «зацвел». Сказано — сделано, пригнали трактор и прочую технику (благо, нашлись спонсоры), сняли со дна озерца кучу «ненужного» ила. А вода вдруг взяла и ушла, и теперь на месте озера — болото, поросшее камышами и прочей сорной растительностью. Почему так случилось? Да потому что, прежде чем браться за дело, надо его хорошенько изучить, посоветоваться с профессионалами, с учеными. И вот они, например, заявляют, что в данном случае сработала элементарная непросвещенность населения: вода ушла потому, что был неосто-

рожно снят лишний защитный слой почвы на дне озера...

А знаете, почему в Красной книге Республики Татарстан значится сегодня практически полностью исчезнувшим такое животное, как норка европейская? Да потому что из тех же благих побуждений в 1933 году на всей территории Советского Союза была расселена в качестве, так сказать, улучшения биоразнообразия среды, американская норка. Более крупная

и мощная «американка» практически повсеместно вытеснила «европейку». По крайней мере, в наших краях, в Татарстане, европейскую норку в «живом виде» на природе специалисты не отмечают уже несколько десятилетий. Так что, спасая природу, стоит постоянно вспоминать народную мудрость: семь раз отмерь, один раз отрежь.

Именно так поступили в 90-е годы прошлого века специалисты Минприроды РТ вместе со своим министром Анатолием Ивановичем Щеповских, начав важную и кропотливую природоохранную работу по созданию на территории республики сети ООПТ — особо охраняемых природных территорий, разработав для них режим охраны и жизнедеятельности. Друг за другом у нас появились, кроме уже существующих Волжско-Камского заповедника и национального парка «Нижняя Кама», 24 региональных заказника, более сотни памятников природы. В 1995 году, опять-таки под эгидой Минприроды РТ и конкретно

А. И. Щеповских, свет увидела первая в республике Красная книга Республики Татарстан, взявшая под свою опеку редкие виды фауны и флоры. Нынче мы уже имеем три выпуска Красной книги РТ, активно ведется работа и на всех ООПТ, полномочия за контролем и ведением которых были переданы Минлесхозу РТ.

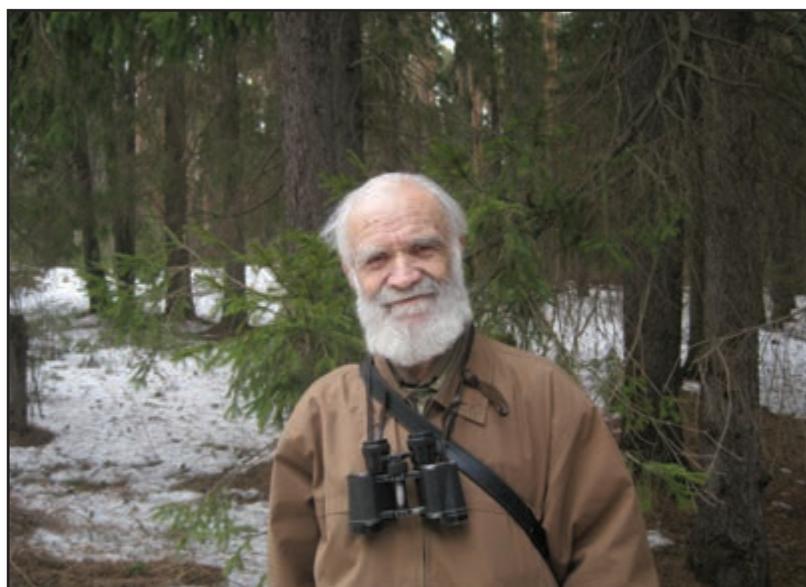
Природоохранные усилия не пропали даром. Сегодня из Красной книги выведен ряд животных и растений, которых у нас стало значительно больше благодаря заповедному режиму. Среди таких, например, сурок-байбак, золотистая щурка. Привольнее и комфортнее в природе стали чувствовать себя лебеди-шипунуны, орланы белохвосты. И даже гадюка, которую раньше беспощадно убивали, боясь ее ядовитых укусов, словно стала добрее, потому что люди перестали видеть в ней только врага.

Кстати, самое активное участие в этой благородной работе принимал и принимает Валериан Иванович Гаранин. Не по долгу службы — от чистого сердца. Как-то позвонил взволнованный Валериан Иванович Гаранин, сообщил, что одна из самых именитых и крупных в Татарстане колоний серых цапель — Корсинская в Арском районе — на краю гибели. Этот уникальный памятник природы, известный с 1893 года, расположен на территории старинного мусульманского кладбища. Птицы не случайно выбрали печальное с человеческой точки зрения место: здесь тихо, растут старовозрастные

хвойные деревья, на верхушках которых цапли любят устраивать гнезда. Наконец, поблизости расположена обширная пойма реки Кисьмень, где легко добыть пищу. Многие десятилетия цапли мирно сосуществовали рядом с человеком, но вот деревья решили вырубить. И цапли загрустили — у них отбирали их дома...

Он такой, Валериан Иванович, — обо всех заботится, всем старается подарить кусочек своей доброты, а уж для братьев наших меньших он самый настоящий большой брат.

Таким и должен быть подлинный исследователь, биолог и эколог, ученый от Бога — неунывающим, неувыдающим,

Силу и энергию Валериан Иванович черпает в Раифском лесу

любопытным, добрым, умным и очень знающим!

Его по праву много лет называли самым известным и любимым преподавателем биофака КГУ, а может и всего университета. Да и сейчас, когда Валериан Гаранин несколько сменил свое амплуа и стал работать в университетском

Зоологическом музее имени Э. Эверсмана, никто лучше не проведет экскурсий в этом уникальном древнем хранилище, не расскажет так ярко и увлекательно о многочисленных животных, здесь обитающих...

Когда мы с Валерианом Ивановичем обговаривали формат этой книги, то немало поспорили... Он хотел, чтобы в ней как можно меньше говорилось о нем самом, зато больше о других ученых, внесших вклад в развитие природоохранной науки Волжско-Камского края (таких, кстати, по подсчетам самого Гаранина набралось более тысячи фамилий, и все их он намеревался обозначить в книге). Желание понятное и похвальное — вспомнить всех поименно, никого не забыть, не обидеть. Но мне хотелось обратного — живого, эмоционального рассказа, объективного анализа и грамотных рекомендаций. И тут сработал банальный журналистский подход: никакой переказ, а уж тем более сухая автобиографическая справка, не заменят живого общения с человеком, с природой, не дадут той будоражащей энергетики, которая позволяет труженикам слова создавать трогающие душу полотна. Это все равно, что любоваться подлинником или

копией картины — одна вызывает восторг, вторая — оставляет равнодушным. Так и в литературе: что написано от сердца, пережито самим автором — читается с надрывом, запоминается надолго, потому что информация пропитана энергетикой первоисточника, она искренняя и правдивая.

Мы нашли с Валерианом Ивановичем взаимопонимание: он позволил мне творчески осмыслить его воспоминания и взгляды на природные компоненты разных эпох, с художественно-публицистическим акцентом, так сказать, преподнести историю экологической и биологической науки края. А Гаранин, в свою очередь, помог сформировать научный блок и отобрать несколько десятков ученых-природников, внесших наиболее значимый вклад в развитие экологической и биологической науки Поволжья. Им посвящена вторая часть нашей книги. Но Валериан Иванович не оставил своей мечты: упомянуть всех (напоминаю, это более тысячи фамилий), пусть простым перечислением со скупыми автобиографическими данными. Этот список, как только он будет готов, Гаранин намерен передать в библиотеку КФУ. На вечное хранение.

Глава 1

Каждая травинка имеет свою росинку

Начнем наше повествование с города Спасска. Во-первых, потому, что этот населенный пункт — уездный город с екатерининских времен, а затем районный центр Татарии, так же, как и животное квагга, навсегда исчез с лица земли, и покоится нынче на дне Куйбышевского водохранилища недалеко от села Куралово. Во-вторых, эти места сейчас (особенно остров Старый город) являются особо охраняемыми территориями и входят в состав уникального природного заказника «Спасский». Наконец, в-третьих, именно в Спасске в мае 1928 года родился будущий известный ученый-зоолог Валериан Иванович Гаранин. Правда, о своей малой родине он вспоминает несколько необычно, выражаясь в свойственной ему манере: вроде бы серьезно, но с легким, таким интеллигентным юмором. Добавлю, что Валериан Иванович, на мой взгляд, если бы не посвятил свою жизнь биологии и экологии, вполне мог бы стать талантливым журналистом и писателем — поражает его грамотность и лаконичный, исключительно правильный стиль изложения, несущий всю необходимую ин-

формацию, причем очень объективную. Я бы сказала, что это стиль ученого.

В детстве и в юности Валериан Гаранин вел дневник — старательно и скрупулезно записывая на бумаге увиденное, услышанное, просеянное, как сквозь сито, через свое собственное восприятие.

«Свою родину (как принято говорить: «малую родину») — уездный Спасск, кантонный Спасск-Татарский, районный Куйбышев-Татарский, а впоследствии, после переноса на новое место, Болгар — я помнить не могу, поскольку осмысленно впервые увидел его только в 22 года в ходе одной из экспедиционных поездок. Поэтому я мог бы отнести к себе строки поэта Льва Ошанина:

*«Я по рождению волжанин,
Но я не помню город свой.
Мне почему-то в детстве раннем
Достался жребий кочевой.*

*И в памяти, хранящей много,
Взамен красавицы-реки
Осталась пыльная дорога
И голубые огоньки».*

К слову, почему-то именно тут, в родных спасских лугах, Валериана Гаранина, на протяжении всей жизни отличавшегося неиссякаемым исследовательским любопытством и бесстрашием, как-то цапнула гадюка. Сегодня он об этой истории вспоминает даже со смехом, а тогда пришлось поболеть, помучиться. Правда, все обошлось — жив, здоров, он еще и до этого был укушен гадюкой, и потом не был «обойден» разными рептилиями, которые стали главной целью его научных исследований со студенческих времен. На биофак КГУ Валериан Гаранин поступил в 1947 году, а в 1965-м защитил кандидатскую диссертацию по теме «Эколого-фаунистический очерк земноводных Волжско-Камского края». Докторской диссертации, к сожалению, не получилось, хотя материала для нее набралось предостаточно ...

В. Гаранин с ужом в одной из экспедиций

Справедливости ради, впервые Валериана Гаранина гадюка укусила еще в студенческие годы: увидел ее во время практики в Верхнеуслонском районе греющейся на солнце, схватил руками, а она укусила за палец.

— За что была «замаринована» в формалине, — с улыбкой рассказывал Валериан Иванович. — Друзья сделали перевязку,

приложили к месту укуса холодный компресс. Но это мало помогло — палец распух, рука тоже, поднялась температура. Два дня помучился и отпустило. Но примерно с месяц рука была слабой, пришлось ее разрабатывать.

Гадюка обыкновенная

Кстати, в пору юности В. И. Гаранина (40–50-е годы прошлого века) отношение к гадюке было хуже некуда, вердикт однозначный: только убивать! А между тем, животное очень полезное. В этой связи — одна поучительная история. Как-то в Зеленодольске забили тревогу: мол, в местном парке появились гадюки, а детвора ходит в школу по этой территории. Надо бы этих гадюк поморить... Но прежде предстояло выяснить причину активизации рептилий в парке. Специалисты по охране природы провели расследование и пришли к выводу, что в нашествии гадюк виноваты... сами жители города. Дело в том, что в зеленой зоне скопилось много мусора — любители отдыха на природе беспечно оставляли после себя бытовые отходы. К лакомому месту, где можно было пожить, устремились из лесу рыжие полевки. Ну а вслед за ними приползли гадюки, ведь они, как известно, обожают лакомиться мышами и рыжими полевками. Вот такая цепочка

выстроилась: если мы уничтожим гадюк, нас ждет нашествие мышевидных грызунов. Но еще разумнее — не мусорить в лесу или в парке — тогда не будет ни полевков, ни гадюк. Еще один примечательный момент — вопреки сложившемуся мнению гадюка никогда не нападает первая, она очень осторожна и всегда стремится избежать встречи с человеком. Как и все змеи, гадюка лишена слуха, но рептилия чутко воспринимает колебания почвы всей поверхностью своего тела, что заменяет ей слух. Но если идти по мягкой торфяной подстилке или вскопанной почве, то колебания почти не распространяются, и гадюка не успевает заранее «услышать» приближение человека, спрятаться от него. Ее укусы, по сути, это защитная реакция на неожиданное беспокойство, опасность. Так что не будем так уж бескомпромиссно обвинять гадюку в агрессии.

Вспоминаю еще один поучительный эпизод — лет 20–25 назад в республике повели ожесточенную борьбу с лисами, которые считаются одними из главных переносчиков в дикой природе бешенства. С целью уничтожения рыжих по лесам разбрасывались куриные головы, до которых лисы весьма охочи, отравленные... Поставленная задача была выполнена — количество лисиц после такой «профилактики» и впрямь резко сократилось, но вместе с этим леса заполнили рыжие полевки — переносчики опасной, нередко смертельной геморрагической лихорадки с почечным синдромом. А ведь именно лисий род (наряду с гадюками), прежде всего, корректирует численность рыжей полевки, охотясь на этих мышевидных грызунов. Вот и получается: одно лечим — другое калечим, уничтожая лисиц или гадюк, мы нарушаем сложившуюся в природе цепочку, рвем ее и сами от этого стра-

даем. Так что надо сто раз подумать, посоветоваться с наукой, прежде чем пытаться переделать на свой человеческий лад матушку-природу. Она неучам непременно отомстит, да так порой, что мало не покажется.

Гадюка степная

Нынче заповедное место на острове Старый город в Спасском районе является самой уникальной в России колонией степной гадюки (это животное, также как гадюка обыкновенная, занесено в Красную книгу Республики Татарстан). К слову, автору этих строк посчастливилось несколько раз побывать на месте затонувшего в середине 50-х годов прошлого века Спасска — искали, чтобы сфотографировать эту самую степную гадюку вместе с руководителем заказника «Спасский» Евгением Костиным. Но гадюки в тот день к фотосессии оказались не готовы. Зато краснокнижные орланы-белохвосты, развесившие на высоких деревьях свои большие гнезда, встретили радушно. Орланы вообще к человеку в этих местах благосклонны, особенно почитают рыбаков. Дело в том, что эти гордые и большие птицы с размахом крыльев почти в два метра очень любят рыбу. Летом рыбачат сами, ловко вытаскивая из воды неосторожно приблизившихся к ее

поверхности речных обитателей. А зимой, когда водоемы скованы льдом, и рыба за- таилась на глубине, орланам ее не достать. И тогда они с «протянутым клювом» идут к рыбакам, сидящим у лунок. Причем под- ходят очень близко, особенно если щедрые рыбаки подзывают их: «вась-вась» и кида- ют мелкую рыбку.

Вскоре после Спасска для Валериана Гаранина родным стал еще один заповед- ный край — Чистопольский, известный ныне своим примечательным природным заказником «Чистые луга», в состав кото- рого входит более сотни живописных островов.

занской губернии и районному центру Татарии — Чистополю, поселку, основан- ному беглыми крепостными, горевшему и восстановленному в «чистом поле». Это торговое село Чистополье указом Екатери- ны II преобразованное в 1781 году в уезд- ный город Чистополь, которому в то время исполнилось 150 лет. И это был типичный российский купеческий уездный городок. Но в моей памяти сохранился только жив- ший у нас ирландский сеттер — ярко ры- жая собака, на которой я пытался ездить верхом...»

Отец Валериана Ивановича — Иван Петрович Гаранин — родился в сентябре

Природный заказник «Чистые луга»

«Первые смутные воспоминания дет- ства относятся примерно к двухлетнему возрасту и другому уездному городу Ка-

1900 года в селе Максимов Починок Мама- дышского уезда Казанской губернии в се- мье крестьянина-середняка, обедневшего

после пожара. Дед его был церковным сторожем и нередко приносил внукам в подарок пряники, вынимая их из голенища сапога. С семи лет Иван уже был подпаском, смог окончить два класса церковно-приходской школы, а лет с двенадцати служил в Мамадыше у купца Жукова «мальчиком», потом приказчиком, затем перешел к другому купцу — Музлову. После Февральской революции Иван Петрович Гаранин был одним из основателей профсоюза приказчиков в уезде, а в 17 лет, задумав посмотреть дальние края, отправился с товарищем на Дальний Восток. Чехословацкий мятеж застал ребят в Кузбассе, где, приняв молодых людей за московских агентов, их повели на расстрел. Но получив в виде выкупа карманные часы, отпустили, и они добрались все-таки до Хабаровска.

События забросили Ивана Гаранина в партизанский отряд И. П. Шевчука, в конную разведку. Гражданская война закончилась для него не падением Крыма, освобожденного в 1920 году от врангелевцев, а вступлением в октябре 1922 года во Владивосток. До того он был ранен у станции Бира, поэтому не мог участвовать в боях у Волочаевки. Встречался и даже жил в одном доме с будущим руководителем коммунистов Украины и кандидатом в члены политбюро ЦК ВКП(б) П. П. Постышевым. Вступил в партию большевиков в 1920 году. Водили его еще раз на расстрел...

«... Помнится, как в феврале 1939 года отец, как бывший красный партизан, выступал в День Красной Армии в школе, рассказывал об известном выступлении японской армии в апреле 1920 года, когда от группы партизан их отряда, оборонявшихся в казарме, из 60 человек в живых остались 18, которые вынуждены были сдать, когда кончились патроны. В это

Иван Петрович Гаранин, отец Валериана Ивановича

время сзади раздался голосок: «А вы остались?»

Видимо, в начале 1923 года отец вернулся в Мамадыш. Как он вспоминал, у него была мечта — стать милиционером. Это понятно, многих мальчишек привлекают форма и оружие. Но в уездном комитете партии ему предложили пойти в Госстрах — там нужны были коммунисты. Так он стал финансовым работником, работал в Мамадыше, Спасске, Чистополе, а позднее, когда перешел в Госбанк, в Казани. Управляющим Татарской республиканской конторой Госбанка был тогда М. М. Прасолов — экономист, заведовавший кафедрой в университете. Он хорошо разбирался в экономике и предложил, в частности, организацию в Татарии зверосовхозов:

пушнина — это валюта, а валюта особенно была нужна для начинавшейся индустриализации страны. Первым таким совхозом в республике стал Бирюлинский в Арском кантоне (ныне Высокогорский район РТ), а отец был заместителем директора при организации совхоза. Здесь, по рассказам, вначале было четыре фермы: кроликов, лисиц, немецких овчарок и морских свинок. Дело для нашей страны новое, опыта, не считая попыток некоторых помещиков, не было. Однако связи с наукой были установлены быстро. Вскоре в зверосовхозе даже проводилась практика студентов биофака КГУ. Руководил ею профессор Василий Николаевич Слепков — заведующий кафедрой генетики. С собой он брал жену, Евгению Соломоновну, тогда студентку биофака, и дочь, по имени, кажется, Ирина, примерно моих лет... В Бирюлях они останавливались в нашей квартире, которая находилась в доме барачного типа. В свою очередь, приезжая в Казань, мы, вероятно, останавливались у них. Смутно помню книги с цветными таблицами, жуков и бабочек, но подписи я прочитать не мог, хотя по-русски в ту пору уже начал читать — видимо, шрифт был латинский».

Кстати, старший брат В. Н. Слепкова, Александр Николаевич, был первым редактором «Комсомольской правды», позднее — редактором газеты «Правда» при Н. И. Бухарине. Оба брата окончили Институт Красной профессуры. В. Н. Слепков предлагал отцу В. И. Гаранина по его рекомендации поступить на рабфак Казанского университета, но по каким-то причинам этого не получилось. Позднее братья Слепковы были арестованы, как и многие другие бухаринцы, и погибли в 1937 году. Известно это стало лишь полвека спустя, и, например, даже профессор Николай Александрович Ливанов, многие годы

жизни которого связаны с Казанским университетом и биофаком, считал, что В. Н. Слепков жив. Десять лет провела в лагерях его супруга Е. С. Слепкова...

Жизнь в Бирюлях, среди мало тогда затронутого леса, зародила в мальчике Вале Гаранине интерес к биологии. Именно там, как сам признается, он впервые услышал хохот филина и вой волков, которые зимой подходили к самым окнам дома. Там же случилась и первая встреча с волком, которая запомнилась на всю жизнь.

Как-то мать Вали пошла в лес за грибами и взяла сына с собой. Он отошел от нее и вдруг увидел большую собаку с толстой шеей, стоявшую около куста. Немецких овчарок юный Валериан к тому времени хорошо изучил, знал, как они выглядят. Поэтому не испугался, решив, что перед ним та самая немецкая овчарка. Мальчик позвал маму, чтобы сказать ей о собаке. Она подошла, взглянула и, схватив сына за руку, тут же потащила прочь... Уже потом последовало объяснение, что это была не собака, а волк.

«Здесь, в Бирюлях, мне впервые удалось прожить в лесу все сезоны года, — вспоминает Валериан Иванович. — Впечатления эти остались на всю жизнь. Не раз я видел связанный с той жизнью сон — цветной, широкоформатный и даже озвученный: поляна среди леса, освещенная солнцем. Среди покрытой ромашками и колокольчикам поляны лежит ствол упавшей березы, на котором греется ящерица. Ярко-голубое июньское или майское небо с немногими белыми кучевыми облаками, вдали слышен крик петуха...»

Летом 1932 года в Мамадыше погиб от рук кулаков брат отца В. И. Гаранина Михаил Петрович, работавший начальником районного отделения милиции. Тогда же умерла «от разрыва сердца» его

мать (бабушка Валериана Ивановича), так что попрощаться пришлось с двоими. Хорошить родных в Максимов Починок ехали на телеге между двух стен колосающейся ржи...Затем семья короткое время жила в Казани на улице Бутлерова (на месте этого дома сейчас стоит памятник Муллаануру Вахитову). Рядом был кинотеатр «Рот-фронт», позднее «Вузовец», а на перекрестке улиц стояла водопроводная колонка. За эту воду надо было платить: ведро воды стоило 0,5 копейки (была и такая монета). В ходу были промтоварные карточки — как известно, до 1934 года существовала карточная система, причем, не с номерами, а с названиями животных: «волк», «лев», «тигр» и т.д. Зима 1932–1933 гг. выдалась холодной, с отоплением было трудно.

«Мы грели руки над раскаленной сковородкой, поставленной на примус (прибор, который мало нынче кто представляет), — вспоминает Валериан Иванович. — В начале 1933 года отец был направлен управляющим районным отделением Госбанка в Мамадыш, и мы переехали туда. Автобусов тогда не было, перебирались на лошадях двое суток, и я мог только высовывать нос из-под волчьего тулупа, в который был укутан. Лето 1933 года было жарким, на полях зрел богатый урожай. Первый секретарь обкома ВКП(б) М. О. Разумов проводил облет районов на дирижабле. Из кабины свешивался трап, и мальчишки спорили, можно ли до него дотянуться с пожарной каланчи, которая возвышалась над зданием бывшей городской думы в Мамадыше.

В январе 1934 года я впервые услышал о С. М. Кирове, как одном из «вождей», а первого декабря он был убит, и все газеты были заполнены воспоминаниями об этом большевике, который, кстати, родился на Вятке, но выше Мамадыша, в городе

Уржум Вятской губернии, а революционную деятельность начинал в Казани.

В 1936 году мне довелось прочитать журнал «Юный натуралист» (№ 1). Он стал для меня последним толчком в биологию, интерес к которой уже никогда не пропал. Как-то я, копаясь в старых бумагах, обнаружил две случайно попавших туда книги: «Путешествие на корабле «Бигль» Чарльза Дарвина и «Морские захребетники» М. Н. Богданова с отличными гравюрами. В то же время мой двоюродный брат Алексей передал мне стопку журналов «Юный натуралист» за 1920-е годы, отпечатанные на плохой бумаге, но со статьями ведущих наших, тогда еще молодых, натуралистов (например, А. Н. Формозова). Во дворе с помощью отца был выгорожен из досок «балаган», где на полках и на століке стояли банки и коробки с живностью: от жужелиц птеростихов до беззубок и жаб. К сожалению, эти книги и журналы были похищены воспитанниками находящейся рядом колонии малолетних преступников и использованы «на раскурку». С помощью другого двоюродного брата, Евгения Губанова, позже часть этих журналов была восстановлена. Книги по теме я смог приобрести много позднее, уже после Великой Отечественной войны. Здесь надо отметить роль моей матери, Анны Дмитриевны, работавшей в районной детской библиотеке, основанной после Гражданской войны по ее инициативе. Любовь к книгам я получил от нее, а что мне этот дало — переоценить трудно. Особенно запомнилась мне из тех лет книжка Н. Н. Плавильщикова «Оранг», в которой наглядно была описана живая природа острова Суматра.

В Мамадыше я начал учиться в школе. Первой учительницей была у нас Елена Георгиевна... Кроме занятий по школьной программе, осенью проводились экскурсии

Читальня дома пионеров в Казани, первый слева — Валериан Иванович Гаранин

в городские сады, заметное место занимали занятия типа кружковых с учетом интересов каждого. Мне, помнится, было поручение — рассказать о жуках, которых я держал дома, и я показывал птеростихов, которых называл тогда «жук-слон». Давались и другие общественные поручения. Во втором классе я был вожатым у октябрят первого класса. Отмечались праздники, в том числе День Красной Армии, когда мы выступали с концертами в районном военном комиссариате. Тогда возобновилась встреча Нового года, стали вновь проводить «елки» в школах, в районном доме пионеров. Запомнились первые из них, когда на елке, в числе прочих, еще небогатых украшений, висели четыре большие буквы «П»: «Письмо Павла Петровича Постышева». Рассказывали, что как раз инициатором восстановления в правах новогодней елки был кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Павел Петрович Постышев, обратившийся в ЦК с письмом, в котором объяснил, что Новый год — не религиозный, а народный, прежде всего детский праздник, и с ним согласились.

В летние каникулы мы организовали кружок юных натуралистов имени Чарльза Дарвина, проводили самостоятельные экс-

курсии по окрестностям города Мамадыша, собирая мелких животных, растения, камни и окаменелости на обрывах реки Вятки. В Мамадыше застал нас 1937 год, обошедший нашу семью стороной. В начале 1938 года отец был переведен с повышением в Казань. Здесь мы жили в доме Госбанка, на улице Щапова против Ленинского садика (сад Горького, где стоял позднее его бюст, в годы перестройки сосланный в конец улицы Горького). В те годы в Ленинском садике встречались ужи, прыткие ящерицы и даже ежи. А в саду Эрмитажа водились ящерицы-живородки. Однако жили мы здесь недолго: отец из-за болезни, в частности, малярии (а Казань тогда была малярийным городом) уже осенью был переведен в Чистополь. Здесь меня приняли в пионеры и дали второе в жизни общественное поручение, избрав председателем совета отряда. Уже в третьем классе тогда готовились к сдаче норм на оборонные значки, правда, в детской категории, с приставкой «Ю» (юный). Зимой по вечерам приходили в школу, занимались иногда при свете керосиновых ламп. Итогом было торжественное вручение значков ПВХО (Готов к противовоздушной и химической обороне).

1 сентября 1939 года нападением гитлеровской Германии на Польшу началась вторая мировая война. 17 сентября Красная Армия выступила на защиту западных украинцев и белорусов. За этими событиями я уже мог следить самостоятельно, так как с того времени стал регулярно читать газеты.

Летом этого года у нас гостила в последний раз бабушка, приехавшая из Мамадыша. Не знаю, какое у бабушки, жены столяра, крестьянки по происхождению, было образование, но гимназию она точно не кончала, а дочерям среднее образо-

вание обеспечить смогла. Запомнились некоторые ее высказывания — от бытовых («каждый сходит с ума по-своему») до имеющих политический характер. Когда был подписан в августе известный договор с Германией, отодвинувший от нас войну на два года, бабушка сказала: «Немцам-то верить нельзя!».

Тем же летом шли бои на р. Халхин-Гол, захватившие территории Монголии и Китая (Маньчжурию, оккупированную Японией). В связи с этим было сказано: «С китайцами надо дружить».

Тогда же, в сентябре, в связи с новым переводом отца, мы снова переехали в Казань, получили квартиру в доме по улице Профсоюзной во дворе Татарской конторы Госбанка, почти против Богоявленской церкви, во дворе которой находился зверинец.

Учиться я начал в известной тогда казанской школе № 4, помещавшейся в здании бывшей Ксенинской гимназии на улице Чернышевского (позднее Ленина, теперь — Кремлевской). С 1946 года здесь находился Казанский филиал Академии наук СССР. Директором школы был Юсуф Ахметжанович Туишев (1907–1984), в 1940–1945 гг. он был директором Казанской спецшколы ВВС, а впоследствии (1945–1967) — ректором Казанского педагогического института.

В школе был неплохой живой уголок и кружок юных натуралистов, которым руководила Анна Ильинична Красноперова. Далеко не все тогдашние пятиклассники стали биологами, но занятия кружка, экскурсии через Коровий мост, за Казанку, остались в памяти многих.

В декабре, когда в разгаре была война с Финляндией, в казанские госпитали стали поступать раненые бойцы и командиры. Мы стали бывать в госпиталях. Помнится первое посещение одной из палат с легкоранеными. Среди других там был лейтенант, награжденный орденом Красной Звезды, и многие хотели именно ему вручить подарок (а мы пришли с небольшими подарками). Из духа противоречия или по другим причинам, я остановился у койки молоденького бойца (как раз в 1939 году стали призывать в армию не с 21, а с 18 лет). Он был ранен в первом бою на границе и смущался, что не может вспомнить никаких героических подробностей. Свой подарок (это был флакон одеколona, купленный мамой) я вручил ему. Той же зимой нашу школу расформировали, здание было занято вновь организованной спецшколой ВВС, которой стал руководить наш (уже бывший) директор.

В эти годы я был редактором классной стенгазеты, классным организатором (старостой), председателем совета отряда и членом совета пионерской дружины. Видимо, по этой причине я оказался в составе группы, посетившей во главе со старшим вожатым школы в гостинице «Казанское подворье» М. В. Водопьянова — одного из первых семи Героев Советского Союза, спасавших челюскинцев. Комбриг встретил нас приветливо, но от визита в школу отказался, сославшись на неотложные дела. Я находился на левом фланге и видел стоявшего за шторой военного: комбрига охраняли...»

Великая Отечественная война

«21 июня 1941 года мы приехали на дачу Госбанка, находившуюся на озере Глубоком. Кроме этого деревянного двухэтажного домика на озере был еще дом лесника, помещения детского туберкулезного санатория, да на южном берегу — здания лесничества. Еще несколько лет до этого в окрестностях озера гнездились орлы, вероятно, беркуты, встречались волки. 22 июня с утра прибыли сотрудники Госбанка, появился буфет, обслуживающий выехавших на «пикник», как тогда называли массовки.

Я в это время отправился в обход озера, отмечая встречи животных. Места эти мне были знакомы с прошлого лета, когда впервые удалось там прожить летом целый месяц. А еще раньше я приобрел одну из первых моих «научных» книг — «Жизнь насекомых» Ж.-А. Фабра, понаблюдать в природе за ее «героями»: аммофилами, бембексами, навозниками-геотрупами, жуками-могильщиками и другими. Мог часами сидеть над дохлой крысой, не замечая запаха, наблюдать, как сначала на трупке появлялись личинки мух, в частности, синей мясной — каллифоры, и серой мясной — саркофаги, как они разжижали своими выделениями ткани и потом погружались в образовавшуюся жидкость, оставляя снаружи только задний конец с дыхальцами; как ползавший по краю лужи жук-карапузик, осторожно, по-кошачьи ступая лапкой в жидкость, схватывал челюстями ближнюю личинку, вытаскивал ее на сухое место и поедал. Мелкие трупы — мышей, полевок, кротов — закапывали могильщики, крупные оставались на месте, сменялись только потребители, и заканчивался

весь этот процесс появлением кожеедов, «пирующих» на сухих тканях. Закончив обход озера и увидев в то июньское утро много интересного, я вернулся обратно и узнал о войне. Об этом сообщил приехавший из Казани начальник отдела кадров Госбанка М. И. Волгутов, прослушавший выступление В. М. Молотова. Помнится, у меня вырвалось: «Ну, теперь Гитлеру будет конец!» Кто мог знать, что конец наступит почти через четыре долгих года...

Отец, отвечавший в Госбанке за «оборонные» фонды, уехал снова в Казань и практически на даче уже больше не появлялся. Вскоре в Казань стали прибывать эвакуированные москвичи, семьи некоторых руководителей правления Госбанка СССР появились и в доме на озере Глубоком. Были слухи об аресте «шпиона» на соседнем Пороховом заводе, о задержании пионервожатой одного из лагерей на озере Лебяжье и т. д.

Летом в Казань приехали животные эвакуированного Ленинградского зоопарка, которых выставили в помещении Казанского зооботсада на ул. Баумана. Среди экспонатов мне запомнился черный носорог, которого я увидел впервые, но рог его смог потрогать, с некоторым уроном для указательного пальца (об этом упомянут через 60 лет в книге Зооботсада).

Учебный год мы начали в разных школах города, пока наша 24-я, здание которой было занято под госпиталь, не получила постоянное помещение на углу улиц Чернышевского и Международной (ныне Кремлевской и Кави Наджми). Обстановка была тяжелой, хотя основные трудности ждали впереди. Как-то в сентябре один из наших одноклассников, подвижный,

как ртуть, мальчишка, не дававший покоя ни учителям, ни ученикам, явился в школу непривычно серьезным и тихо сидел на уроках. На вопрос, что с ним случилось, ответил: «Ну, как же, учиться надо. Вон дела какие: Киев сдали...».

Тогда еще не было известно об окружении нескольких наших армий восточнее Днепра, о гибели командующего фронтом, бывшего казанца, генерала М. П. Кирпоноса. В ноябре 1941 года мой отец, имевший бронь от призыва, был призван в армию по партийной мобилизации и направлен в г. Белебей (Башкирия) в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Окончил ускоренный курс весной 1942 года, получил назначение комиссаром полка в 13-ю армию Брянского фронта, которой командовал генерал-майор Николай Павлович Пухов. Помнится, когда мы провожали отца, на вокзале услышали сообщение об освобождении Ростова. Отец тогда сказал: «Ну, раз меня взяли, будем наступать».

Вскоре, в начале декабря, стало известно о разгроме гитлеровцев под Москвой. Москвичи плакали, слушая названия освобожденных подмосковных городов и поселков, которые нам тогда ничего не говорили, а теперь они вошли в историю, как Бородино в 1812 году.

Летом мы ходили полоть картошку в районе нынешнего Соцгорода, где теперь прошли улицы бывшего Ленинского района, были в госпиталях, собирали металлолом. Вспоминается, как мы с соседом и одноклассником Мишей Щербатовым нашли во дворе большую железную трубу, договорились с завхозом Госбанка и понесли ее в школу. Однако часовой в воротах, зная о полученном нами разрешении, отказался нас пропустить без объяснения причин. Сейчас-то это понятно: чем меньше

у человека власти, тем больше желание ее показать. Мы вернулись обратно, посоветовались, сунули трубу через водосток на улицу Профсоюзную (там был глухой забор, но часового не было) и перелезли сами. Но вместо того, чтобы подняться с трубой по Астрономической улице к школе, мы не поленились обогнуть квартал, пройти по ул. Баумана, показать часовому, что мы трубу все-таки вынесли, и уже после этого потащили этот груз, по весу равный, наверное, половине классного задания, в школу. В это время советы пионерских отрядов и дружин были преобразованы в штабы, и я стал начальником штаба отряда и членом штаба дружины. Позднее довелось участвовать в первом слете пионеров Казани.

Вспоминаются некоторые случаи тех лет. В трамвае, шедшем по улице Карла Маркса, ехал офицер-фронтовик с сыном-школьником. Трамваи тогда ходили медленно, а двери открывались не автоматически, а просто руками. Мальчик заметил, что в сумку одной из ехавших в вагоне женщин залез карманник, и сказал отцу, а тот предупредил женщину. Надо сказать, что тогда самой тяжелой потерей при краже были не деньги, а продуктовые и особенно хлебные карточки, и их легко было выкрасть. Женщина крикнула, вор отскочил и побежал по вагону к двери, по пути полоснув бритвой по глазам мальчика, открыл дверь и выпрыгнул из трамвая. Перебежал дорогу и, ухмыляясь, пошел по тротуару. Мальчик схватился за глаза руками, по лицу потекла кровь. Его отец выхватил пистолет и при одобрении других пассажиров уложил бандита со второго выстрела. У мальчика была порезана переносица и разрезаны веки, но глазные яблоки остались целы.

Лето 1942 года было жарким, я провел его в Мензелинске и в Кукморе, где муж

моей тетки, Василий Иванович Губанов, был районным военным комиссаром. Запомнился очередной призыв в Мензелинске, где новобранцы уходили на пристань с песней: «Белоруссия родная, Украина золотая...».

При переезде из Мензелинска в Кукмор в полях было видно много неубранных снопов. При осмотре под каждым оказывалось до пяти гнезд серых полевок, которые усиленно размножались в таких благоприятных условиях. Из Кукмора в Казань по железной дороге можно было добраться только по специальному разрешению.

У нас была двухкомнатная квартира, где жила еще женщина с дочерью — эвакуированные с Украины. Новый комендант Госбанка, старший лейтенант, вернувшийся с фронта с поврежденной рукой, решил занять одну из наших комнат, хотя ему предлагали равноценную в соседнем доме. В этом деле участвовал завхоз Госбанка Вавилов, когда-то работавший с отцом в Чистополе. Была взломана дверь, и солдаты под командой двух офицеров стали выносить вещи. У матери на руках был больной братишка, и она попросила по возможности не шуметь: «Ребенок болен». «Кому нужны ваши дети», — ответил младший лейтенант, продолжая командовать.

Операция была завершена достаточно быстро. Разумеется, мы не написали об этом на фронт отцу ни одного слова. Но зимой 1943 года он был в командировке в округе, в г. Куйбышеве (Самаре), смог захватить в Казань и тогда узнал о происшедшем. После его визита к прокурору наша комната была быстро освобождена. Ну а я стал фаталистом, проследив судьбу «главных героев» этого дела. Комендант Госбанка вскоре за какие-то нарушения был снят с работы и уволен из органов МВД, что само по себе тогда было серьезным наказанием. Младший лейтенант, не любивший детей, был

призван в действующую армию и скоро погиб в бою. Второй — старший лейтенант,

Валя Гаранин в годы войны

менее активный в упомянутой «операции», — после войны был также уволен из органов и пришел устраиваться на работу в Госбанк инкассатором к моему отцу, демобилизованному к тому времени из армии и оказавшемуся вновь в Казани. Приходил к нему, надеясь на защиту, и бывший завхоз, работавший в одном из районов Татарстана, которого за какие-то злоупотребления должны были привлечь к ответственности.

1943-й год, когда впервые с начала войны не удалось летнее наступление гитлеровцев и, наоборот, перешла в наступление Красная Армия, поднял настроение у всех. Был закончен 7-й класс, что означало завершение неполного среднего образования. Некоторые из нас собирались на этом прервать обучение и поступить на работу. Мы, решив отметить это

событие, собрались в школе. Перед самым началом встречи была объявлена очередная воздушная тревога, к которым к тому времени все привыкли. Но эта тревога была необычной. На здании Госбанка застучали пулеметы, самолеты полетели на запад. Больше мы увидеть ничего не смогли, так как появившаяся директриса настояла, чтобы мы спустились в щель, выкопанную во дворе. В этой щели мы и просидели до окончания тревоги, выпускной вечер был сорван. Позднее председатель районной организации ОСОАВИАХИМа (Общества содействия развитию авиации и химии) рассказал, что в этот день под Зеленодольском был сбит немецкий самолет-разведчик.

Осенью мы временно переехали в Мамадыш, где была при смерти бабушка. Там я начал учиться в 8-м классе, со 2-го октября (в номинальный день взятия Казани войском Ивана Грозного). Днем начался пожар на спичечной фабрике, находившейся рядом со школой. Нас отпустили с урока военного дела, но многие не ушли домой, а оставаясь на пожаре, ломали заборы, носили вещи. Здесь я «заработал» сухой плеврит легкого, который местный врач не распознала, а старательно лечила болезнь сердца, которой не было.

Во второй четверти, когда я вернулся к учебе, на занятиях по военному делу мы копали окопы в снегу, ползали и делали все, что положено бойцам: военруками были обычно выздоравливающие фронтовики.

В конце года заболевшая сестра матери, К. Д. Губанова, попросила приехать в Кукмор, где мы оказались в последние часы 1943 года. После зимних каникул я в первый день учебы с трудом пришел из школы. Оказалось, что у меня уже двухсторонний экссудативный плеврит: на этот раз врач, капитан медицинской службы, оказалась

на высоте. Но вытасила меня из этой болезни моя мать, сделав все, что было можно при недостатке обычных лекарств, обратившись даже к местной знахарке. Кстати, купленная у нее мазь (из скипидара, меда и пр.) мне действительно помогла. Смог подняться только 22 апреля. Весна была теплой, люди начали ходить без пиджаков, а я вышел на крыльцо, шатаюсь от слабости, в пальто и валенках. Но настроение было хорошее: болезнь подошла к концу. Несмотря на весеннюю распутицу, Красная Армия продолжала наступление, в апреле была освобождена Одесса, наши войска перешли границу Румынии.

К первому мая мы вернулись в Казань. Вскоре обнаружилось еще и осложнение моей болезни — опухоль на коленном суставе, хирург поставил диагноз — «tbc», туберкулез. Мама не поверила этому диагнозу и приложила усилия, чтобы попасть на прием к известному казанскому хирургу-профессору И. В. Домрачеву, который названную болезнь не подтвердил. Опухоль он счел следствием ушиба и рекомендовал хорошее питание и солнце.

К тому времени у нас был участок огорода за железнодорожным вокзалом, где теперь водохранилище. Мать с братишкой копались на огороде, а я лежал, подвернув штанину, грел на солнце колено. В день уборки огорода матери на работе не дали выходной, предложив взять отгул в понедельник. Но охрана огорода была снята, и когда мы явились убирать картошку, оказалось, что ее за нас уже убрали, и даже полоска кормовой свеклы, посаженная рядом, была аккуратно вычищена. Было жалко не столько картошку, сколько потраченное время. Радовали только события на фронте.

После пропущенного из-за болезни учебного года надо было продолжать учебу.

Но возвращаться в свою школу на класс ниже не хотелось. С осени 1944 года я стал студентом ЛУЭТа (Ленинградского учетно-экономического техникума), эвакуированного в Казань и здесь оставшегося. Был там председателем ячейки ОСОАВИАХИ-Ма и агитатором (политинформатором) группы. В беседах в основном освещалось положение на фронтах. Помнится, в конце 1944 года немецкие танковые дивизии стремились прорваться к Будапешту. В северо-западной Венгрии шли тяжелые бои за небольшой город, но крупный железнодорожный узел — Секешфехервар. Это название настолько часто упоминалось мной на политинформациях, что когда группа сдавала экзамен по экономической географии, и в билете был вопрос о Венгрии, то из городов этой страны студенты вспоминали Будапешт и Секешфехервар. В 1980-е годы мне удалось проездом быть в этом городе.

В техникуме я к 17 годам вступил в комсомол (раньше считал себя неподготовленным). В ночь со 2 на 3 мая 1945 года мы с однокурсником Мансуром Рахматуллиным выполняли первое комсомольское поручение: помогали милиции Молотовского района в охране общественного порядка. Добровольных народных дружин тогда еще не было. Мы дежурили на улице Маяковского полсуток: с 16 часов до четырех утра, задержали и отвели в отделение милиции двух подозрительных субъектов, ломавших забор, и одного пьяного дебошира, обещавшего, если отпустим, познакомиться нас с генеральской дочерью. В ту ночь мы услышали сообщение Совинформбюро о взятии Берлина.

Победа над Германией отсрочила на два дня прием в комсомол: собрание было намечено на 9 мая. В тот день мы с Иршатом Мухутдиновым с утра были на но-

гах. По улице Баумана шествовал цирк: на слоне и на верблюде гроздьями висели артисты, а в шесть часов вечера на стене Дома печати через окно-иллюминатор демонстрировали кинофильм «В шесть часов вечера после войны». Вечером слушали приказ Верховного главнокомандующего, поздравившего с окончанием войны. Но в Чехословакии еще продолжались бои, и именно там была 13-я армия Н. П. Пухова.

Летом 1945 года на лагерные сборы собирали ребят до призыва в армию, мы их прошли сборы близ Юдино. Жили в землянках, выкопанных еще до войны. Руководили занятиями вчерашние фронтовики, освоившие военное дело практически. Мне после болезни было тяжело, но старался быть наравне с остальными. Сборы завершались спортивными соревнованиями и марш броском на восемь километров, который надо было пройти быстрым шагом и временами бегом при полной выкладке (винтовка образца 1893–1930 гг., противогаз, саперная лопатка и, конечно, шинель, свернутая в скатку). В конце марш-броска я держался из последних сил, было желание бросить винтовку. Старшина, бежавший рядом, предлагал ее забрать у меня: «Отдай винтовку». Я отвечаю: «Не отдам!» Все-таки добежал, и не самым последним. Результат засчитывался по последним, а наша рота пришла первой.

Осенью 1945 года мы еще продолжали выезжать на «воскресники», в частности, на Дальнее Устье, выгружать дрова. Уставшие после разгрузочных работ ребята стремились с пристани в город доехать на попутной машине, даже на грузовом трамвае, но я «принципиально» по-прежнему ходил пешком все восемь километров. Это помогло мне впоследствии. Ездили мы и «на картошку». Работали

Валериан Гаранин (слева) с лучшим другом Иршатом Мухутдиновым — будущим министром здравоохранения ТАССР

в большом селе Мульма Высокогорского района.

Уходили рано утром по замерзшей дороге, потом, когда земля оттаивала, копались в грязи, подбирая и мелкий картофель, возвращались снова по твердой дороге, как правило, с мокрыми ногами:

хорошей обуви не было практически ни у кого. Я донашивал хромовые сапоги отца, уже прохудившиеся, и на вопрос, не мерзнут ли ноги, отвечал, что правая мерзнет, а левая — нет (в левом сапоге была не одна, а две дыры: в одну вода вливалась, а в другую выливалась)».

Бандера — страшная реальность

Настроение было при всех мелких неприятностях хорошее. Главная — война закончилась, а в сентябре завершилась и короткая война с Японией, начали возвращаться домой отцы и старшие братья, впереди ожидалось только хорошее. Отец В. И. Гаранина прошел с армией от Ельца до Праги, 13-я армия возвра-

тилась на Родину и была размещена на территории Западной Украины. Ивану Петровичу дали новое назначение (после контузии в 1943 году он был замполитом армейской школы младших лейтенантов), но не демобилизовали, а направили в гаубичный артиллерийский полк замполитом. Обосновавшись в полковом городке восточнее г. Сарны

Ровенской области, он забрал семью к себе.

«Ехали через Москву в Киев, — вспоминает В. И. Гаранин. — В Подмоскovie вдоль дороги еще лежали неубранные противотанковые ежи, а на Украине — наши и фашистские подбитые танки и сбитые самолеты. Мост через Днепр в Киеве был взорван, и поезд проходил через понтонный мост. В самом городе было много разрушений, даже в центре, хотя прошло уже два года после его освобождения. На узловой станции Здолбунов под городом Ровно работала большая группа немецких военнопленных, и кто-то сказал, что, может быть, они и взрывали город, а теперь его восстанавливают.

Из Ровно мы отправились в Сарны на пригородном поезде. Проводник принес свечи и предупредил, что по совещенным окнам могут стрелять бандеровцы. К этому времени в Ровенской области крупных банд уже не осталось, но сохранились группы по 10–15 человек: после покушения на генерала Н. Ф. Ватутину, и особенно после окончания войны, принимались самые крутые меры для нормализации обстановки. Много сделал для этого генерал Т. А. Строкач, ставший в послевоенные годы министром внутренних дел УССР. Наши бойцы и командиры, прибывшие из-за границы, считали, что находятся на своей территории, и сначала не придавали значения сохранившейся бандеровщине: об этом напомнил ряд «ЧП». Нам рассказал о некоторых случаях ехавший с нами из Москвы майор из Кубанского кавалерийского корпуса. Во всяком случае, попавшие в руки бандитов офицеры и коммунисты редко выходили живыми. Дорого можно было заплатить и за комсомольский билет. Как раз в 1945 году была смена комсомольских значков: вместо «КИМ»

появилась новая надпись — «ВЛКСМ». Комсомольские значки тогда не заставляли носить, но все их носили, в данных условиях даже из принципа. Не забыть взгляды некоторых крестьян из большого села Сарны, через которое проходила дорога из полка в школу. Они, эти кулаки (как выяснилось), буквально сверлили глазами именно значок.

Многое оказалось новым и необычным для «восточников» — так называли нас, приехавших на Западную Украину с востока: и обращение на рынке к женам офицеров «пани», и высокий авторитет церкви, и почтительное отношение к военной форме (мне приходилось ходить в ушитых гимнастерке и шинели отца, только без погон). Девятый класс был старшим в школе, и было нас всего девять человек, позднее это количество дошло до 13. Здесь были украинцы, русские, евреи, даже чешка по фамилии Выслужил, необычной для русского уха (как она объясняла: «Служил, служил и выслужил...»). Тон задавал наш классный руководитель Сергей Абрамович Гликсон. Он вел у нас шесть предметов: все три математики, физику, химию и черчение, а его жена — еще два: основы дарвинизма и немецкий язык. Говорить с ними можно было обо всем, включая вопросы политики и морали. Оба окончили Варшавский университет, а в 1939 году бежали от Гестапо на восток, навстречу Красной Армии, оставив все, включая богатую библиотеку. С началом войны Сергей Абрамович ушел на фронт, а его жена с маленьким сыном успела эвакуироваться. Демобилизованный как преподаватель, сразу после окончания войны Сергей Абрамович нашел из всей своей библиотеки две книжки у соседей и снова стал собирать литературу. К осени 1946 года сумел набрать около 2000 книг

и журналов, которыми широко пользовались его ученики. У меня он как-то «перехватил» в районном книжном магазине книгу Э. Сетона-Томпсона «Моя жизнь», которую позже я все же приобрел. Сергей Абрамович владел несколькими европейскими языками, а его жена дала нам основы немецкого языка. И на экзамене я получил у нее по этому предмету, кажется, первую пятерку за год.

Учебу в девятом классе я после техникума начал очень плохо: во второй четверти (первую я пропустил) в табеле впервые было три «тройки». Конец был значительно лучше: в четвертой четверти «троек» не было, больше было «пятерок», а экзамены были все сданы на «5».

Из одноклассников я особенно сблизился с Олегом Зубковым, сыном железнодорожника. На него действовали последствия перенесенного в детстве полиомиелита: одна рука была очень слабой, но другой рукой он рубил дрова, разбивал полено с одного удара. На беду он влюбился в одноклассницу — дочь командира соседнего полка, Героя Советского Союза, у которой интересы не заходили дальше танцев в гарнизонном клубе. Интерес ее к учебе выразился в четвертных «двойках»: в первой четверти их было 3 (из 12 возможных), во 2-й — 6, в 3-й — 9... Впоследствии Олег, окончив пединститут, был директором школы на Ставрополье. Дальше наши связи оборвались. Война застала Олега в пионерском лагере в Карпатах, откуда их все же вывезли. Он попал к бабушке в Минеральные Воды, пережил оккупацию, и 11 января отмечал две даты: освобождения: г. Минеральные Воды (1943 г.) и г. Сарны (1944 г.)

Был у нас Игорь Гуреев. Когда его год рождения (1925-й) оккупанты угоняли на работы в Германию, родители дали

взятку писарю, и тот переделал дату. Мать Игоря была чешкой, что дало ему возможность после освобождения города вступить в корпус генерала Л. Свободы. Позднее он был демобилизован по ранению и вернулся в школу.

Из девочек наибольший жизненный опыт был у Ольги Пилатовской, мать которой работала завучем школы, а у нас вела литературу. Оля училась до 1939 года в гимназии, владела, кроме русского, украинским и польским языками, изучала немецкий. В 1944 году она была отправлена на работу в Германию, но во время бомбежки нашими самолетами узловой станции Ковель сумела сбежать, несмотря на ранение осколком в руку. Позднее все же попала в облаву и была вывезена в Германию. Здесь ей «повезло»: работала у владельца хутора в районе Магдебурга, а не на калийных шахтах, куда попали другие девчата, у которых, как говорили, от калийных паров вылезали волосы и выпадали ногти.

С апреля 1945 года демаркационная линия между американскими и советскими войсками прошла по реке Эльба, и уже в мае американцы передали нашим советских граждан. Так что Оле удалось вернуться домой, не проходя лагерь для перемещенных лиц. Но за зиму она освоила разговорный немецкий язык до ругательств и в классе была первой по знанию немецкого языка, далеко опережая остальных. В школе она была очень активной, работала в редколлегии стенгазеты, но в приме в комсомол ей было отказано из-за пребывания за границей. Вступить в члены ВЛКСМ Ольге Пилатовской удалось лишь впоследствии, во время учебы в Львовском университете, где она получила специальность психолога, изучила английский и болгарский языки, позднее

защитила диссертацию по психологии малолетних правонарушителей. Я тоже был в редколлегии стенгазеты и членом комитета комсомола школы.

Проводили мы и воскресники, особенно весной, занимаясь, в частности, засыпанием воронок от бомб, которых было много в окрестностях школы. Сарны наши войска взяли быстро, и город остался целым, но впоследствии был сильно разрушен бомбами, в том числе пострадало и здание школы. На удивление уцелели огромные четырехэтажные польские казармы, в которых позднее мы жили около двух месяцев до отъезда из г. Сарны.

Принимали мы как-то на заседании комитета комсомола одного восьмиклассника по фамилии Попович. Спрашиваем его: «А дома твои не против вступления?» Отвечает: «Против». «Почему?» «Говорят — не будешь в церкву ходить...»

Во время войны, когда часты были облавы, у Поповича в семье пропал брат, затем второй. Один из них после войны нашелся в Польше, где успел жениться. Попович же рассказывал о ликвидации еврейского концлагеря в Сарнах. Он был организован на высоте в центре города: несколько бараков, окруженных колючей проволокой, по углам — вышки с пулеметами. Из Сарненского и соседних районов Ровенской области сюда было согнано 15 тысяч евреев, в том числе родители наших учителей — С. А. Гликсона и его жены. Лето 1942 года было жарким, в лагере были перебои с водой. Отдельные субъекты из местных жителей, зная, что у заключенных имеются драгоценности — кольца, брошки и т.п., приходили с графином воды к проволоке (немецкие часовые не препятствовали). Им бросали драгоценности, а они переходили на другую сторону проволочного ограждения,

повторяя «операцию». В конце концов, измученные люди потеряли терпение, бросились на проволоку и прорвали ее. Небольшая часть людей побежала в сторону кладбищ: польского, еврейского и далее в лес. Некоторые из них смогли спастись. Но большинство кинулось в город. Их искали с собаками и пристреливали на месте, двое заключенных были убиты во дворе у Поповичей и лежали до утра: из дома ночью выходить запрещалось. В лагере заключенных выгнали из бараков, бараки подожгли. Людей начали расстреливать, но потом сообразили, какую массу трупов придется вывозить. Оставшихся вывезли за город и расстреляли. В 1946 году на этом месте был сооружен памятник в виде мавзолея.

Полковой городок, где мы прожили зиму 1945–1946 гг., был сооружен поляками в лесу, в 7 км восточнее г. Сарны, и связан с последним хорошей шоссейной дорогой. Спелый сосновый лес, старые дубы, медленно текущие протоки реки Случь с поросшими ольшатником берегами. Богатым был животный мир: волки, кабаны, косули. Со многими животными я встретился впервые, например, с белым аистом и болотной черепахой. Братишка как-то увязался с офицерами на охоту и видел, как волк гнался за косулей. В другой раз он вел дивизионный автобус (шофер доверил руль одиннадцатилетнему мальчишке, увидев его интерес к технике), а на шоссе вышло стадо кабанов. Секач повернулся к остановившейся машине, пока стадо переходило дорогу. Один поросенок замешкался, секач его куснул, тот, взвизгнув, побежал через дорогу. Стадо прошло, секач еще немного постоял на шоссе для порядка и пошел следом.

Как-то ночью волки подошли к складу, где было недостроенное проволочное

заграждение. Часовой, увидев движущиеся тени, окликнул и, не получив ответа, открыл стрельбу. Поднятый по тревоге караул, разобрался, что к чему.

В марте 1946 года (в день первых выборов в Верховный Совет СССР) братишка, я и ординарец отца (на год старше меня) пошли на охоту, имея дробовик, малокалиберную винтовку и автомат. Наткнулись на следы волков на свежеснеженном снегу (это была стая, шагавшая «след в след»). Пошли по следам, вскоре они свернули к ручью и потянулись по льду, сверх которого выступала вода.

Но волки не могли учесть, что утром выпал снег, и в снеговой каше их следы были заметны. В конце концов мы вышли на опушку, откуда след пошел прямо через поле к заросшему оврагу, где волки явно должны были остановиться на дневку. Мы вышли на бугор и увидели, что навстречу идут через поле трое вооруженных людей. На одном были видны солдатские погоны, другие без погон. Укрыться негде, стали сближаться с оружием наготове. Один из встречных оказался подполковником из соседней артбригады, тоже вышедшим со спутниками на охоту. Пока разбирались, стало темнеть, так до волков мы и не дошли.

С весны я стал чаще выходить в лес и задерживался там порой допоздна. Как-то увидел сон, что задержался в лесу до вчера. Вышел на освещенную луной поляну, перешел ее. У противоположного края поляны лежала большая сосна. Перешагнув через ее ствол, огляделся: на противоположном краю поляны, откуда я пришел, стоит волк... Через несколько дней сон повторился... Незаметно наступил вечер, а в спелом густом лесу он наступает быстрее. Я вышел на поляну, и как раз в эти минуты полная луна вышла из-за туч и осветила поляну.

Пройдя ее, я почти наткнулся на толстый ствол лежащей сосны. Машинально оглянувшись, увидел на другой стороне поляны освещенного луной крупного волка, который спокойно смотрел мне вслед...

Кабанов я регулярно вспугивал, возвращаясь из школы. У входа в лес, рядом с шоссе, было болото, заросшее тростником, и когда я проходил, обычно уже в темноте, мимо этого болота, раздавались треск и топот: кабаны срывались с места кормежки и исчезали в лесу. За все время жизни в этом лесу, то есть зиму и весну, только один раз мне удалось увидеть днем убегающего кабана.

Белые аисты встречались в каждом болоте. Массовый прилет их мы видели во время очередного воскресника около школы. Кто-то из «восточниц», оговорившись, крикнул: «Страусы летят!» А ребята подхватили: «Крокодилы, бегемоты!...»

На протоках и озерах встречалось много уток. Иногда, наблюдая за ними с шоссе, я встречал возвращавшегося из города капитана Кулаева, замполита одного из дивизионов, осетина по национальности, который обычно предлагал пострелять из пистолета (трофейного оружия было много). Капитан ушел на фронт из аспирантуры (он был, кажется, филологом) и скучал по своей мирной профессии учителя. Он настойчиво советовал мне не уходить в армию, куда я собирался после окончания школы, а поступать в вуз, на биофак.

В лесных протоках можно было увидеть болотных черепах, поднимавшихся со дна глотнуть воздуха, гревшихся в лучах весеннего солнца на корягах или на голых участках берега. Весна была необычной для нас из-за частых перемен погоды и высокой влажности (как и зима, когда нередко вместо снега шел дождь)».

В детстве и ранней юности Валя Гаранин не отличался крепким здоровьем, наоборот — часто болел, пропуская занятия в школе. И даже однажды по болезни пропустил целый год, очень смущался и переживал, когда пришлось сесть за парту с теми, кто младше его. Но он пересилил самолюбие, сконцентрировал всю силу волю — и смог окончить школу всего с одной четверкой (практически случайной). А экзамены в университет сдал на одни пятерки. Упорство, смелость, выносливость, принципиальность, сила воли, исключительное чувство справедливости и многие другие замечательные человеческие качества, которые присущи Валериану Ивановичу, он воспитал в себе сам. Не специально, жизнь его учила, словно стрелки рисовала — и он шел по ним, выбирая правильный путь, не жалея себя. И может, за это получает в благодарности от судьбы долгую, наполненную творчеством жизнь? Взять совсем недавние события в его жизни — улетел в Махачкалу на какую-то ответственную герпетологическую конференцию, чтобы выступить там с докладом, к которому, кстати, очень тщательно готовился. Вернувшись из Дагестана, на следующий же день — отправился в Тольятти, на другую подобную конференцию. И это в 90 лет! Откуда силы, энтузиазм и молодой задор у этого уже очень немолодого человека?

...Каждый человек получает от жизни то, чего ждет. Эту истину мы, увы, нередко забываем. А как на самом деле просто с самого утра взять и настроиться на успешный день! Ни в коем случае нельзя загонять себя в угол сомнениями в собственных силах и пораженческими настроениями. Нельзя говорить: «если смогу...», надо: «Я смогу!» Наверное, и эту науку жизни, как любимую его биологическую и экологи-

ческую науку, хорошо познал Валериан Иванович.

Вспоминает В. И. Гаранин: «В распутицу иногда не ходил дивизионный автобус, на котором мы добирались до школы, и эти семь километров надо было проходить пешком. Со мной обычно ходил брат, учившийся в четвертом классе, и его одноклассница, дочь капитана нашего полка. Деревянный мост через реку Случь разбился на время ледохода (постоянный мост на шоссе, взорванный гитлеровцами, еще не был восстановлен), и приходилось добираться пригородным поездом от соседней станции, а то и пешком, через железнодорожный мост Варшава — Киев.

Попав в состав комитета комсомола школы, мне приходилось участвовать в его заседаниях, которые обычно проводились в дни общешкольных комсомольских собраний, после занятий первой смены. При этом на автобус, увозивший первую смену и привозивший вторую, я не успевал, а пообедать нужно было, шел в городок пешком, не рассчитывая на попутные машины. Потом надо было идти на комсомольское собрание, а вечером возвращаться обратно. Иногда таким путем набиралось (только в школу и обратно) 28 км, и я стал проходить этот маршрут — 7 км — за час, конечно, если шел один. Возвращаться приходилось и ночью. Путь шел городом, селом, через реку, полем, лесом. Ребята мне говорили: «Что тебе отец пистолет не даст...» (оружие можно было найти легко). Возвращаясь ночью в полк и проходя мимо развалин разбитых бомбами домов, я сжимал в кармане складную точилку (были тогда такие в ходу — из лезвия безопасной бритвы): с ней было веселее.

Вспоминая сейчас те времена, можно сказать, что мне повезло. А могло и не повезти, поскольку комсомольский значок

я не снимал с гимнастерки и в городе, и по дороге в школу, и бродя по лесу. За все время у меня была только одна встреча в лесу, между протоками Случи, которая могла закончиться печально, поскольку их было двое... Но они опасались стрелять близ полка, а со мной была малокалиберная винтовка (правда, с одним патроном). Дома об этой встрече я рассказал уже позднее, после переезда в город.

Полк всю зиму стоял гарнизонами по деревням с начала предвыборной кампании, поскольку бандеровцы убивали членов комиссий, сжигали избирательные участки и т.п. Обстановка была сходной с той, что происходила в наше время в Чечне.

Отец всю зиму почти не был дома. Как-то он позвонил по полевому телефону и сообщил, что, возможно, ненадолго заедет, поскольку его вызывают в Ровно, в политедел армии. Дело было в апреле. Утром прихожу в школу и узнаю, что бандиты устроили крушение пригородного поезда, причем, «со знанием дела»: особенно пострадал так называемый «офицерский» вагон, где ездили только военнослужащие, советские и партийные работники. В этом вагоне ни один человек не остался целым...

Несколько дней связи с гарнизонами в селах не было, и только позднее мы узнали, что «виллис» отца застрел в снеговой каше в полукилометре от станции, и он опоздал на тот поезд.

С конца весны, когда почва в лесу более или менее просохла, начались «покушения» бандеровцев на наш полковой городок, находившийся на развилке дорог. Не решаясь на прямые нападения, (видимо, уже не имея сил для этого), они стали поджигать лес в те дни, когда ветер дул со стороны леса. Как-то дивизионный автобус, возвращавшийся из Сарн, поломался

и остановился в поле. Потом его пришлось толкать, и все, кроме маленьких детей, вышли из машины. В это время бравый майор, взявший в свои руки руководство операцией, обнаружил на заднем сиденье капитана, который не вышел из автобуса из-за сильного приступа малярии. Тогда эта болезнь была еще широко распространена. Майор, недолго думая и не разбираясь, схватил капитан за шиворот. Тот выпрыгнул из автобуса и схватился за пистолет. Выхватил пистолет и майор, оказавшийся возле меня. Слышу истерический крик своей одноклассницы: «Уйди, убьют!». В это время раздается выстрел, пуля цокает о камень и с визгом отлетает: у капитана трясутся руки, и палец сорвался со спускового крючка. Опомнившиеся пассажиры автобуса — в основном офицеры и сержанты — окружают «противников»... Тут над лесом поднимается столб дыма: очередной поджог. Инцидент забыт, надо торопиться в полк. В тот раз пламя подступило к самым конюшням, забили лошади. Надо напомнить, что в те времена даже гаубицы нередко перевозились на конной тяге. Конюшни удалось отстоять, огонь забили. Трудно было тушить из-за толстого слоя лесной подстилки: опавшее, казалось, пламя неожиданно вновь поднималось метра на полтора-два, и все приходилось начинать сначала...

В середине лета пришел приказ о формировании дивизии, и мы перебравшись в город, в бывшие казармы польской армии, где во время войны размещались германские солдаты, а на стенах сохранились недвусмысленные рисунки, исполненные масляными красками (впрочем, довольно качественно, если оставить в стороне содержание). Это были огромные для такого города четырехэтажные здания с глубокими подвалами и обширными чердаками.

В одном из подвалов мальчишки нашли несколько автоматов и ящики с патронами, видимо, приготовленными кем-то для бандеровцев. Недалеко были фундаменты барakov бывшего гетто. Там же находилось одноэтажное деревянное здание с глубоким подвалом; как мне сказали, здесь помещалось Гестапо. На стенах подвала можно было заметить местами бурые пятна и разводы. Мне объяснили, что это кровь людей, которых здесь пытали. Неподалеку на высотке размещалось братское кладбище, на котором были похоронены наши солдаты и офицеры, погибшие при взятии города, а также военнослужащие, партийные и советские работники, убитые бандеровцами позднее.

...В каком состоянии эти могилы сейчас, можно представить, учитывая сложные отношения России с Польшей. А ведь за освобождение этой страны сложили головы 600 тысяч советских солдат...

Дисциплина в армии, где проходила демобилизация, и многие «сидели на чемоданах», оставляла желать лучшего. Как-то раз ночью я, возвращаясь к казармам прямой тропой через пустырь, остановился, чтобы сорвать цветок белой акации, только что распустившийся. Далее тропка проходила через горку, ниже которой помещался в маленьком одноэтажном домике штаб дивизии. Из штаба вышел офицер и решил «почистить» ствол пистолета, выстрелил в темноту. В это время я как раз проходил по тропке через вершину горки. Пуля обдала воздухом мое лицо, пройдя около виска. Если бы не задержка из-за цветка белой акации, пуля попала бы прямо в голову... С тех пор цветы белой акации для меня стали памятными.

Был у нас трофейный веломотоцикл, который имел максимальную скорость на спидометре 60 км — по качеству значи-

тельно хуже обычного мотоцикла и значительно тяжелее обычного велосипеда. На этом веломотоцикле я раз ехал по шоссе в поле, а по обочинам в это время проходило стадо коров. Одна из них, которая слева, стала сворачивать направо, я проехал правее. А корова справа стала сворачивать левее — я поехал левее, и в итоге врезался корове в бок... Она упала, мотор завыл, свою ногу мне удалось уберечь. Вижу, идет по обочине старки с кнутом. Спрашиваю его:

— Что ж вы, диду, за коровами не смотрите?

Он отвечает:

— Я коров не караулю, я жито стерегу, — и показывает на поле, — Ось, бач!

На поле стояла грузовая машина, с которой рассыпались бревна, и ползал на коленях сержант, собирая инструмент. Выяснилось, что по шоссе шла машина с бревнами из соседней артбригады, за рулем сидел младший лейтенант, рядом — шофер, а на бревнах — сержант и два солдата. Все они, кроме офицера, были демобилизованы и уже получили документы. Но их попросили съездить за бревнами для строительства. На шоссе их нагнала грузовая машина и стала обгонять справа. Младший лейтенант повернул левее, а в это время обгонявшая машина задела колесо — руль вырвало из рук лейтенанта, грузовик на большой скорости пошел под откос, перевернулся несколько раз и снова встал на колеса, но в противоположном направлении. Младшему лейтенанту пробило бревном голову, сержанту перебило ноги, одного из солдат сбросило с машины, а по второму прокатилась вся куча бревен. Но все были живы, шофер тоже. Обгонявшая машина не остановилась. Сзади шел «виллис» с офицерами, которые и заставили грузовик остановиться под угрозой

оружия. Раненых и нарушителя погрузили в машину и увезли в город, а я застал конец истории.

В случае, о котором нам рассказывал майор-кубанец, за сеном были отправлены две группы. Одной командовал старший лейтенант, фронтовик, а для второй командира не нашлось (шла демобилизация), и пришлось назначить командиром младшего лейтенанта только что окончившего училище, успевшего захватить буквально лишь несколько дней войны и не имеющего, разумеется, никакого опыта. Каждая группа, кроме личного оружия, имела ручной пулемет. Группа старшего лейтенанта, найдя сено и загрузив брички, заночевала на хуторе, при этом не выставив часового: ведь война закончилась, и к тому же отряд находился на нашей территории. Ночью кто-то вызвал командира. Старший лейтенант, сонный, вышел из хаты и увидел у виска дуло револьвера.

— Вызывай своих по одному, или пристрелим.

И офицер, прошедший войну, струсил. Бойцы, названные по фамилиям, выходили один за другим, у них отбирали оружие и отводили в сторону. Бандиты забрали оружие, сожгли сено и уехали. Старший лейтенант по возвращении доложил о случившемся и был отправлен на гауптвахту. Стали ждать вторую группу. Она, как выяснилось, тоже заночевала на хуторе. Ночью часовой, выставленный младшим лейтенантом, который, видимо, считал обязательным выполнение Устава, разбудил командира:

— Вас вызывают.

Младший лейтенант увидел группу вооруженных людей и более десятка подвод, и сказал часовому:

— Если выстрелю два раза, бейте из пулемета, меня не жалейте!

Младший лейтенант с рукой в кармане брюк, где был пистолет, подошел к приехавшим, и на вопрос: «Кто вы?» ответил таким же вопросом: «А кто вы?».

Бандит (а это были бандеровцы), увидев перед собой молодого парня без оружия, ударил его по лицу. Офицер дважды выстрелил в него через карман и бросился под телегу. В то же мгновение застрочил пулемет Дегтярева почти в упор. Бандиты бежали, оставив два десятка своих убитыми. Младший лейтенант доложил о случившемся, привезя сено и доставив оружие и документы бандеровцев. Его представили к награде, а старшим лейтенантом, по существу, выдавшим своих бойцов бандеровцам, занялся военный трибунал.

Подобных историй было достаточно, потому что была объявлена амнистия сдавшимся с оружием бандеровцам, и в своих схронах остались, в основном лишь те, кому нельзя уже было сдаваться... Слишком дорого обходилась недисциплинированность, и ответные меры были достаточно жесткие к бандеровцам, и к тем, кто им помогал: высылались в Сибирь целые семьи.

Зверства бандеровцев поначалу пугали местных жителей, потом вызвали озлобление, направленное против бандитов, не дававших наладить мирную жизнь. Были и случаи, известные со времен Гражданской войны. Например, вернулся боец из армии, с орденом, отец у него — председатель сельсовета, а младший брат — в банде... Иногда к демобилизованному приходили ночью, забирали форму, ордена, документы. Встречались бандиты и в офицерской форме, правда, в звании не выше капитана. Начавшаяся в Западной Украине коллективизация еще более усложнила существование бандгрупп, но до полной их ликвидации нужны еще были годы».

В сентябре 1946 года отца Валериана Гаранина, наконец, демобилизовали. Место его в Татарской республиканской конторе Госбанка оказалось свободным, и семья отправилась обратно в Казань. Для перевозки имущества выделили теплушку, и Гаранины малой скоростью, меняя поезда, поехали на восток. Дорога на Киев была забита, отправились через Овруч на Гомель. У Валериана Ивановича была с собой только что вышедшая книга С. А. Ковпака «От Путивля

до Карпат», которую он в дороге всю тщательно проштудировал. И вот однажды поезд остановился на станции, о которой автор (Ковпак) упоминал в своей книге.

Валериан, высунувшись из вагона, спросил пробегавшего мимо мальчишку:

— Был у вас Ковпак?

— А як же, був.

— А что он делал?

— А ничего. Нимцив побыв, станцию пожог, та й уйшов!

Дорога из Брянска на Москву также оказалась «забитой», и вагон, где ехали Гаранины, направили на Вязьму, потом в Ржев, в Торжок.

«Здесь можно было видеть башню водокачки, исклеванную снарядами, — вспоминает Валерина Иванович. Видимо, тут был наш наблюдатель, по которому и стреляли, но, похоже, безуспешно. Наконец, через Калинин мы попали на Московскую окружную железную дорогу, и на Казань...

По приезде в Казань, где нам вернули довоенную квартиру во дворе Госбанка (на ул. Баумана), я, даже не переодеваясь,

Контора Госбанка в Казани

пошел в школу № 2 (бывшая Вторая гимназия, расположенная на Лево-Булачной улице), чтобы быстрее восстановиться в школе, поскольку учеба уже началась. Здесь учился мой еще довоенный друг Иршат Мухутдинов, с которым мы близко сошлись перед самой войной, когда оказались в одном классе (до этого учились в параллельных). Нас сблизил Александр Дюма, вернее его роман «Три мушкетера» — оба им зачитывались.

С Иршатов у нас оказалось много общего: от совместных походов за Казанку, хотя биологом он не стал, до интереса к военным событиям, обостренного тем, что у обоих отцы были в армии. Сдав документы в школу, я поднялся к Иршату, который жил во дворе библиотеки им. В. И. Ленина. Пока стоял у двери, ожидая, когда мне откроют, вспомнил некоторые татарские слова, которые год не употреблял. Открылась дверь, за которой меня ждало разочарование: Иршат ушел из второй школы, «поцапавшись» с некоторыми учителями. Кроме этого, он в конце лета, купаясь

Семейное фото: стоят братья Арнольд и Валериан, сидят — их родители Анна Дмитриевна и Иван Петрович Гаранины

в озере Кабан, сильно порезал ногу металлической стружкой и еще не выходил из дома. Он поступил в вечернюю школу № 3, где была директрисой Анна Михайловна, наша бывшая учительница физики, которой мы сдавали выпускные экзамены в седьмом классе. Одновременно Иршат был принят на второй курс педучилища, где занимался днем.

...В школе № 2 по программе, особенно по математике, ушли далеко вперед. Первые оценки в десятом классе у меня были преимущественно пятерки, только по химии пять с минусом. Математику вела Галина Юлиановна Гусарская. Она была хорошей математичкой, и среди ее учеников много известных ученых. Но она сразу делила учеников на способных (к математике) и неспособных, и все внимание уделяла первым. Тех же, кто имел большую склонность к другим предметам, особенно к литературе, она держала «в черном теле». Был случай, когда в шахматном турнире Иршат обыгрывал первого школь-

ного математика (кажется, по фамилии Волков). Узнав об этом, Галина Юлиановна добилась, чтобы Мухутдинову запретили участие в турнире. У меня с ней состоялся договор: чтобы меня месяц по математике не спрашивали. Я надеялся за это время подогнать пропущенное, не пропуская и текущий материал по всем предметам. В это время у нас в классе появился еще один новенький, кажется, из Астрахани, который говорил, что он любит математику. На одном из следующих уроков Галина Юлианов-

на неожиданно вызвала меня. Ответить на «три» я бы мог, но пошел на принцип, поскольку договор был нарушен, и отвечать отказался.

- Я вам поставлю два.
- Ставьте.

Был вызван астраханец и получил «тройку».

— Вот видите, он тоже новый а ответил.

- Новый-то новый, но есть разница.
- Какая?
- Он любит математику, а я — нет.

В перемену ребята мне сказали: «Ну теперь она тебя съест». Я недоверчиво усмехнулся, и, как оказалось, переоценил свои возможности. Уговор был забыт. Ожидая вызова, я стал засиживаться за математикой ночами, времени на другие предметы не хватало — появились «четверки», «тройки» и по ним. В четверти мне впервые светило три двойки по всем трем математикам. Для отстающих проводились дополнительные занятия, которые я стал посещать.

По алгебре оценка была исправлена, но тут я слег перед самыми Октябрьскими праздниками. А со второй четверти начал учиться в вечерней школе № 3, где учился Иршат Мухутдинов. К математике зародилась стойкая идиосинкразия (индивидуальная непереносимость определенных предметов или явлений), и в будущем я уже ничего не мог с этим поделать. Самому не верилось, что когда-то я с удовольствием, еще

Иршат и Римма Мухутдиновы, друзья семьи
В. И. Гаранина

в 9-м классе, сидел над задачами. Мог ли я, оставаясь во 2-й школе, добиться хорошего результата? Думаю, мог бы, но риск был слишком велик, и, имея за спиной потерянный из-за болезни год, я не захотел зависеть от самодурства одной учительницы, тем более, что подходило время службы в армии: призыв моего года был отложен только в связи с окончанием войны.

Итак, мы снова оказались в одном классе с Иршатов. Здесь учились самые разные люди: от вчерашних школьников до солид-

ных фронтовиков. Одни из них, летчик Руднев, сыграл решающую роль в том, что я все-таки не стал дожидаться призыва в армию, а решил попытаться попасть в вуз. Глядя на то, как человек мается с языками — не только с немецким, но и с русским после перерыва в учебе — я поддался его настойчивым уговорам и стал готовиться к поступлению в вуз.

Учиться в вечерней школе было значительно легче, чем в сугубо «математической» школе, которой считалась 2-я. Интересно проходили занятия по русской литературе, хотя кое-что приходилось заучивать (как известное сталинское определение: Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи). Использовались новые для того времени формы, например, доклады по отдельным темам. Мне достался пересказ «Молодой гвардии» А. Фадеева, который продолжался несколько уроков и, похоже, прошел удачно.

Школу закончил с одной четверткой в аттестате, причем по литературе: за сочинение, из-за знаков препинания комиссия вывела «четыре». По всем математикам вышли пятерки. По положению права на медаль я не имел: если бы «четверок» не было, была бы золотая медаль, а если бы «четверка» был по любому другому предмету, была бы серебряная медаль... Я об этом не жалел, поскольку пришлось летом основательно заниматься, что мне принесло немалую пользу в университете.

Сдавали мы пять вступительных экзаменов: сочинение по русскому языку, устный экзамен по нему же, немецкий язык, химию, физику. После сдачи первого экзамена (это была химия) меня вызвали в райвоенкомат и предложили на выбор, кажется, пять военных училищ, от танкового до военно-ветеринарного (кавалерия еще сохранялась, тогда как особый род

Школа рабочей молодежи № 3, г. Казань. В первом ряду в центре В. И. Гаранин

Казанский государственный университет, 50-е годы XX века

войск). Я сказал, что сдаю вступительные экзамены в КГУ, сдам — буду проходить военное обучение там, не сдам — сам приду...

Что касается экзамена по химии, то он проходил в Бутлеровской аудитории. Был вопрос о новых химических элементах, которых тогда еще не было в учебниках. И вышло так, что я стал задавать о них вопросы. Итогом была, однако, «пятерка»... и предложение поступить на химфак.

Получилось так, что мне, несмотря на «издержки» военного и послевоенного периода, удалось получить «пятерки» по всем вступительным экзаменам. Это, вероятно, было одной из причин того, что когда я нашел свою фамилию в списках принятых на биофак, против нее стояла пометка — «староста». Так с обязанностей старосты 11-й группы началась моя учеба (и общественная работа) на биофаке КГУ».

Глава 2

Жизнь дана на добрые дела

Первого сентября 1947 года начался третий послевоенный учебный год в Казанском университете и первый студенческий год на биофаке в жизни Вали Гаранина. В группах в то время присутствовала разношерстная публика: от вчерашних школьников до бывших фронтовиков. Последние выделялись не только солдатскими гимнастерками, но и своим более уверенным поведением. Хотя фронтовиков на биофаке — традиционно женском факультете, было немного, однако, в целом они «задавали тон», особенно в общественных организациях: избирались старостами групп, работали в партийных и комсомольских бюро факультетов, в комитете комсомола, в профкоме.

Один из таких фронтовиков, которого хорошо помнит Валериан Иванович — Павел Денисов, окончил Казанский педагогический институт, а впоследствии был директором школы-семилетки в селе Бишево Апастовского района.

Материальной стороной жизни преподавателей и студентов университета и конкретно биофака в ту пору активно

занимался профсоюз, вплоть до выдачи ордеров на самые необходимые предметы одежды и обуви.

Как-то один из студентов-биологов, бывший фронтовик, подал заявление на валенки, а профорг (девушка из обеспеченной семьи), так сказать, положила «под сукно» его заявление. И студент крепко поморозил раненую ногу (а зима была суровой). В группе по этому поводу прошло бурное собрание, закончившееся сменой профорга.

Студенты ходили на занятия в старых гимнастерках, поношенных пиджачках, студентки — в до-потопных кофточках и маминых довоенных платьях. Но на это мало обращали внимания — было бы просто что одеть. Многие жили только на стипендию, подрабатывая, где возможно. Нередко у девушек случались голодные обмороки — студентки экономили на еде, чтобы скопить деньги на «выходной» наряд. Легче было приехавшим из сельских районов — они получали или привозили после каникул продукты из деревни, и тогда в комнате общежития устраивался «пир»...

В целом же страна в те годы поднималась из руин войны, настрой у молодежи был бодрый и «рабочий». На комсомольских собраниях, полевой практике, воскресниках и демонстрациях песни были органической составной частью студенческой жизни, во всяком случае, биологи петь всегда любили. Художественная самодеятельность была тогда в особой чести — солисты (в основном, солистки) биофака имели общеуниверситетскую известность. Так, на курсе В.И. Гаранина в группе микробиологов кафедры физиологии растений (тогда еще не было отдельной кафедры микробиологии) занимались «вокалом» и пользовались большим успехом на вечерах Мотя Белкина, Капа Королева, Лена Фаттахова. Потом у них сменились фамилии, девчата вышли замуж, стали кандидатами наук, но студенты тех времен на всю жизнь запомнили именно «девичьи» фамилии студенческих запевал.

«Из тех, кто сдавал вместе со мной вступительные экзамены и потом оказался, как и я, в 11-й группе особенно запомнились трое,— рассказывает Валериан Иванович.— Один из них — Вениамин Тихонов, невысокий круглолицый паренек из Кировской области, самый молодой на нашем курсе (1930 года рождения). Он сразу избрал ихтиологию, а на мой вопрос: почему? Ответил: «С детства рыбак!».

Года через два Вениамин Тихонов вытянулся, повзрослел, но интерес к ихтиологии у него действительно был неслучайным. Это подтвердилось, когда запоздал на него запрос из Владивостока, где он собирался работать в ТИНРО (Тихоокеанский институт рыбного хозяйства и океанографии), и он получил назначение в Баргузинский заповедник,

то есть, явно «не по профилю», но добился пересмотра решения. И оно было пересмотрено, но его жене, Лиде Николотовой, предложили «в отместку» другое место работы... Тогда молодые выпускники «дошли» до Н.М. Шверника (в ту пору — председателя Президиума Верховного Совета СССР), и в итоге оба поехали во Владивосток. Но все оказалось не так просто — Веня Тихонов был, вероятно, один из последних людей, попавших под машину сталинских репрессий при жизни Иосифа Виссарионовича Сталина. Правда, дело прошло «легко», он был только исключен из комсомола. О сути происшедшего мне удалось узнать лишь позднее. Веня уехал на Камчатку, где позднее защитил кандидатскую диссертацию и заведовал лабораторией.

Другим запомнившимся мне студентом был Владимир Аленчиков — бывший фронтовик, имевший тяжелые ранения. Он после большого перерыва с немалым трудом сдал вступительные экзамены. Причем, например, по немецкому языку ему поставили «3» с условием, что он перейдет в английскую группу, то есть, будет изучать иностранный язык с азов. «Англичанка в первом семестре постоянно жаловалась на то, что Аленчиков пропускает ее занятия. Володя оправдывался: мол, ему целесообразнее самому распределять свое время... Сессия поставила все на свои места: Владимир получил на экзаменах «пятерки» по всем предметам, в том числе по английскому языку. Единственную четверку он заработал на втором курсе по органической химии, которая была тогда «гвоздем» зимней сессии, причем, получил ее не столько за знание предмета, сколько из-за плохого настроения экзаменатора. На четвертом курсе В.М. Аленчиков

стал Сталинским стипендиатом (выше именных стипендий тогда не было). Позднее он был оставлен при кафедре физиологии животных, по которой специализировался. Но то ли из-за того, что он не «сработался» с заведующим кафедрой (им был профессор И. Г. Валидов), то ли по другой причине, только научная работа у В. М. Аленчикова «не пошла». Он перебрался в Чебоксары, где работал в молодом тогда Чувашском университете.

На кафедре геоботаники специализировался Юрий Кулагин, приехавший из Рузаевки — крупного железнодорожного узла в Мордовии. Ему не хватало дисциплины и умения разговаривать с людьми. Особенно часто на первых курсах на него жаловались девчата, дело даже разбиралось на комсомольском собрании группы. Правда, Юрий стал всерьез заниматься ботаникой, после окончания университета был принят в аспирантуру. Он защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию, заведовал лабораторией в Башкирском филиале Академии наук СССР и кафедрой в Башкирском университете. А до этого еще успел поработать в Ильменском заповеднике.

Двое ребят пришли в нашу группу после первой сессии: Борис Шишкин с истфилфака и Ваня Арзамасов с физмата. Оба закрепились на кафедре зоологии беспозвоночных, хорошо знали профессора Николая Александровича Ливанова. Борис Шишкин после окончания КГУ работал в Чите, а позднее — в Ленинграде, занимался гидробиологией, готовил докторскую диссертацию.

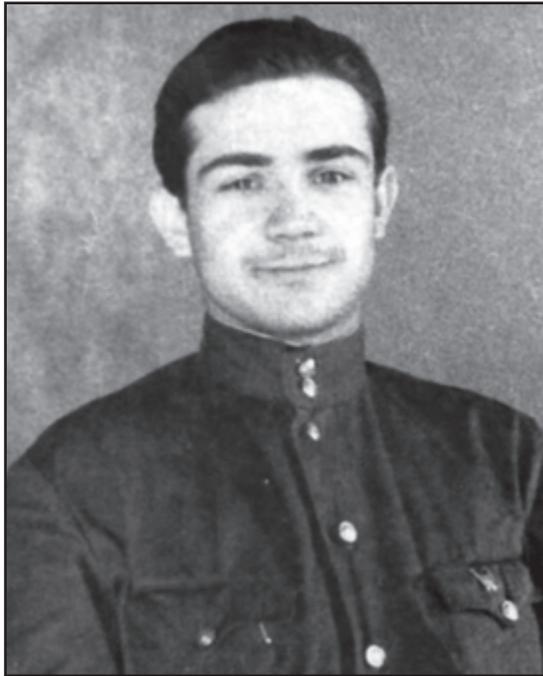
Иван Тимофеевич Арзамасов был самым старшим из нас (родился в 1922 году), служил в армии, откуда вернулся старшиной, занимался спор-

том. Получив назначение в Беловежскую Пущу, он собрал хорошие материалы по иксодовым клещам, которыми начал заниматься еще студентом, защитил кандидатскую диссертацию под руководством академика Е. Н. Павловского. Позднее Арзамасов перешел в Академию наук Белорусской ССР, где после защиты докторской диссертации до пенсии работал в Институте зоологии и написал не одну книгу по эктопаразитам. Умер он в июне 1990 года, не дожив до 70 лет.

Комсоргом группы на первых курсах была у нас Галя Соломина, которая, так же как я, специализировалась на кафедре зоологии позвоночных, где занималась экологией мышевидных грызунов. В частности, она изучала их отношение к микроклимату под руководством Виктора Алексеевича Попова. «Наземником» была и Нина Оленина, но она занималась птицами — обитателями искусственных гнездовий. Галина получила назначение в Кызыл-Агачский заповедник, откуда вернулась к себе в Йошкар-Олу, работала в пединституте, который позднее стал университетом. Она увлеклась химией и защитила кандидатскую диссертацию по почвоведению. Нина Оленина работала также на противочумной станции».

... В приемной комиссии на вопрос о том, какие известные ученые работают на биофаке, любопытному абитуриенту Вале Гаранину смогли назвать две фамилии: профессоров Маркова и Ливанова. А один из старшекурсников прибавил, что на факультете особенно у двоих можно поучиться: у Маркова и у Попова.

В начале сентября 1947 года на кафедре зоологии позвоночных проходило первое заседание студенческого научного кружка. Старостой кружка был большой энтузиаст научной студенческой работы

Валериан Гаранин — первокурсник биофака, 1947 г.

Герман Петрович Приезжев — в то время студент третьего курса. Возвратившись инвалидом с Великой Отечественной войны в университет, где начинал учиться еще до войны, он с большой настойчивостью взялся за учебу, своей неуемной энергией заражая других. Вскоре он стал именованным (Сталинским) стипендиатом. Таких на факультете было двое, и оба — бывшие фронтовики (вторым был О. Стадухин с кафедры зоологии беспозвоночных).

На вопрос о том, чем занимаются на кафедре зоологии, Герман Приезжев предложил Гаранину прийти на заседание кружка и услышать все из первых уст. Немного робея, тот открыл двери аудитории, где проходило заседание. Здесь были все сотрудники кафедры, включая заведующего — профессора А.Я. Недошивина, известного в стране ихтиолога.

Он умер в 1950 году, когда Валериан Гаранин перешел на четвертый курс биофака.

А на том первом заседании научного кружка отчитывались студенты, проходившие производственную практику на Баренцевом море в заповеднике «Семь островов», в Астраханском заповеднике. После обсуждения отчетов началось распределение тем курсовых и дипломных работ. Направление, связанное с экологией наземных позвоночных, возглавлял молодой тогда доцент Виктор Алексеевич Попов, который одновременно руководил группой по изучению экологии и систематики наземных позвоночных животных в Биологическом институте Казанского филиала Академии наук СССР.

Поскольку большинство тем, которыми хотел бы заниматься Валя Гаранин со своим уровнем знаний, были уже разобраны, он выбрал сравнительную экологию зеленых и бурых лягушек, собираясь трудиться над этой темой под руководством В.А. Попова. С этого события, пожалуй, началась их совместная работа, которая продолжалась 33 года.

В послевоенные годы в Казанском университете обучались и иностранцы, например, на биофаке были студенты из Болгарии, Венгрии, Кореи, Польши. Многие из них не теряли связи с факультетом десятки лет спустя.

Первую лекцию биологам-первокурсникам читал по традиции профессор М.В. Марков — декан факультета и заведующий кафедрой геоботаники. Лекция проходила в самой большой аудитории под номером 50 на третьем этаже. А потом в кабинете декана начались индивидуальные беседы с первокурсниками. Декан интересовался причинами,

по которым студент пришел на биофак, чем он занимался до этого, что читал, расспрашивал о направлении интересов. Специализация начиналась с третьего курса, так что было время подумать, приглядеться, тем более, что у многих первокурсников имелись большие пробелы и перерывы в обучении.

На общем собрании декан поделился своими впечатлениями об этих беседах, причем, рассказывал образно, с юмором. Например, одна девушка решила стать ихтиологом, и на вопрос декана о причинах выбора специальности ответила, что... любит рыбу. «Не уточнила только, в каком виде», — пошутил декан.

Другой студент в числе прочитанных книг назвал «Записки охотника», но не смог назвать автора — Ивана Сергеевича Тургенева. Если из беседы становилось ясным, что поступление на факультет не случайно, что первокурсник проявляет настоящий интерес к биологии, резюме декана было кратким: «У вас пойдет».

На сельскохозяйственные работы студенты ездили в ту пору не целыми курсами, на месяц, как, например, было в 70-е годы, а на одну-две недели, индивидуально, из разных групп, при этом занятия не прерывались. Как-то из деканата пришло распоряжение: направить несколько человек в колхоз из группы, где старостой был Гаранин. Людей подобрали, но одного человека не хватало. Тогда поехал сам староста. И впоследствии, когда в колхоз направлялись оче-

редные партии студентов, никто не мог упрекнуть его в том, что он там не был и пуд «колхозной» соли не съел. Работа в колхозе, где тогда не было машин, имела острая нехватка рабочих рук, была, конечно, необходимой. И это понимали все.

На биофаке состоялось отчетно-перевыборное комсомольское собрание. Гаранин к тому времени имел двухлетний стаж пребывания в комсомоле и его,

1949 год. Вятка.

как «ветерана», избрали в бюро, поручив работу оргсектора. На факультете тогда было довольно много студентов не членов ВЛКСМ, комсомольская организация была небольшой. Как-то в руки попался список комсомольцев факультета тех лет — в нем было всего 134 фамилии. Секретарем бюро ВЛКСМ была И. Оконешникова с кафедры физиологии человека и животных, позднее ее сменила Л. Подсосенная, затем М. Калмацкая.

1948 год оказался трудным для биологов. Культ личности в биологии, связанный с именем Т. Д. Лысенко, вошел в это время как раз в период кульминации.

Кстати, примерно в эти годы (1948–49 годы) комсомольскую организацию биофака курировал член комитета ВЛКСМ университета Фикрят Ахмеджанович Табеев. Позже, с 1959 по 1979 год, он был первым секретарем Татарского Обкома КПСС, а потом — послом СССР в Афганистане.

В годы «лысенковщины» была объявлена вне закона «формальная генетика». Многие ученые, не согласные с такой

минов и названий были сложными для первокурсников. Но когда они становились взрослее, приходило понимание того, какой огромный, бесценный объем информации студенты получают в этих лекциях, причем, из первых рук. Умные студенты садились в аудитории ближе к кафедре, стараясь записывать как можно полнее высказывания Н. А. Ливанова.

Николай Александрович был интересным собеседником. Вот одна из его острот на лекции по зоологии беспозвоночных в 50-е годы, о которой рассказал Валериан Гаранин: «С точки зрения «грегарины» (грегарины — паразит из простейших беспозвоночных), взвешивающей на мир из задней кишки черного таракана...»

Профессор Ливанов ценил думающих студентов, и если таковой попадался, экзамен превращался в беседу единомышленников. Оценки он

Н. А. Ливанов — первый справа, 1967 год.

однобокой трактовкой, были вынуждены уйти со своих постов с клеймом «менделистов-вейсманистов».

Такое клеймо, кстати, получил на страницах газеты «Красная Татария» (сегодня — «Республика Татарстан») старейший профессор биофака Николай Александрович Ливанов. В статье, подписанной преподавателем Казанского педагогического института В.Н. Федоровой, профессор Ливанов объявлялся главой казанских «менделистов-вейсманистов». Н. А. Ливанов слыл прямолинейным, принципиальным человеком. Его лекции с обилием латинских тер-

ставил достаточно строго. После первого курса Валериану Гаранину и еще одной его однокурснице пришлось сдавать Н. А. Ливанову экзамен досрочно: девушка должна была уезжать в пионерский лагерь вожатой, Гаранин — в свою первую экспедицию. Экзамен проходил дома у Николая Александровича из-за его болезни. Первой сдавала девушка, и ей досталось больше: пришлось «пройти» почти весь учебник Догеля, опрос длился минут сорок. Оценкой стала тройка. Гаранин отвечал минут 25–30 и был оценен на «4». Затем Ливанов задал ему вопрос: «Может быть, вам мало четверки и вы

еще хотите прийти?» У Гаранина такого желания не было, он вежливо сказал: «Спасибо, Николай Александрович, мне достаточно».

В годы «лысенковщины» Н. А. Ливанов был освобожден от должности заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных (но восстановлен Москвой), от должности директора Биологического института Казанского филиала Академии наук СССР, который он сформировал и являлся его первым директором с 1946 года. Его лишили даже поста председателя общества естествоиспытателей при Казанском университете, которое без него постепенно захирело и угасло. В эти годы (Ливанову было уже 72) он был еще в высокой степени работоспособен, но по упомянутым причинам не мог работать в полную силу, хотя и продолжал вести специальные курсы, оставаясь профессором кафедры. Ливанов верил, что истина восторжествует, и такому оптимизму можно было только завидовать... В целом профессор Ливанов на кафедре зоологии беспозвоночных проработал три четверти века, стал живой легендой университета. Внушают почтение уже годы его жизни: 1876–1974. И самое примечательное в том, что практически все это время он вел активную жизнь, работал очень интенсивно, активнее многих более молодых коллег. Когда приближалось его 95-летие, готовились материалы для представления Н. А. Ливанова к правительственной награде, открыли его личное дело. Так вот, с учетом многочисленных взлетов и спадов это «дело» можно было образно сравнить с температурным графиком тифозного больного...

Н. А. Ливанов уходит из Казанского университета в 1913 году, когда министром просвещения царского прави-

тельства Кессо был уволен его учитель Э. А. Мейер. После освобождения Казани от белогвардейцев в 1918 году он вел зоологию практически во всех казанских вузах, кафедры которых потом возглавили его ученики. Занимаясь в основном морфологией животных, он руководил изучением фауны местного края, и на двадцать лет раньше академика В. Н. Сукачева выступил с информацией о биогеоценозе (правда, не употребляя этого термина). В 30-е годы Наркомпрос ТАССР ходатайствовал перед Совнаркомом о присвоении имени Н. А. Ливанова зоотомической лаборатории при кафедре и установке мемориальной доски. За активную научную и педагогическую деятельность, в частности, в годы Великой Отечественной войны, ему присвоили почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Но и в непростые годы, как Ливанов называл их: «годы облысения биологии» — Николай Александрович продолжал работать над переизданием своего основного труда — «Пути эволюции животного мира», который вышел в свет в 1955 году. Он всегда следил за развитием науки, поддерживал все прогрессивное. Так, например, высказался за развитие на биофаке электронной микроскопии, и это направление затем развил его бывший студент и аспирант А. И. Голубев. Николай Александрович не устранился и от общественной деятельности, активно участвовал в работе ученых советов, оппонировал при защитах диссертаций, и даже в 80-летнем возрасте принимал участие в работе научных и методологических семинаров.

В 1970 году Ливанов был награжден юбилейной медалью «За доблестный

труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», а в 1971 году — орденом Ленина. Его жизнь была удивительной, после 80 лет он на обычный вопрос при встрече: «Как здоровье, Николай Александрович?» — отвечал: «Бегая!» Только после выхода на пенсию, после 95 лет, когда интересовались его здоровьем, отвечал сдержанно: «Так себе, по-стариковски...»

И если бы не случайность, как все считали: банальная простуда, подхваченная в больнице, где он лежал с переломом шейки бедра и уже начал поправляться, перешедшая в воспаление легких, старейший зоолог мира Н.А. Ливанов мог бы дожить до ста лет.

Экспедиция, куда попал В. Гаранин после первого курса, поднималась на маленьком катере вверх по Каме, Предстояло изучить и описать пойму реки от Чистополя до границ Удмуртии и Башкирии. Вместе с командой на судне было 32 человека, в основном, студенты биофака, еще двое — с геолого-почвенного факультета (один из них — С. Гойтанников — стал впоследствии ректором Казанского сельскохозяйственного института). Были и преподаватели, в том числе С. А. Маркова — доцент Казанского сельхозинститута. Руководителем (начальником) экспедиции был декан, профессор М. В. Марков, начальником зоологического отряда — В. А. Попов. В составе его отряда было четверо студентов, из них трое — с третьего курса, и только Гаранин — первокурсник.

На стоянках возникал палаточный городок, и в течение нескольких дней велись работы по исследованию поймы на профиле. С утра, после завтрака, ботаники и почвоведы уходили на свои площадки, зоологи, еще раньше (часа в четыре утра) отправлялись на маршруты и учеты. Материалы экспедиции послужили затем основой для написания ряда работ, в том числе большого цикла исследований по фауне поймы Волги и Камы — ложа бу-

Во время экспедиции по реке Волге, 1951 г.

дущего Куйбышевского водохранилища.

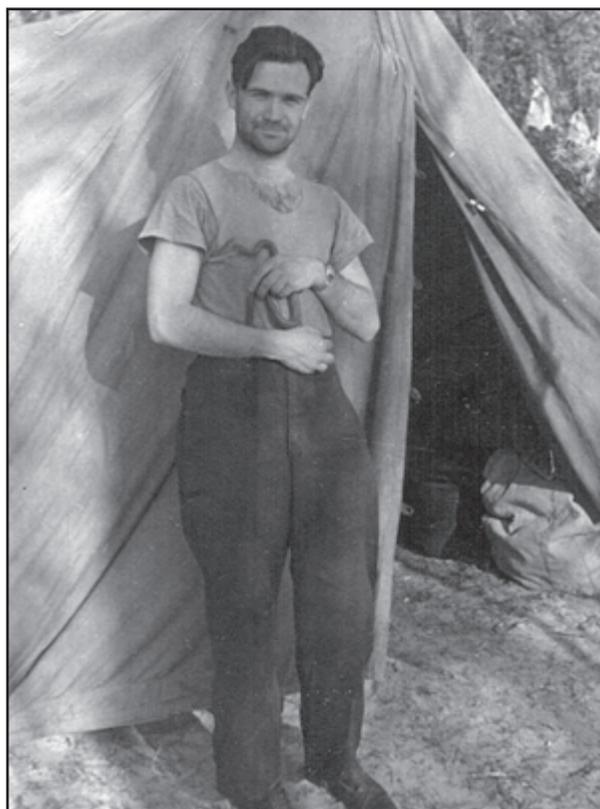
После выхода в свет постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР», которое тогда называли «великим сталинским планом преобразования природы», работы у биологов прибавилось. Кроме практического участия в сборе семян и посадки деревьев в полезащитных лесных полосах, студенты биологического факультета

занимались пропагандой идеи биологии среди молодежи, особенно в школах. План вышеназванных полезащитных лесонасаждений был действительно грандиозным: за 16 лет надо было создать восемь государственных лесных полос общей длиной более 5300 км, и защитных лесонасаждений на землях колхозов и совхозов площадью более 5700 тысяч гектар. К сожалению, задачи эти до конца не были доведены, и если бы их удалось воплотить в жизнь, то при соблюдении соответствующих агро- и лесотехнических требований, наверное, можно было бы добиться повышения урожайности и активизировать борьбу с засухами на юге европейской части нашей страны.

Между тем комсомольская организация университета росла, и скоро комсомольцы уже не могли проводить свои общие собрания не только в 1-й физической аудитории, но и в актовом зале, потому что не вмещались. Несколько лет секретарем комитета комсомола был Алексей Константинов — студент физико-математического факультета, недавний офицер-фронтовик, человек с большим личным обаянием, умевший убеждать, и если нужно, зажечь и показать другим пример. Хотя он был довольно жестким и принципиальным при решении персональных дел, студенты уважали его беспрекословно. На конференциях при тайном голосовании он почти не получал голосов «против».

Как-то Валериану Гаранину пришлось советоваться с Алексеем по выбору темы дипломной работы. Дело в том, что основным направлением его научной работы стала герпетология — изучение экологии амфибий и рептилий.

Эти объекты в те узко прагматические времена не считались престижны-

В. Гаранин с медянкой. Саралы

ми и перспективными. И хотя у студента Гаранина получались неплохие работы по данной теме после второго и третьего курсов, перед выбором дипломного направления пришлось советоваться с руководителем — Виктором Алексеевичем Поповым. Он сказал, что может предложить тему, например, по ондатре — акклиматизированному у нас зверьку, имеющему промысловое значение. Но хотел бы, чтобы ученик продолжал герпетологическую тематику, так как в этом направлении в ту пору сделано было еще мало.

Один из выпускников кафедры — Александр Попов, только что окончивший университет и сделавший дипломную работу по реакклиматизации бобра в Татарии (Александр Попов позже заведовал Зоологическим музеем КГУ), как-то

присоветовал: «Знаешь, с ондатрой многое делали, даже под хвост заглядывали... По ней написана тысяча работ, твоя будет тысяча первой. Останься лучше на лягушках...».

А Леша Константинов сказал Гаранину следующее: «Я в ваших наземных-подземных-позвоночных не разбираюсь. Но если они действительно мало изучены, займись лучше ими. Если докажешь, что они на для чего-то о нужны, будет полезное дело».

Алексей Алексеевич Константинов преподавал и вел партийную работу много лет в Казанском авиационном институте, оставаясь до самой безвременной своей кончины хорошим человеком и настоящим коммунистом.

На биофаке, между тем, стало трудно справляться со всеми делами одному факультетскому комсомольскому бюро, тогда появились курсовые бюро. Впоследствии, с переходом к специализации с первого курса, эта организационная форма на биофаке изжила себя, и верх взял кафедральный принцип. Пробыв полтора года заместителем секретаря бюро ВЛКСМ факультета, Гаранин в 1949 году был избран секретарем бюро, в том же году принят кандидатом в члены ВКП(б).

«Из комсомольского актива тех лет можно припомнить Г.М. Рахманкулову, которая позднее была секретарем бюро, затем доцентом кафедры физиологии человека и животных биофака

КГУ,— вспоминает Валериан Иванович Гаранин.— И.Г. Абызов и Н.Н. Попов стали позже доцентами Казанского пединститута, Л.Т. Степанова — доцентом

Студенты на практике. Первый справа в нижнем ряду — В. И. Гаранин. Начало 1950-х годов

Казанского сельхозинститута, Н.П. Новиков возглавил Одесский университет, И.А. Тарчевский стал членом-корреспондентом, а затем академиком АН СССР и возглавил Институт биологии Казанского филиала АН СССР. Из секретарей комсомольского бюро биофака конца 50-х — начала 60-х годов назову И.Б. Лещинскую, ставшую профессором, заведующей кафедрой микробиологии КГУ, Б.М. Миркина — проректора Башкирского университета, И.Д. Голубеву — старшего научного сотрудника Казанского филиала АН СССР, А.И. Голубева — заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных, многолетнего декана биофака КГУ. В общем, комсомольская организация факультета дала заметное

В центре — А. А. Першаков, слева — В. А. Попов,
справа — В. П. Теплов

количество людей, активных в работе, научных исследованиях и общественной жизни».

Биологический факультет в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого века был еще и самым «профессорским» факультетом университета: все кафедры здесь возглавляли профессора. Положение не изменилось и после перевода на биофак кафедры почвоведения с геологического факультета, когда биологический факультет стал называться биолого-почвенным. Во главе кафедры почвоведения и агрохимии встал профессор Михаил Александрович Винокуров (он был ранее деканом геолого-почвенного факультета). Позднее на кафедре стали профессорами и заведовали ею Павел Васильевич Маданов и Анна Васильевна Колоскова.

Кафедрой геоботаники заведовал, как уже упоминалось, профессор Михаил Васильевич Марков, крупный советский геоботаник, основатель но-

вого направления агрофитоценологии, ученик А. Я. Гордягина — одного из основателей казанской ботанической школы, члена-корреспондента Академии наук СССР. Ученник М. В. Маркова — профессор Е. Л. Любарский — заведовал впоследствии кафедрой ботаники. Второй ботанической кафедрой — систематики растений — руководил (до объединения этих кафедр) профессор Владимир Исаакович Баранов — специалист по систематике

растений и палеоботанике.

При затоплении ложа Куйбышевского водохранилища В. И. Баранова попросили ответить на вопрос: всплывут ли торфяники в пойме Волги и Камы? Как известно, плававшие на Рыбинском водохранилище торфяные острова нанесли значительный ущерб народному хозяйству. И Баранов, который был крупным специалистом по торфам, дал уверенный краткий ответ: «Не всплывут». Мало того, что ответ был правильный, это еще значило, что не нужно проводить дорогостоящие работы поЦ выработке и закреплению торфяников (сумма затрат должна составила бы сотни миллионов рублей). Говорили, что этим заключением В. И. Баранов окупил все прошедшие (и будущие) затраты на свою научную деятельность, причем с большим превышением. Работы палеоботанического плана продолжили ученики В. И. Баранова, в частности, Л. М. Ятайкин (1925–1977 гг.).

Кафедрой зоологии позвоночных руководили в разное время после А. Я. Недошивина доцент А. И. Шмидтов — ихтиолог, автор монографии о стерляди, профессор Х. М. Курбангалеева — гидробиолог. Халима Мухутдиновна, кстати, была одной из первых ученых-татарок, получивших орден Ленина.

Из других преподавателей кафедры нельзя не упомянуть Г. М. Смирнова. Григорий Михайлович возобновил учебу на биофаке после возвращения с фронта, был студентом и заместителем декана одновременно, а позднее работал доцентом кафедры.

В. А. Попов

Одно время заведующим Зоологическим музеем КГУ был Герман Петрович Приезжев, умевший заразить студентов младших курсов любовью к зоологии, побывавший еще в студенческие годы в двух заповедниках: «Семь островов» и «Астраханский». Позднее он после защиты диссертации по птицам поймы прошел по конкурсу в Удмуртский педагогический институт

(г. Ижевск), заведовал там кафедрой зоологии.

После Приезжева заведующим зоологическим музеем стал его однокурсник, бывший фронтовик Александр Владимирович Попов (племянник Виктора Алексеевича Попова). При его руководстве музей начал заметно пополняться новыми экспонатами. В частности, из шкуры квагги, исчезнувшей с лица земли в XIX веке (сохранилось 23 чучела) было сделано чучело, единственное в нашей стране.

Долгое время препаратором (таксидермистом) музея работал Яков Петрович Коксин — большой мастер этого вымирающего дела, граничащего с искусством. (Таксидермия — способ изготовления чучел животных, основой при этом служит шкура животного). Его экспонаты хранятся в Минусинском краеведческом музее — одном из старейших сибирских краеведческих музеев (в начале XIX века Коксин работал с известным русским и советским зоологом, академиком Петром Петровичем Сушкиным). Есть работы Коксина и в Национальном музее Татарстана, в Зоологическом музее КГУ, где его дело продолжили ученики. Кстати, Зоологический музей КГУ из вузовских уступает только зоологическому музею Московского университета, его экспонаты широко используются в общих и специальных курсах.

С 1957 года заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных профессор Владимир Львович Вагин — паразитолог и гидробиолог, участник обороны Ленинграда, инициатор морских экспедиций. Многие выпускники этой кафедры работали в морях и океанах.

Из других преподавателей кафедры назовем доцента Н. В. Шмелева.

Николай Васильевич Шмелев был великим знатоком жуков. Собранная им коллекция насекомых хранится в Институте биологии КФАН СССР. Когда в экспедиции 1948 года студенты приносили в лагерь жуков из ловчих траншей, Николай Васильевич сразу называл русское и обязательное латинское название насекомого, определял систематическую принадлежность пойманного жука.

Нельзя не вспомнить доцента кафедры Н. А. Порфирьеву, которая в конце 40-х годов только начинала свою преподавательскую деятельность, вела лабораторную и полевую практику по зоологии беспозвоночных. На факультете она всегда была примером неформального подхода к студентам. Нина Александровна — ученица Н. А. Ливанова, вела на кафедре морфологическое направление.

Кафедрой физиологии растений долгие годы руководил профессор А. М. Алексеев — основатель нового направления, связанного с водным режимом растений. Это же направление развивалось затем в Институте биологии КФАН СССР, директором которого Алексей Михайлович был ряд лет. Этот ученый обладал широким кругозором, хорошо разбирался и в далеких от него направлениях науки. Валериану Ивановичу Гаранину пришлось убедиться в этом уже после окончания университета при сдаче кандидатского экзамена по экологии, когда А. М. Алексеев был в Биологическом институте председателем экзаменационной комиссии.

Некоторое время заведовал кафедрой И. Г. Сулейманов, пришедший сюда сразу после войны, ставший профессором и заведующим. От этой кафедры позднее отпочковалась кафедра микробиологии во главе с профессором М. И. Беляевой — инициативным и энергичным человеком, остро переживавшим за любое дело, которым ей приходилось заниматься. Маргарита Ильинична Беляева была организатором проблемной лаборатории при молодой кафедре, лаборатории, занимавшейся вопросами, связанными с онкологией, заведовала лабораторией в Институте биологии КФАН СССР. Но в те далекие годы, впрочем, М. И. Беляевой чаще приходилось заниматься общественными делами — она была секретарем партийного бюро факультета, а Гаранин в это время работал в бюро ВКСМ. Он вспоминает, что всегда можно было надеяться на получение от нее помощи или совета.

Активным студентом был Игорь Анатольевич Тарчевский, который блестяще проявил себя в учебе, научной и общественной работе, окончил аспирантуру, и в 32 года защитил докторскую диссертацию, потом заведовал кафедрой биохимии. А в 1982 году, уже будучи директором Института биологии Казанского филиала АН СССР, Тарчевский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а позднее — академиком. За 50 лет до него из биологов Казани был членом-корреспондентом АН СССР лишь профессор А. Я. Гордягин.

Поучиться можно у Попова...

В. А. Попов

Особые слова хочется сказать о Викторе Алексеевиче Попове, под руководством которого студенты изучали наземных позвоночных животных. Связи этого выдающегося ученого и педагога с университетом, где он, будучи студентом Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, прослушал в 1930–1931 годах ряд зоологических курсов, не прерывались на протяжении всей его жизни. В 1939 году В. А. Попов защитил кандидатскую диссертацию и начал читать на кафедре специальные курсы — методику изучения млекопитающих, экологию наземных позвоночных животных, а в 1941–1946 годах заведовал Зоологическим музеем.

Каждый год на кафедре зоологии позвоночных кто-нибудь специализировался по наземным позвоночным животным под руководством В. А. Попова. И в лаборатории зоологии (позднее — лаборатории экологии) Казанского филиала АН СССР большинство сотрудников были выпускниками биофака КГУ. Да и вообще можно сказать, что именно биофак стал главным «инкубатором», выпустившим в свет всех нынешних именитых и прославленных экологов — специалистов по охране природы. Да и заработавший в университете в 1993 году экологический факультет — первый в России, затем соединенный с географом и преобразованный уже в 2000-х годах в Институт экологии и природопользования, вырос из кафедры охраны природы, работавшей на биофаке. Так что все мы родом биофака.

Студенты, изучавшие наземных позвоночных животных, делали свои курсовые и дипломные работы в экспедициях и на стационаре лаборатории зоологии Биологического института. Эти работы начинались уже с младших курсов, что тогда было новым, так как обычно научной работой начинали заниматься лишь с третьего курса.

В. А. Попов читал лекции по экологии и систематике наземных позвоночных животных. Читал на основе новых, в том числе своих материалов. О качестве лекций говорит тот факт, что их хранили и после окончания университета, используя в работе. Тогда многие выпускники кафедры работали в заповедниках и в противочумных станциях. По этому курсу сдавали экзамен или зачет, и боль-

шинство студентов выбирали экзамен, не сомневаясь в своих знаниях, полученных на занятиях Виктора Алексеевича Попова. Характерным для него было то, что он поручал студентам самостоятельную работу, в том числе по тематике лаборатории, и потом спрашивал тоже «всерьез». Студенты часто самостоятельно обслуживали Раифский стационар лаборатории в течение почти всего полевого сезона и, чувствуя ответственность, проводили эту работу без скидок, как штатные сотрудники. Итогом были незаурядные курсовые и дипломные работы, каждая из которых давала что-то новое, а иные затем перерастали в аспирантские

щего кафедрой зоологии позвоночных, В. А. Попов читал своим однокурсникам лекции по охране природы, а через сорок лет возглавил кафедру под тем же названием. В 1958–1964 годах он читал один из первых в СССР курс «Охрана природы, краеведение и фенология» на географическом факультете, а позднее — курс охраны природы на биолого-почвенном факультете.

После XXIII съезда КПСС (1966 г.), обратившего внимание на разработку и осуществление мероприятий по усилению охраны природы, одной из приоритетных задач стала подготовка специалистов по охране природы — экологов нового направления. И тогда В. А. Попов предложил ввести на биолого-почвенном факультете межкафедральную специализацию по охране природы. Минвуз СССР вынес другое решение: приказом В. П. Елютина от 1 августа 1969 года в Казанском университете была организована кафедра охраны природы — первая в стране. Приказом ректора КГУ М. Т. Нужина ее заведующим назначен профессор В. А. Попов.

Зоологическая экспедиция КФАН СССР в Усолье. 1951 год

темы и диссертации, коллективные статьи и монографии. Позднее, когда В. А. Попов стал заведовать первой в Советском Союзе кафедрой охраны природы КГУ, этот принцип использования студентов и опоры на студентов в научно-исследовательской работе был продолжен.

Еще в 1930–1931 годах по заданию профессора М. Е. Макушка, заведую-

щие которых В. А. Попов руководил кафедрой, он становится одним из самых известных деятелей в области экологического образования в Советском Союзе. За это время вышло в свет 60 его печатных работ, о заслугах В. А. Попова говорят звания Заслуженного деятеля науки ТАССР и РСФСР, Почетная грамота Верховного Совета РСФСР, юбилейная ме-

В. А. Попов и почвовед, доктор сельскохозяйственных наук
Р. К. Даутов — справа. 1970 год

Из воспоминаний В. И. Гаранина: «Поскольку о «больших деньгах» не думалось, перспективы, предложенные В. А. Поповым, меня устраивали. Правда, позднее, когда на факультете появился «вербовщик» из Управления заповедниками и были сделаны завидные предложения, червячок сомнения на какое-то время появился, но скоро исчез, поскольку обещание уже было дано По-

даль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», орден Трудового Красного Знамени. По представлению кафедры Советом Министров ТАССР тогда были выделены первые 14 памятников природы Татарии. Бесспорно и то, что именно В. А. Попов считается одним из основателей первого и единственного в Татарстане Волжско-Камского заповедника.

В экспедиции

Перед окончанием университета, точнее, перед распределением, Виктор Алексеевич Попов предложил Гаранину освободившееся место лаборанта в его лаборатории. К тому времени Валериан Иванович уже больше трех лет сотрудничал с лабораторией, во многих исследованиях принимал непосредственное участие.

пову и его надо было держать. А другие наши выпускники поехали в заповедники (в Беловежскую Пущу — Арзамасов, в Гасан-Кулинский — Мингалеева, в Кызылагачский — Соломина). А я с августа 1952 года начал работать в лаборатории В. А. Попова в качестве лаборанта и материально-ответственного лица. До меня это место занимал Николай Платонович

Воронов, перешедший в аспирантуру для завершения диссертации, тема которой была очень интересной и посвящалась роющей деятельности млекопитающих в лесу. Эта работа была успешно защищена в 1953 году, и вскоре после этого Николай Платонович переехал в Чебоксары, где долгие годы работал в пединституте доцентом кафедры зоологии позвоночных, не теряя связи с Казанью.

Месяца два я временно числился сотрудником лаборатории экологии наземных позвоночных животных, а не лаборантом, коим должен был стать по распределению. Дело оказалось том, что моя предшественница, работавшая в этой должности, ушла, не использовав очередной отпуск, за который получила компенсацию.

В связи с этим вспоминается такой случай. По оформлению я сразу уехал из города на стационар в устье Камы (сейчас это Саралинский участок Волжско-Камского заповедника) и приехал обратно в Казань на несколько дней в сентябре.

Виктор Алексеевич спрашивает:

— Денег надо?

Дело в том, что временные сотрудники получали свою зарплату непосредственно в лаборатории.

Отвечаю:

— Надо.

— Вот, у меня есть пока пятьдесят рублей.

Получил деньги, выхожу и вижу:

у Ленинской библиотеки разместились лотки — книжный базар. Замечаю на одном из прилавков книгу С. И. Огнева, это был один из томов серии «Звери СССР и прилегающих стран», которого у меня как раз не было. Цена книги — 50 рублей. После короткого раздумья решаю: беру. Том оказался слегка уцененным и стоил 40 рублей. На оставшиеся десять я жил неделю до очередного отъезда в Саралы...»

В составе лаборатории был в ту пору еще и Юрий Константинович Попов, выполнявший кандидатскую работу по еновидной собаке, и как все аспиранты тех времен участвовавший во многих других мероприятиях лаборатории. Жена Виктора Алексеевича — Татьяна Мстиславовна Кулаева — занималась не только экологией и морфологией лесных полевок, но и многими другими делами. В эти годы подводились итоги исследования фауны ложа будущего Куйбышевского водохранилища — поймы Волги и Камы. В сборе и обработке материалов участвовали все сотрудники лаборатории — от заведующего до препаратора, а также студенты, выполнявшие курсовые и дипломные работы. Часть их, к тому времени уже выпускников биофака КГУ, стали затем соавторами монографии «Результаты изучения животного мира зоны затопления Куйбышевской ГЭС». Среди них: Г. П. Приезжев (выпуск 1950 г.), Л. А. Красовская-Молокова (1951 г.), И. В. Назарова (1953 г.) и В. И. Гаранин (1952 г.)

Комсомольский вожак

Осенью 1952 года, когда Валериан Гаранин вернулся с полевых работ из Саралов, ему в партийной организации Биологического института дали поручение: поработать агитатором среди населения, и он стал проводить беседы раз в неделю на своем участке. Очевидно, это у него очень хорошо получалось, как и другие общественные нагрузки, и вскоре Валериана Ивановича пригласили в партийное бюро филиала АН СССР и предложили работу в комитете комсомола. Он не отказался, сообщив, что может работать в политсекторе или в оргсекторе — есть опыт. Но оказалось, что в виду имелась должность секретаря комитета комсомола. Гаранин на это согласия не дал, ссылаясь на то, что раньше имел дело лишь со студентами, а здесь — взрослые люди, многие из них семейные и уже вышли из комсомольского возраста...

Самокритичного молодого человека со вздохом выслушали, резюме никакого не вынесли. А тут состоялось комсомольское собрание, и молодежь единогласно избрала его в комитет ВЛКСМ. Из пяти избранных лишь Валериан Гаранин уже был членом партии, что весьма ценилось в те времена и при назначении на руководящие, особенно комсомольские и партийные должности было приоритетным. Так что в данной ситуации Гаранину пришлось смириться — его таки избрали секретарем комитета комсомола. Ну а дальше на районной комсомольской конференции он уже «по должности» прошел в состав пленума Молотовского райкома ВЛКСМ города Казани, а на пленуме был избран еще и членом бюро райкома. Отвечал за вузы, техникумы, школы.

В марте 1953 года умер И. В. Сталин, который успел все же провести в 1952 году XIX съезд партии и переименовать Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б), в КПСС — Коммунистическую партию Советского Союза. Об обстановке тех дней, когда страна скорбела по поводу смерти своего вождя И. В. Сталина, написано немало, но тем, кто этого не видел, уверяют очевидцы (к их числу относится и Валериан Гаранин), трудно понять и объективно оценить ситуацию.

...На втором этаже биофака был установлен огромный портрет Сталина, возле которого постоянно менялся почетный караул. Когда проходило траурное собрание в конференц-зале филиала АН СССР, Валериану Гаранину пришлось выйти на трибуну и выступить.

«...я увидел ряды плачущих женских лиц... Люди в возрасте Сталина и старше задавали вопрос: как будем жить дальше?» — вспоминает Валериан Иванович.

Кстати, после смерти Сталина в комсомольские организации стали поступать заявления о приеме в комсомол «по сталинскому призыву», который никто не объявлял. Но так хотелось отдать должное вождю. Помещения райкома ВЛКСМ были переполнены толпами желающих вступить в комсомол, бюро райкома целую неделю заседало с 10 часов утра до часу ночи без перерыва на обед (ходили перекусить по одному). За это время в комсомол было принято около двух тысяч человек.

Но уже летом 1953 года заговорили о «деле Берия», вспоминали его неоднозначное выступление на похоронах

Сталина, которое звучало по радио (телевизоров в ту пору еще не было). Выступление Г. М. Маленкова (его считали приемником И. В. Сталина), как вспоминают очевидцы, было не очень эмоциональным и многим не запомнилось. А вот хоронивший вождя В. М. Молотов (кстати, в день своего рождения, 9 марта), с трудом сдерживал слезы. А Берия, видимо, примерял освободившееся место на себя... Какой-то зловещий голос его, странные слова «Кто не слеп, тот видит...» долго еще звучали в ушах... — рассказывали очевидцы.

Вскоре после возвращения из летней экспедиции В. И. Гаранина пригласили в Казанский горком комсомола. Его первый секретарь Василий Павлович Фадеев спросил:

— Ты обстановку в районе знаешь?

Гаранин ответил, что знает, все-таки член бюро.

— Хотим рекомендовать тебя на должность первого секретаря.

Пленум Молотовского райкома ВЛКСМ г. Казани, четвертый справа — В. Гаранин

«...Вот здесь я все же решил возразить, хотя спорить тогда не умел, — рассказывает Валериан Иванович. — В итоге согласился на более знакомую мне работу второго секретаря, который должен был заниматься идеологией, вузами, школами и т.д. Пленум райкома, состоявшийся в конце лета, избрал меня вторым секретарем. Поскольку я не был в отпуске (первом после окончания университета), мне разрешили уехать на че-

тыре дня в Саранск навестить больного отца. Только по приезде я узнал, что у него был инфаркт миокарда и все лето

Пленум Молотовского райкома ВЛКСМ г. Казани, в нижнем ряду четвертый справа — В. Гаранин

он провел в больнице. Вскоре я вернулся в Казань и приступил к новой работе. Многие сотрудники райкома были в отпусках, включая первого секретаря Фирдаус Мухаррямовну Мулюкову. Я подписывал сотни учетных карточек (обычно в эти месяцы вставало на учет более двух тысяч комсомольцев, в основном это были студенты), начал выезжать в пионерские лагеря («Кзыл-Байрак» на Волге, «Голубое озеро»), что было более интересным, чем бумажные дела. Согласившись на новую работу, я не знал — окончательно ли сменил направление или еще вернусь к своей специальности, которая не была случайной. Во всяком случае, тогда я прогнозов делать не мог и с зоологией прощался всерьез... Работать на новом месте тоже собирался всерьез. И вот здесь, по всей видимости, я переоценил свои возможности и тогда уже заработал гипотонию и последствия пониженного давления».

Райком комсомола размещался тогда на улице Комлева, по пути к музею В.И. Ленина, напротив Дворца труда.

Комсомольский вожак Валя Гаринин

На первом этаже деревянного дома находился также Молотовский райвоенкомат. Отдельный кабинет был только у первого секретаря райкома комсомола, где и проводились заседания бюро. Летом 1954 года Молотовский райком комсомола перебрался на улицу К. Маркса (угол ул. Жуковского) — в просторные комнаты с высокими потолками. Валериану Гаринину и зав. отделом школ досталась угловая комната с балконом. Коллеги по этому поводу шутили: «Вы отсюда можете первомайские парады принимать!» (демонстрации проходили по улице Карла Маркса к площади Свободы как раз мимо здания райкома комсомола).

«Довольно часто удавалось бывать в организациях, реже в промышленных коллективах. Чаще всего — в школах, техникумах и особенно в вузах (в Молотовском районе Казани находились почти все вузы города, кроме КАИ и КГПИ). Весной 1954 года на заводах я агитировал молодежь за поездку на целину. А со вторым татарским эшелоном и я съездил

в Барнаул в марте 1954 года. Старшим по первому эшелону был второй (позднее — первый секретарь ГК ВЛКСМ) Виктор Степанович Морозов, мой одноклассник (но он окончил истфилфак, вернувшись с фронта старшим лейтенантом), позднее — полковник КГБ. Я же был старшим вагона, где ехали около 60 человек из 18 сельских районов Татарстана. Кроме вагонов из нашей республики в эшелоне были вагоны из Чувашии, Московской и Калининской областей.

Многие из направляемых на целину впервые получили большие деньги — подъемные. Один парень начал пить еще до Москвы и допился до белой горячки. На станции Синарской (г. Каменск-Уральский) он разбил в окне оба стекла, на ходу высунулся и стал кричать ««Алтайцы, спасайте!». Втягивая его голову обратно, сопровождавший вагон секретарь Калининского обкома ВЛКСМ порезал себе руки. Утихомирить пьяного не могли даже сотрудники железнодорожной милиции, которые пытались его связать. Парень кричал: «Почему меня вяжут?» Ему ответили: «Всех вяжут». После чего тот дал себя связать и уснул, а потом был высажен с поезда. После этого случая у нас тем, кто начинал «загибать», говорили: «Ты что, хочешь, чтобы тебя в Синарской высадили?»

После отхода поезда я устроил в конце вагона, где располагалась подаренная нам библиотечка и где на столике постоянно лежали свежие газеты, которые я старался покупать на больших станциях, два коротких совещания. Первое — с коммунистами, их в вагоне набралось несколько человек. Договорились, что каждый будет отвечать за несколько районов, выделили старших из комсомольцев — они контролировали порядок.

Под вечер около меня уселись на скамье три баяниста и начали играть. В 11 ночи «музыкальная часть» закончилась, но ехавшие еще долго не могли успокоиться. На второй день пути все прошло благополучно. Мне удалось улечься на своей полке около полуночи, но уснуть не пришлось из-за скандала подвыпившего парня с проводницей. Парень возмущался, почему та предлагает ему отправиться спать. В ответ проводница сказала: «Ты что, с луны свалился или из Америки приехал?»

Парень обиделся:

— Значит, я американец, значит я буржуй?

Тут уж я ему говорю:

— Нет, ты не буржуй, ты просто пьяный.

— Я пьяный?

— Ты, ты пьяный! Иди спать.

Наконец, удалось его уложить. В третью ночь все было тихо, но в три часа ночи проводница меня разбудила: начались выборы в Верховный Совет РСФСР.. Вечером четвертого дня мы прибыли в Барнаул, где были размещены в новом, еще не заселенном общежитии педагогического института. Вскоре погас свет: по местному времени было 24 часа. В соседней комнате устроили скандал москвичи (кстати, оттуда на целину ехало много случайных людей). Оказалось, что им выдали четыре матраца на пять человек, и они стали «качать права»: «Нам обязаны!».

В нашей комнате оказалось два матраца на шесть или даже семь человек. Матрацы мы отдали девушкам, а сами устроились на пальто. Сравнили наши и их условия — утихомирили искателей правды. Утром приехали представители из МТС, с которыми мы проводили

наших ребят (сформировав тракторные бригады еще в поезде), получили телеграммы о прибытии на места и успели за оставшиеся часы познакомиться с городом, который тогда был еще невелик».

Было немало командировок и по родной республике. Две из них от обкома комсомола были связаны с родным для Гаранина Спасским районом (тогда Куйбышевским). Первая поездка состоялась в январе — нужно было проверить состояние зимовки скота. У Валериана Ивановича не было ни валенок, ни шубы, а ударили морозы за минус 30 градусов. Хорошо, коллеги пожалели — одолжили валенки и меховую безрукавку. Ехать надо было на машине до Камы и дальше до города Спасска, который находился близ устья речки Бездна. Вместе с Гараниным из Казани ехали из Молдавии два пограничника-отпускника, на которых были шинели и сапоги. На открытой груженой машине от ветра трудно было укрыться. На остановке в селе Атабаево выяснилось, что один из пограничников отморозил палец на ноге, оттереть который не удалось. Наш герой отделался отмороженным переносьем, которое пришлось срочно по приезду в Спасск смазывать мазью, купленной в аптеке.

Из-за очень холодной погоды в ту памятную командировку Валериану Ивановичу удалось побывать лишь в нескольких колхозах, расположенных поблизости от райцентра. В одном из них выяснилось, что председатель летом свиней на ферме не кормил.. Выпущенные из загона животные разбежались по дворам, питаются подножным кормом. Они были худые, длинноногие, похожие на диких кабанов (которых, кстати, тогда в Татарии еще не было). Их в шутку называли по фамилии председателя: «хафизовские рыса-

ки». На фермах было много серых крыс, которые даже загрызали поросят.

Вторая поездка в Спасский район состоялась летом 1954 года. На сей раз Гаранин смог объехать и обойти половину района, проверяя работу культпросветучреждений. Райцентр в ту пору как раз «переезжал» ближе к селу Болгары, где располагалась в древности одна из столиц Болгарского царства, а прежний Спасск готовился к затоплению водами Куйбышевского водохранилища. Первым секретарем Спасского райкома комсомола тогда только что стал Наумов, вернувшийся с военной службы в Германии. Он рассказал много интересного, в частности, о событиях лета 1953 года в Берлине, о встрече с бывшим первым секретарем Татарского ОК ВЛКСМ В. Н. Макаровым, который какое-то время занимал должность второго секретаря Казанского горкома, а до этого был первым секретарем Молотовского райкома ВЛКСМ. Еще раньше Макаров возглавлял комитет комсомола КЮИ — Казанского юридического института, который позже снова стал факультетом КГУ.

После возвращения из этой поездки секретарь обкома ВЛКСМ Горбунов предложил Гаранину перейти в обком комсомола зональным инструктором по городским организациям (Казань, Чистополь, Зеленодольск). Но Валериан Иванович отказался от этой работы, объяснив свое нежелание тем, что его больше интересует работа с людьми, а не с бумагами. Горбунов, несколько озадаченный такой несговорчивостью, предложил вернуться к разговору после отпуска.

Вернувшись из Саранска после короткого отпуска, Валериан Гаранин был вызван к Горбунову, но сообщил, что свое

мнение не изменил. Тогда секретарь обкома пригрозил:

— Мы ведь можем и без согласия!

Не такой человек Гаранин, чтобы испугаться прозвучавшей угрозы и пойти на попятную — все равно согласия не дал. По жизни в этом плане Валериан Иванович очень принципиальный человек, и если высказывает какую-то точку зрения, обозначает собственное мнение, то это никогда не бывает спонтанно, но всегда тщательно проанализировано и продумано. При этом он практически никогда не думает о собственной о выгоде, приоритетными становятся другие критерии, главные из которых — собственные возможности и силы, общественная полезность того или иного дела, которое ему поручают. Между прочим, это характер настоящего серьезного ученого — отдаваться делу беспрекословно, с введливой скрупулезностью и верой, даже неким фанатизмом, абсолютной честностью по отношению к фактам и ситуациям. Когда Валериан Иванович в начале 50-х годов прошлого века целенаправленно и плотно занялся комсомольской, партийной работой, он искренне полагал, что это его долг перед обществом, самим собой. И он готов был пожертвовать ради этого, как исключительно порядочный, прямолинейный и объективный в суждениях человек, своей привязанностью к науке биологии. Потому что его опыт, знания, выносливость и незаурядные организаторские способности были нужнее, как ему тогда казалось, на другом «фронте». Напомним, что время было очень непростое, страна только-только начала приходить в себя, выстраивать новую мирную жизнь после победы в Великой Отечественной войне, и ей в этот период нужны были умные надежные лидеры,

на которых можно положиться в любой ситуации. Увы, в тот период важные государственные посты, особенно в глубинке, нередко занимали не просто случайные, но недостойные люди, зато с большими амбициями и крепкими «пробивными кулаками». Да что уж, говорить, и в науке, в расстановке ее приоритетов допускались ошибки. Вспомним хотя бы деление животных на полезных и бесполезных и даже вредных (такowymi, например, некоторое время считались хищные птицы, которых безудержно уничтожали). Время, конечно, расставляет все по местам, выводит правильный алгоритм. Но какой ценой!

Осенью 1954 года в сельские районы страны и Татарии стали направлять «тридцатитысячников». Валериану Гаранину было предложено поехать на работу в один из сельских райкомов КПСС. Причем, сначала шел разговор о должности секретаря, от чего он категорически отказался, мотивируя отказ отсутствием опыта партийной работы. Тогда ему предложили на выбор должности заве-

дующего организационным отделом или отделом пропаганды. Выбрал пропаганду, и был направлен в пригородный Высокотгорский район.

Возможно, эта часть нашего повествования покажется вам, уважаемые читатели, не связанной напрямую с биологической наукой и охраной окружающей среды. Но этот живой, очень искренний «кусочек» воспоминаний позволяет понять и правильно оценить то далекое время. А самое главное — раскрывает душу человека, которого невзгоды и трудности не сломали, не озлобили, а наоборот, закалили характер, обогатили новым опытом, сделали добрее (как это не парадоксально звучит) и в итоге позволили выбрать верный путь в жизни. Тот, который Валериан Иванович Гаранин достойно проходит и сегодня, несмотря на солидный возраст. Напомню, в мае 2018 года Гаранин разменял десятый десяток своей жизни. А в октябре этого же года, пообещав провести редактуру данной книги по возвращении, улетел в Махачкалу на конференцию герпетологов с докладом.

Высокогорский период

«**В**скоре после Октябрьских праздников я доехал на автобусе до поселка Дербышки и пошел пешком по Сибирскому Тракту к селу Высокая Гора, где, как я думал, находится райцентр. Выяснилось, что он — при станции Высокая Гора, куда я дошел, минуя МТС. В райкоме сразу отправился к первому секретарю, был встречен довольно равнодушно и, договорившись начать работу в ближайшие дни, мы с ним распрощался...

Так началось мое, по счастью, не очень долгое знакомство с первым секретарем Высокогорского райкома партии Георгием Карасеевичем Царукаевым. Директор прифронтowego совхоза (на фронте он не был), его рекомендовали инструктором ЦК КПСС, направив в Казань, где Царукаева избрали первым секретарем Высокогорского райкома партии. Ходил Георгий Карасеевич обычно в гимнастерке, перепоясанной широким ремнем, что было модно тогда у руководящих работников среднего звена, особенно тех, кто не был на фронте. В районе он был «царь» и «бог», подминал всех в чем-то с ним несогласных или просто имевших собственное мнение. Среди районных руководителей проходила перманентная чистка, и немногие могли уйти из района, сохранив партбилет, тем более без взысканий.

В райкоме меня встретили настороженно, поскольку в те годы в районах было мало людей с университетским образованием (в райкоме тем более). Не зная ничего этого, я приехал, собираясь работать всерьез и долго там, куда направили, по сути, расставшись с мыс-

лю стать биологом. Обстановка в стране тех лет, между смертью Сталина и делом «антипартийной группы», известна по печати, перемены уже всюду начались. Но в районах, особенно третьестепенных, как Высогорский, положение практически не изменилось, что усугублялось еще тем, что район пригородный, много его жителей работало в Казани. Правда, когда в колхозах стали за работу платить какие-то деньги, а не просто считать трудодни, началось возвращение в деревню вчерашних дворников и уборщиц, не желавших отрываться от земли.

В руководстве царил диктат сверху — от районных начальников до председателей колхозов и бригадиров. Не зная, что новые веяния сюда еще не добрались, я стал допускать «проколы», делая ставку на самостоятельность вместо простого выполнения «ЦУ» начальства.

Сначала были намерения работать всерьез, и я уже прощался со своей специальностью, хотя забыть о ней не мог. Поэтому мне было интереснее ездить и ходить в дальние колхозы, чем заседать в райцентре. Кстати, заседания бюро райкома КПСС могли продолжаться по двенадцать часов подряд, в этом случае в райком приглашался буфет. Уже зимой у меня появился рефлекс — дремать при обсуждении вопросов, которые меня не интересовали и не касались. Несколькими годами спустя потом меня всякий раз клонило в сон на длинных и скучных собраниях... Но это было после, а тогда я усердно входил в «курс дела», знакомясь с особенностями работы отдела пропаганды и агитации, в обязанности которого входили: лекционная пропаган-

да (общество «Знание»), проведение избирательных кампаний (то есть, выборов в Советы разных уровней, которые проходили почти ежегодно), образование (значит, школы и РОНО), культура (отдел райисполкома, клубы, библиотеки), районная газета (в отсутствие редактора ее приходилось подписывать в печать), книжная торговля, в определенной степени комсомол и пионерская работа.

Многое было новым по содержанию, и все — по форме. Если в райкоме комсомола в Казани отношения у нас были непосредственными: на уровне райкома и горкома лишь только начиналась дифференциация, немногих секретарей тогда называли по имени отчеству, то здесь царил явная иерархия. Первый секретарь всех сотрудников называл по фамилии и на «ты». Я был моложе большинства, и если некоторых сотрудников райкома и называл на «ты», то обязательно по имени отчеству.

Заместителем заведующего отделом и заведующим парткабинетом был Николай Павлович Белянин. Ему тогда было за тридцать, и он успел с военных лет, когда начал работать в райкоме, пережить несколько секретарей и заведующих, но сам от повышения отказывался, хотя знал до деталей и работу, и район, и людей, с которыми приходилось иметь дело. Мы с ним нередко были довольно откровенны, и он помог мне во многом.

Пытаясь наладить лекционную работу в районе, я хотел для начала воспользоваться тем, что над Высокогорским районом шефствовал Казанский ветеринарный институт, а также весь Молотовский район Казани. Но при помощи шефов организовать регулярное чтение лекций оказалось настолько непросто, что пришлось вскоре распределить меж-

ду работниками отдела тематику лекций и проводить их в основном самим. Николай Павлович Белянин и Василий Иванович Бармин (инструктор отдела) взяли на себя историю партии, политэкономия и философия, а я отвечал за лекции о международном положении, которые пользовались тогда особой популярностью. Каждый раз, приезжая или приходя в колхоз или другую организацию, я договаривался об очередной лекции, которую сельчане охотно слушали и не оставляли без вопросов. Довольно регулярно мы проводили семинары разного состава в райкоме, принимали участие в конференциях учителей и других мероприятиях по нашему профилю, не считая, конечно, подготовки вопросов на бюро и пленумы райкома. Приходилось, разумеется, участвовать и в общих кампаниях: выборах или подписке на государственный заем, посевной, уборочной.

Первая стычка с Царукаевым произошла почти сразу. Первопричиной было то, что ни квартиру, ни комнату мне не дали (что было обещано в обкоме), я же разговор не заводил, считая это неудобным. В один из вечеров, когда не намечалось никакого мероприятия, я по своей наивности решил уехать на ночь в Казань, где снимал комнату недалеко от железнодорожного вокзала. Надо сказать, что тогда от Высокой Горы до Казани пригородный поезд ходил три раза в сутки, и последний уходил без 15 минут в шесть вечера. А работа у нас формально заканчивалась в шесть. Без 20 минут шесть я закрыл кабинет и пошел на станцию, на следующий день в восемь утра уже был на месте (работа начиналась в 9). Вскоре меня вызвал первый секретарь и заявил:

— Ты вчера ушел до конца рабочего дня, а у нас положено работать до шести.

Формально он был прав (позднее я узнал, что за сотрудниками была хорошо налажена слежка). Ночевать в своем холодном кабинете (он был на северной стороне здания) на диване или в комнате для приезжих, где было две койки — удовольствия никакого. Примерно через месяц я задал вопрос о квартире. Ответ был двусмысленным:

— Ты ночуешь? Ну, и ночуй!

Вопросов я больше не задавал, но когда снова выдался свободный вечер, в шесть часов закрыл кабинет и по шпалам пошел до поселка Дербышки (8 км), где сел на автобус до центра Казани. Утром в шесть я был на ногах, а в восемь — на рабочем месте. Формальности были соблюдены, но «черная кошка» пробежала.

С едой тоже было непросто. Чайная в райцентре работала до восьми вечера, но там уже мало что оставалось к концу рабочего дня, к тому же все было холодным. Так что, приехав в это время из колхоза, согреться осенним или зимним вечером было мудрено. Поэтому мы нередко начинали ужин со стакана вина, которое всегда было в продаже в той же чайной. Николай Павлович Белянин предпочитал водку, из-за чего, наверное, и заработал язву желудка. Помнится, только в 1954 году ему дважды делали операцию.

Я держал в ящике стола, кроме папирос, которых у меня тогда уходило почти полторы пачки в день, что-нибудь вроде печенья или долго не сохнувших пряников (были такие — под названием «банан»), и ужин нередко состоял из них и стакана воды из графина. Часов до восьми работали в библиотеке при парткабинете

райкома. Библиотекарь Лида допускала меня к полкам, где я набирал себе книг на вечер. В частности, тогда я прочитал сочинения Пушкина и Горького вплоть до «Клима Самгина».

Во время проведения кампаний посылались в колхозы уполномоченными все работники райкома, райисполкома и других учреждений. Нередко они должны были «сидеть» там по месяцу и более, с запретом выезжать в райцентр даже на короткое время. Этот «порядок» сорвал налаженную было организацию чтения лекций в районе, и был первым поводом к мысли об уходе из района, хотя ранее я, повторюсь, всерьез собирался работать здесь годы. Все руководители районных учреждений и другие сотрудники, имеющие достаточную подготовку, получили задания, наметили темы лекций и...вскоре один за другим стали приходить и отказываться от порученной работы. Райвоенком сообщил, что он уже и на своем месте получил выговор от облвоенкома; отказался управляющий отделением госбанка, то же получилось со многими другими, и даже работникам отдела было трудно вести свою работу. Планы срывались.

Как-то уже весной приехала молодая, сильно накрашенная дама с путевкой обкома КПСС для чтения лекций в районе. Обрадовавшись, я спросил, какая у нее тематика. Ответ был расплывчатым: «На медицинские темы». Оказалось, что тема вообще была довольно специфическая — о венерических заболеваниях. Пришлось звонить в райздрав и справляться у них, когда и где у нас встречались такие заболевания. Заведующая с некоторым трудом вспомнила, что когда-то был случай на известняковом карьере. Позвонил туда, договорился, нашли машину (что

в посевную кампанию было не так просто), отправили лекторшу. Оттуда даме можно было съездить на ночь домой в Казань, что она и сделала. На следующий день после лекции в райцентре, где ее слушали в основном подростки, лекторша уже уверенно запросила машину для доставки в Казань, хотя ей можно было устроиться на ночь в комнате приезжих или у однокурсницы в райцентре. То же повторилось на следующий день, и пришлось отказаться от услуг такого лектора, подписав путевку.

Зимой были очередные выборы, я поехал уполномоченным в колхоз имени В. И. Ленина, в деревню Верхняя Ия, где председателем был почвовед, выпускник КГУ Дима Павлов. От станции надо было идти пешком 14 км, это меня устраивало весной и летом. Зимой же было не так просто отшагать эти километры. Но справился. Потом мне дали лошадь с санями и возчика для доставки избирательных бюллетеней в районную избирательную комиссию. Но большую часть пути (из 46 км) пришлось бежать за санями, ибо был крепкий морозец, а я в сапогах... Сдав документы, не дожидаясь поезда, я пешком пошел в Дербышки, и уже в городе сразу отправился в баню, где за час, наконец, отогрелся.

В другой раз я поехал в субботу на партийное собрание в село Кульсеитово недалеко от Казани, думая вечером добраться до Дербышек и уехать в Казань. Но поднялась вьюга, меня оставили ночевать, обещая утром доставить на станцию на лошади. Лошадь дошла до околицы и остановилась перед двухметровым надувом снега... Пришлось идти пешком. Не ходили и автобусы, надо было добираться до города по шпалам. Дул боковой ветер с Казанки, мело. Уже близ компрес-

сорного завода мне показалось, что кто-то надо мной дышит — оказалось, это паровоз, машинист из-за снега плохо видел, что там впереди. Меня как ветром смело под откос почти из-под колес. Говорили, что в тот день паровоз сбил с мостика над речкой несколько солдат, наскочив на них сзади. Лишь один успел спрыгнуть и повис, схватившись за шпалы, надо льдом...

Весной ходить пешком вдоль железной дороги стало веселее. Но в апреле произошла очередная стычка с Царукаевым на бюро райкома, к тому же, в присутствии инспектора ЦК КПСС. Приезд деятеля такого ранга — значительное событие не только для такого третьесортного райкома, каким был наш, но и для более весомых. Инспектор ЦК КПСС присутствовал на заседании бюро, где разбиралось довольно много вопросов. Два из моих вопросов, то есть по нашему отделу, сорвались из-за неявки, в одном случае, отчитывающихся, в другом — проверяемых. Была весенняя распутица, по оврагам текли ручьи, и люди не смогли проехать, о чем и предупредили по телефону. Но было предложено ждать: может быть, все-таки приедут. Приехали. Но когда через несколько часов стало ясно, что до обсуждения «моих» вопросов еще долго не доберутся, я предложил их снять. Получил отказ, и когда день клонился к вечеру и мог уйти последний поезд, а людям ночевать было негде (они ждали почти полсуток), повторил это предложение Царукаеву. Ответ был: «Под твою ответственность». Людям, потерявшим весь день, разрешено было уехать. Вскоре представитель ЦК заинтересовался, почему два вопроса из повестки дня заседания не рассматриваются. Я доложил суть дела, но Царукаев заявил,

что он ничего не знает об этой ситуации, никакого согласия не давал, а я людей отпустил самовольно, проигнорировав обсуждение важных вопросов. Я «сорвался» и не слишком вежливо сказал то, что о нем думаю... В разборе заседания инспектор ЦК сказал, что, вероятно, я прав, но не стоило бы на заседании бюро все же так резко разговаривать с первым секретарем.

В апреле 1955 года впервые торжественно праздновали день рождения В. И. Ленина (до тех пор отмечали в январе только день его смерти). Многие секретари партийных организаций, особенно в колхозах, не имели тогда даже среднего образования. Чтобы облегчить в какой-то степени проведение мероприятия, в райкоме были подготовлены и разосланы в организации тезисы докладов к 85-летию В. И. Ленина. Г. К. Царукаев вызвал меня, предложил написать доклад для его выступления по этой теме на торжественном собрании в райцентре. Писать доклады для начальства подчиненным было тогда нормой. Как-то Царукаев поручил Беялину (моему заместителю) написать ему даже выступление на родительском собрании в школе (и не в качестве секретаря, а в качестве родителя). Я передал Царукаеву уже написанные для первичных организаций тезисы.

Собрание проходило в районном Доме культуры. Доклад секретарь сделал неважно, допуская ошибки, сбиваясь с текста тезисов. Так, упоминая о проходившей тогда конференции (уже не помню, какой именно) в Маниле (Филиппины), Царукаев сказал о конференции в Милане (Италия). Приводя слова Ленина о социализме («Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, он придет...»), Царука-

ев сказал: «Рано или поздно, двадцатью годами больше или двадцатью годами меньше, он придет...». Помолчал и совсем некстати добавил: «К гибели ...».

Потом я понял, почему он не хотел, чтобы я остался работать в райкоме — боялся конкуренции. Таких людей, как Царукаев, в партийном аппарате, точнее в партийно-государственном аппарате, в ту пору было не так уж и мало. И они не стеснялись в средствах, цепляясь за свои кресла и пробиваясь выше. Позднее такие карьеристы стали еще опаснее, поскольку они уже имели высшее образование (или дипломы, полученные разными путями).

К осени, когда стало ясно, что мы не сработаемся, а у меня участились и стали сильнее приступы головной боли, я начал подумывать о том, чтобы пока не поздно, попытаться вернуться к специальности, которую забыть не мог. Это решение усугубилось еще одним обстоятельством. Состоялся очередной пленум райкома по работе нашего отдела. Мы подготовили доклад второму секретарю (Ситдикову), но решили выступать сами. Я повел разговор о так называемых «уполномоченных» РК КПСС, в роли которых выступали в колхозах сотрудники районных учреждений и которые должны были «сидеть» в колхозе до выполнения разнарядки по подписке на заем, завершения сева, сенокоса и других кампаний. Выполнение своих обязательств при этом в расчет не принималось. Я говорил о том, что, может быть, в 1920–1930 годах эти самые уполномоченные были полезны и могли что-то сделать, имея большие права, вплоть до права ареста. Но теперь, когда руководили хозяйствами специалисты, представитель райкома нужен лишь в качестве подставного лица,

на которое можно перенести ответственность. Умный председатель колхоза все равно делал по-своему, хитрый полагался на представителя для прикрытия. В обоих случаях пользы для дела не было, а вред в учреждениях, откуда брали уполномоченных, очевиден. Наш же отдел «наколосся» на эту практику еще в начале очередного учебного года в политсети, когда многие специалисты получили поручения подготовить лекции для населения, взялись за это охотно, но вскоре были направлены уполномоченными в хозяйства и пришли в райком отказываться от поручений. Весь план лекционной работы был поломан.

Первый секретарь райкома Г. К. Царукаев в своем выступлении заявил, что ЦК не отменял уполномоченных, а я... не справляясь с работой. Однако большинство выступавших меня поддержали. Позднее мне передали разговор Царукаева с одной из сотрудниц обо мне. Он сказал буквально следующее: «Будем давать ему поручения, на одном из них поймаем и уберем...»

Я был не против этого, но заметил, что если получу характеристику хуже, чем заслужил, обращусь в ЦК КПСС. А для него (Царукаева) «это будет гроб»!...

Однако год работы позволил сделать вывод, что с Царукаевым мне (как и многим до меня) не сработаться, а о будущем думать надо, тем более что квартиры я так и не получил. Пришлось договориться о приеме у С. Г. Батыева, тогда второго секретаря Обкома КПСС, который дал мне понять, что освободить меня

«они сами не могут, но многое зависит от меня».

В ноябре 1955 года состоялась отчетная партийная конференция Высокогорского района. Вскоре из выступлений стало ясно, что на месте первого секретаря Царукаеву не удержаться: сторонников у него почти не было. Я не хотел выступать, но поскольку обещал, пришлось выйти на трибуну, сказать, что в том, что случилось не столько вина, сколько беда Царукаева, который явно не случайно оказался на этом посту... Для обкома происходящее оказалось неожиданностью, замену Царукаеву пришлось срочно доставлять из Бавлинского района. В предложенном конференции списке членов пленума РК КПСС моей фамилии не оказалось, и на вопрос об этом представитель обкома ответил: «Гаранин упорно просит его освободить».

После этого был только один вопрос обо мне: «Свободно ли его место в Казанском филиале АН СССР?» На что был получен ответ: «Свободно». Хотя место лаборанта в лаборатории зоологии в то время было занято, но об этом особый разговор.

Новый секретарь райкома не хотел меня отпускать из района, предложил место директора неполной средней школы в селе Кульсеитово и парторга колхоза. От этого места я отказался. После конференции я слег с жестоким приступом радикулита и две недели пролежал в постели. А потом ежемесячно приезжал в Высокую Гору платить партийные членские взносы».

Глава 3

Не беречь поросли, не видеть и дерева

После высокогорской эпопеи Валериан Иванович не мог работать несколько месяцев. А в мае 1956 года Виктор Алексеевич Попов предложил ему временную работу в экспедиции, тогда же состоялся разговор и о будущем молодого человека. Попов посоветовал Гаранину поступить в аспирантуру, под его крыло, взяв тему по амфибиям.

К тому времени лаборатория закончила исследования по млекопитающим, итоги должны были вылиться в докторскую диссертацию В. А. Попова. Намечалось следующее пятилетие работы по изучению птиц Волжско-Камского края, в связи с чем подбирался коллектив исполнителей из всех областей и республик Волжско-Камского края. «Неокученными» оставались лишь неперспективные гады — так в ту пору официально

именовались амфибии и рептилии. Брату тему по гадам лаборатории ни за что бы не позволили — не престижные, бесполезные. А вот статья аспирантской темой

Весенняя экспедиция, Юнусовский остров

гады право имели. И Виктор Алексеевич Попов предложил младшему по возрасту коллеге заняться этой непростой, но очень интересной, по его мнению, темой. И чтобы

уж окончательно «привязать» Гаранина этой работе, как бы между прочим заметил: «Как лаборант вы нас не устраиваете, тем более, это место занято...»

Поразмыслив и приняв судьбоносное для себя решение, Валериан Иванович отправил в Высокогорский РК КПСС заявление с просьбой снять его с партийного учета и направить учетную карточку в Молотовский РК КПСС Казани. А сам, между тем, уехал в Саралинский лес, где находился лагерь лаборатории.

Лес сыграл роль отличного лекарства — через полмесяца Гаранин почувствовал себя значительно лучше как физически, так и морально. Летние полевые работы

(он был физик-теоретик). Двое были под вопросом: геолог А. В. Кузнецов с годичным стажем работы по специальности, но служивший в армии (в Корее), и Валериан Гаранин со стажем работы по специальности в один год и 8 месяцев. Но он не знал, что работа на выборных должностях: профсоюзных, комсомольских и партийных приравнивается к работе по специальности. То есть, его трудовой стаж, по сути, составлял тогда около четырех лет. В конце концов, Президиум Казанского филиала АН СССР утвердил Валериана Ивановича Гаранина в аспирантуре. Таким образом, ознаменовалось его возвращение в науку, теперь уже навсегда.

помогли ему также подготовиться к экзаменам в аспирантуру, которые были сданы в сентябре. Кажется, вот она, аспирантура, уже «в кармане»...

Но возникли неожиданные препятствия. К тому времени появились новые положения об аспирантуре, в частности, требовался стаж работы по специальности не менее двух лет (кроме теоретиков). К тому же аспиранты утверждались не в Москве, а на местах. Из сдавших экзамены все отсеялись, кроме Ю. В. Яблокова

В качестве темы работы сначала была выбрана экология лягушек, но жаль было эксклюзивно собранных, небезынтересных материалов по другим бесхвостым амфибиям. Не пропадать же им. Поэтому после раздумий тему озаглавили в более широком диапазоне, дав ей название «Эколого-морфологический очерк земноводных Волжско-Камского края». За зиму Валериану Ивановичу удалось проштудировать пропущенную за три года литературу по специальности, он стал постоянно сле-

дить за новыми научными работами в своей сфере. Кстати, делает это и поныне, много времени просиживая в библиотеке.

Наряду с так называемыми гадами (амфибиями и рептилиями) Гаранину пришлось в это время серьезно заняться и орнитологией. Тем более что с 1956 года стали проводиться конференции орнитологов Волжско-Камского края, участвовать в которых было интересно и престижно.

Гаранину предложили заняться малой мухоловкой, на которую почему-то не нашлось «охотников». Но «взяться» за нее он не решился — считал, что плохо знаком с этой птицей. Чуть позже предложили козодоя. При этом кто-то из друзей пошутил: «Козодой летает ночью, а ты ходишь ночью, он лежит на земле, и ты на землю смотришь...»

Козодой стал первым орнитологическим объектом Валериана Гаранина, и в какой-то степени любимым. Об этой птице он может говорить часами, да так интересно, с такими забавными подробностями, что хочется слушать и слушать. Позднее в список орнитологических объектов Валериана Гаранина добавились кукушка, зимородок, иволга.

А вообще он может рассказать практически о любой птице нашего края, да еще с подробностями, которые по плечу лишь очень грамотному орнитологу.

В этой связи один небольшой эпизод, который случился пару лет назад. В Ленинском садике в Казани в кормушке для пернатых, подвешенной невысоко над землей, я как-то увидела и сфотографировала одну любопытную птицу с длинным клювом, словно специально позировавшую перед объективом и подпустившую довольно близко к себе. Захотелось узнать, что же это за пичуга, позвонила Гаранину. Он задал несколько наводящих вопросов

и тут же предположил, что это поползень — мастер бегать по стволу дерева как вверх, так и вниз головой. Забила в браузере интернета название птицы — и передо мной возник портрет пичуги из Ленинского сада. Чуть позже написала зарисовку в детский журнал «Зеленушка» об этой встрече и о помощи в определении птицы Валериана Ивановича Гаранина.

Орнитологические исследования ученый вел параллельно с работами по аспирантской теме. Все материалы по птицам, анализировались, группировались, выслались исполнителям. В итоге появился коллективный труд — монографии «Птицы Волжско-Камского края» в двух томах (1977–1978 гг.)

Материалы по земноводным собирались как на стационарах — в основном в Раифском и Саралинском лесах, которые вскоре вошли в состав первого в Татарстане Волжско-Камского государственного заповедника — так и в экспедициях по краю, проводившихся в 1961–1965 годах, когда обследовались озера и пруды Татарии.

«В 1958 году у меня была традиционная для аспирантов Виктора Алексеевича командировка в Зоологический институт АН СССР, совмещенная с командировкой в Москву, в МГУ, — вспоминает В. И. Гаранин. — В Ленинграде я был впервые. Поезд туда из Москвы пришел рано, и я решил пройти пешком по утреннему Невскому проспекту до Васильевского острова, где расположен Зоологический институт (ЗИН). Многие здания, мост через Фонтанку, арка Главного штаба были мне знакомы по книгам и кинофильмам. В отделении герпетологии ЗИНа меня встретили радушно. Заведующий отделом Сергей Александрович Чернов уделил время и для бесед, и для консультаций, познакомил с лаборанткой отдела Людмилой Никола-

евной Лебединской, приезжими герпетологами, и я скоро перестал чувствовать себя здесь чужим. Ознакомился с коллекциями, много времени уделил богатой библиотеке. С. А. Чернов был известным герпетологом, одним из авторов определителя амфибий и рептилий СССР, который к тому времени вышел тремя изданиями. Он также готовил монографию о змеях СССР, но не успел ее завершить. Его последней работой была книга о рептилиях Таджикистана, где он был в эвакуации во время Великой Отечественной войны.

Людмила Николаевна Лебединская пережила блокаду в Ленинграде и до выхода на пенсию работала в отделении герпетологии ЗИНа. Ее муж, геолог, вернулся с фронта инвалидом и прожил недолго. Л. Н. Лебединской я обязан знакомством не только с коллекциями амфибий и рептилий, но и в целом с ЗИНОм, с Ленинградом. С ней имели дело многие герпетологи, приезжавшие в ЗИН — как наши, так и иностранцы, все сохранили о ней добрую память. Кстати, муж Лебединский до войны был в числе открывателей кладбища динозавров в нашей республике, на реке Улема (правый приток реки Свяги). Один из ящеров даже получил наименование «улемозавр», увековечив эту небольшую речку в науке. В ту же поездку состоялось знакомство с другими герпетологами: А. М. Алекперовым (Баку), И. С. Даревским (Ереван), Н. Н. Щербаком (Киев), О. П. Богдановым (Ташкент).

Кроме ЗИНа, мне надо было посетить Ленинградский университет и познакомиться с другим крупным герпетологом — Павлом Викторовичем Терентьевым (1903–1970 гг.) Он был автором определителя гадов СССР, книги «Лягушка», вузовского практикума по позвоночным животным, ряда статей. Мы встретились

в ЛГУ на кафедре зоологии позвоночных, которой он заведовал в то время. Павлу Викторовичу показалось, что у меня «бледный вид», и он прочитал мне получасовую лекцию на тему: как беречь свое здоровье. Я все терпеливо выслушал, потому что незадолго до этого, как я узнал, П. В. Терентьев перенес инфаркт, и после этого мог подолгу говорить о профилактике здоровья. Я попросил у него список литературы по теме, которую надо было просмотреть в богатейшей зоологической библиотеке страны. Терентьев, владеющий иностранными языками (как древними, так и новейшими) великолепно знал зоологическую литературу, мы договорились встретиться на кафедре через три дня, и к этому сроку он обещал подготовить список. Но оказалось, что на другой день проходило очередное заседание кафедры, на которое я был приглашен, и мы с ним там встретились. И уже был готов список литературы на основных европейских языках — более десятка страниц. Когда я удивился такой работоспособности (ему было тогда 55 лет), Павел Викторович ответил: «Это что, вы бы посмотрели, какой я был до инфаркта!»

Кстати, оба корифея отечественной герпетологии — С. А. Чернов, и П. В. Терентьев — предложили изменить название темы диссертации В. И. Гаранина с «эколого-морфологического» на «эколого-фаунистический очерк земноводных Волжско-Камского края». С этим изменением согласился (вернее, сам его предложил) третий крупнейший советский герпетолог — Андрей Григорьевич Банников (1915–1965 гг.), который занимался копытными и амфибиями. Кстати, П. В. Терентьев работал и в КГУ (с 1 октября 1930 г. до 1 февраля 1931 г.) В архиве сохранилась записка Н. А. Ливанова: «Ввиду

необходимости обеспечить преподавание биометрии для студентов отделения животноводства и отделения геологии, прошу деканат геобиофака ходатайствовать о поручении этого курса... П. В. Терентьеву. П. В. Терентьев, научный сотрудник Татарского научно-исследовательского института, является квалифицированным спецом по биометрии, и в Казани единственный, который может действительно обеспечить ведение преподавания по данному предмету. Заявление о желании провести курс биометрии и жизнеописание прилагается». 30.11.1930. Пр. Н. Ливанов.

А. Г. Банников также приезжал в Казань — он был первым оппонентом на защите у В. И. Гаранина. Позднее появилось еще одно основание для их совместной работы — охрана природы.

Аспирантура для Валериана Гаранина закончилась представлением диссертации в 1959 году. В эти годы произошли изменения и в личной жизни. В 1955 году, как тогда говорили, он «зарегистрировался» с Идой Ивановной Мельниковой — студенткой биофака. В 1956 году она окончила КГУ по кафедре геоботаники, в 1957 году у Гараниных родился сын Иван, названный в честь обоих дедов. В 1960 году, наконец, была получена квартира в академическом доме по улице Студенческой, куда приехали из Саранска отец и мать Валериана Ивановича. В этот же время у В.И. Гаранина родилась дочь Зоя.

В 1965 году, наконец, была защищена кандидатская диссертация. Первым

оппонентом, был А. Г. Банников, вторым — Николай Дмитриевич Григорьев (1906–1977 гг.) — один из экологов школы А. А. Першакова, бывший директор Казанского зооботсада, а тогда — старший

Валериан Иванович Гаранин с супругой Идой Ивановной

научный сотрудник Волжско-Камского отделения НИИ охоты и звероводства (животного сырья и пушнины).

В последующее пятилетие лаборатория, в которой работал В. И. Гаранин, занималась по заданию обкома КПСС (а точнее, его первого секретаря Ф. А. Табеева) обследованием озер и прудов республики. Состоялись экспедиции по южным, западным, северным, восточным районам края, охватившие, кроме Татарии, еще и Мордовскую, Чувашскую, Марийскую, Удмуртскую республики. А также Кировскую, Пермскую, Оренбургскую, Куйбышевскую (Самарскую), Ульяновскую, Пензенскую области. Были собраны богатые материалы по всем группам наземных позвоночных, состоялось немало интересных встреч с животными. Так, например, на границе

Оренбургской области и Башкирии Валериан Гаранин впервые увидел перебегающего дорогу в пшенице стрепета.

Еще был интересный случай на реке Быстрый Танып в Башкирии. В воду бросили после обработки ворону, и вот она безжизненно плывет по течению с раскнутыми крыльями. Вдруг в воде открывается яма диаметром полметра, куда целиком проваливается ворона... Это был сом — редчайший, крупный экземпляр.

Многие участки в Татарстане, обследованные в те годы, впоследствии стали памятниками природы: Большой Бор в Елабужском районе, Игимский бор — в Мензелинском, гора Чатыр-Тау — в Азнакаевском, Кайбицкие дубравы, реки Лубянка, Большой Черемшан, Шешма, Ик,

В.И. Гаранин

хическом выражении была в те годы в особом расцвете...

Первым секретарем Татарского обкома партии стал С. И. Игнатъев, переведенный в Татарию из Башкирии бывший министр госбезопасности СССР. Как-то проводилась проверка научных учреждений сотрудниками обкома. Проверяющий (один из инструкторов, фамилию которого уже не помню), навестил нашу лабораторию. Б. В. Некрасов, наш орнитолог, рассматривал в это время голову соловья под биноклем.

— О, вы и соловья поймали! — воскликнул проверяющий.

А далее им было заявлено:

— Тесно у вас... Я-то думал — тут у каждого сотрудника кабинет, у каждого лаборанта — лаборатория.

После таких слов у сотрудников лаборатории пропало всякое желание высказываться по существу. Чуть позже в отчетном докладе первого секретаря

На работе, 1965 г.

лес Кзыл-Тау вблизи города Набережные Челны и др. Но время объявить их официально памятниками природы пока не наступило, еще только велись работы по организации Волжско-Камского заповедника. И это было очень сложно, потому что административная система в ее иерар-

ОК КПСС об ученых и их работе было сказано в том же дилетантском духе: мол, за несколько лет установили, что мало летало зябликов и много трясогузок... А шел лишь первый год работы по изучению птиц.

Вскоре в журнале «Чаян» появилась карикатура: на шкафу — скелет рыбы, несколько лысых мужиков стоят в комнате, один фиксирует в телескопе летящий спутник. Наблюдающий говорит: «Какое-то тело мешает мне наблюдать за полетом зябликов...»

Позднее В. А. Попова познакомили с молодым художником — автором карикатуры, и Виктор Алексеевич укоризненно сказал:

— Что же вы не знакомитесь предварительно с натурой? У нас в лаборатории самый лысый — я... (а у Виктора Алексеевича была тогда довольно пышная шевелюра).

Профессор М. В. Марков с сотрудниками изучал в то время плодородие почв, привезенных из разных точек Татарии. Ученые определили, что при засухе серые лесные почвы дают более высокие урожаи зерновых, чем чернозем. Эти «неправильные» выводы вызвали негативную реакцию в верхах, отраженную затем в докладе: мол, не может этого быть, все знают, что чернозем — самая плодородная почва!

Как тут не вспомнить Антона Павловича Чехова с его саркастическим выражением «Этого не может быть, потому что этого не может быть...» (рассказ «Письмо к ученому соседу»).

Увы, при таком уровне знаний людей, определяющих жизнь страны сверху до низу, трудно было надеяться на какой-то прогресс. Правда, следующее поколение руководителей Татарии, по мнению В. И. Гаранина, оказалось более прогрессивным. Прежде всего, имелись в виду первый секретарь обкома КПСС Ф. А. Та-

беев, председатель Президиума Совета республики С. Г. Батыев, Председатель Совета министров Г. И. Усманов. Начиная примерно с 1959-го года, в республике меняется в лучшую сторону отношение к природе и ее охране. Многое для этого было сделано В. А. Поповым, который, контактируя с высшими руководителями республики, постепенно их, так сказать, «экологизировал».

В 1961 году удалось наконец, организовать Волжско-Камский государственный заповедник с двумя участками: в Зеленодольском и Лаишевском районах. В Казанском филиале АН СССР работала Комиссия по охране природы под председательством академика А. Е. Арбузова, заместителем у него был В. А. Попов, а В. И. Гаранин внештатно исполнял обязанности секретаря. В состав входили также активные специалисты разных направлений, которых объединяло желание не просто заседать, а сделать максимум для сохранения богатой природы Волжско-Камского края. Вышеназванная Комиссия сумела «пробить», по крайней мере, два положительных дела: организацию заповедника и его сохранение во время «хрущевской» волны закрытия заповедных территорий.

А. Е. Арбузов нередко вспоминал, как много было рыбы в Каме во времена его молодости, в конце XIX века... Впрочем, и в более поздние времена еще немало чего сохранилось. Летом 1939 года, например, в Чистопольский затон заплывала большая белуга, и горсовет запретил на это время купание во избежание несчастных случаев... А в 1954 году во время командировки в Спасский (Куйбышевский) район Валериану Ивановичу довелось как-то проезжать на машине через широкие луга в пойме Камы, где не успели выкосить траву — настолько много ее было. Все эти

А.Е. Арбузов со студентами
П.П. Лаванюком, М.И. Адо и
Б.А. Арбузовым. Раифа, 1925 г.

густые и бескрайние пойменные луга поглотили чуть позже воды Куйбышевского водохранилища...

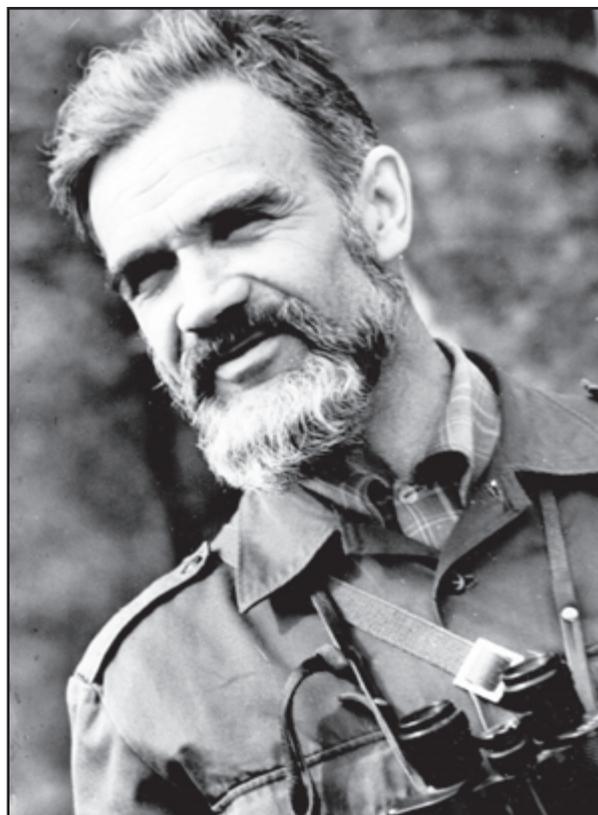
Впрочем, к середине XX века еще сохранился Раифский лес с трехсотлетними соснами и 250-летними дубами, в 1920–1930 годы там работали казанские зоологи под руководством А. А. Першакова, а с 1946 года — под руководством В. А. Попова.

Первым директором Волжско-Камского заповедника стал Г. Г. Шубин — прославленный разведчик Северного флота, известный еще тем, что во время работы в Лапландском заповеднике схватился с медведем. В ВКГЗ он работал недолго — в 1961 году уехал в Подмосковье, где ему пообещали зарплату выше, что было важно

для расчета пенсии. Но на пенсии Г. Г. Шубин смог «отдохнуть» недолго и вскоре умер.

На его место руководить заповедником пришел из ликвидированного тогда Марийского заповедника А. П. Маринович — тоже фронтовик, участник Сталинградской битвы. Раньше он также работал в Дарвинском заповеднике в Вологодской области. Андрей Петрович имел большой опыт организационной работы, но не терпел возражений от сотрудников и не жаловал их собственного мнения, если оно расходилось с его суждениями. Это и привело впоследствии к его уходу из Волжско-Камского заповедника.

«Но тогда мы видели только положительные стороны А. П. Мариновича и были заняты вместе с ним налаживанием работы в заповеднике, где в штате не было заместителя директора по науке, — вспоминает Валериан Иванович.

Научным направлением в заповеднике вскоре начал заниматься Евгений Павлович Кнорре, выпускник Казанского лесного института, ученик А. А. Першакова. После окончания института он работал в Бузулукском бору, где начал впервые заниматься лосем. С началом Великой Отечественной войны Е. П. Кнорре из-за своей немецкой национальности был выслан в Печоро-Ильчском заповеднике, где и работал много лет по одомашниванию лося. А в Волжско-Камском заповеднике Евгений Павлович возглавил фактически все зоологические работы. В заповеднике тогда было принято заниматься, в первую очередь, хозяйственно-важными (то есть, промысловыми) животными, Е. П. Кнорре очень хорошо знал их и охотно ими занимался.

Впоследствии Кнорре вместе с Граниным написали совместную статью в сборник «Волжско-Камский заповедник»

(1969 г.) А получилось так, что этот сборник из-за своей загруженности В. А. Попов не смог редактировать и поручил эту работу Валериану Ивановичу. При редактировании статьи Е. П. Кнорре о фауне «введливый» Гаранин предъявил автору много замечаний и собственных вставок, и Евгений Павлович предложил сделать эту статью вместе, поделив группы животных. Так и родилась добротная статья под двумя фамилиями.

Лаборатория зоологии Казанского филиала АН СССР проводила в Раифском лесу регулярные исследования по единой методике с 1948 года, а в Саралинском лесу и пойме Камы — с 1951 года. Эти работы были продолжены и в последующие годы уже в заповеднике. Они давали богатые результаты, проводились «от снега до снега», то есть весь вегетационный сезон и с зимними выездами, продолжались позже кафедрой

В Раифе

охраны природы и прекращены были после смены научного направления в 1987 году.

В 1961 году на кордоне в 86 квартале Раифского леса был построен дом для сотрудников лаборатории зоологии, другие сооружения, в том числе водочапка, появилось электрическое освещение. А раньше воду возили из поселка Новопольское на лошади, мышей обрабатывали при свете керосиновой лампы.

После окончания аспирантуры у В. А. Попова в штате заповедника появился новый зоолог — Юрий Евгеньевич Егоров. В Саралинском участке заповедника заканчивал диссертацию по фауне побережья водохранилища Валерий Алексеевич Ушаков. Его жена Маргарита Михайловна изучала птиц.

Развеска искусственных гнездовий, Лаишевский район

«Как-то А. П. Маринович завел о них со мной разговор, предлагая лаборатории обмен, — рассказывает В. И. Гаранин. — Мол, Ю. Е. Егоров более склонен к лабораторной работе, а В. А. Ушакова — «полевик», к тому же работающий в заповеднике. Так пусть он тут и останется после аспиранту-

ры, а Егорову лучше вернуться в лабораторию. Предложение было разумным, и после переговоров с В. А. Поповым «обмен» состоялся. Ушаковы переехали в Раифу, вскоре Валерий Алексеевич стал первым заместителем директора ВКГЗ по науке. Однако, спустя какое-то время самостоятельность В. А. Ушакова оказалась неподходящей для директора, привыкшего править бесконтрольно, и он начал «выживать» Ушаковых... Это вызвало сначала недоумение, затем мы попытались наладить отношения с директором, который стал мешать работе лаборатории в заповеднике (а позднее и кафедры). После вынужденного ухода В. А. Ушакова (он уехал в город Горький, ныне Нижний Новгород), где позднее заведовал кафедрой зоологии,

заместителем директора заповедника по науке стал Владимир Сергеевич Поярков. Это был фронтовик, имевший опыт работы в Воронежском, Печоро-Илычском и Лазовском заповедниках. В первом выпуске кафедры охраны природы Казанского университета, кстати, была его дочь — Людмила Владимировна, позднее сотрудница заповедника. В семидесятые годы прошлого века Главохота РСФСР, наконец, сменила директора Волжско-Камского заповедника.

Новым руководителем стал Ким Гильмутдинович Гильмутдинов — лесник по специальности, бывший директор Зеленодольского леспромхоза».

В 1960-х годах руководство республики обращает внимание на работу Татарской организации Всероссийского общества

охраны природы, укрепляет ее руководство, рекомендуя председателем респосовета Гады Галеевича Галеева (1908–1989 гг.), работавшего секретарем Президиума Верховного Совета Татарской АССР. Укрепляются организации этого общества и в районах, растет его численный состав, превысив в 1990-м году 900 тысяч человек. Общество начинает играть заметную роль не только в пропаганде идей охраны природы, но и в практических делах. Позднее председателем совета общества становится председатель Госплана ТАССР Владимир Васильевич Ермаков (1929–1991 гг.), многое сделавший для охраны природы республики.

Председателем научно-методического

Одно из современных заседаний ВООП, 2016 г.
Выступает Т.Ф. Лядова

совета общества был до 1980 года Виктор Алексеевич Попов, впервые начавший телепередачи об охране природы в Казани, пользовавшихся большой популярностью, и успевший провести их более ста.

В это время начинается и проведение республиканских конференций, посвященных охране природы. Примечательно, что

Передачи об охране природы в 1970-е годы вел на телевидении В. А. Попов

председателем оргкомитета первой такой конференции «Проблемы охраны природы и использования природных ресурсов ТАССР», посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в 1970 году, был первый секретарь обкома КПСС Ф. А. Табеев.

Затем он передал эти обязанности С. Г. Батыеву — председателю Президиума Верховного Совета ТАССР. Для деятелей такого ранга участие в организации мероприятий, связанных с охраной природы, было, по меньшей мере, необычным. Но это говорило о важности дела и о возросшем

уважении к науке о природе.

По материалам конференции 1970 года был выпущен сборник «Природа Татарии и ее охрана» (вып. второй). Первый сборник под таким названием был издан в Казани еще в 1963 году, также стараниями В.А. Попова и под его редакцией. Сборник объединил работы специалистов из

В одной из экспедиций

Совета общества охраны природы и Комиссии по охране природы при Президиуме КФАН СССР. Введение написал академик А. Е. Арбузов, а автором первой статьи стал С. Г. Батыев.

Надо отметить, что еще в июле 1962 года сессией Верховного Совета ТАССР впервые было принято по докладу С. Г. Батыева общее постановление по ох-

ране природы республики. Было там и упоминание о памятниках природы, но до их фактической организации оставалось еще около десяти лет.

Когда в 1961 году прошла новая волна ликвидации заповедников, были закрыты Жигулевский, Башкирский и даже только что образованный Марийский заповедники. А вот Волжско-Камский сохранили, хотя попытки вмешательства в его деятельность были. Так, по проекту газопровода «Казань-Зелено-

дольск-Йошкар-Ола» намечалось провести ветку через уже заповедный Раифский лес, отрезав южные кварталы. Проектантам требовалось согласие Комиссии по охране природы.

Вспоминает В. И. Гаранин: «Спрашиваю представителя, который пришел в Комиссию по этому вопросу:

— Какой будет ширина просеки?

Из жизни Волжско-Камского заповедника

— Одиннадцать метров.
 — Не уложите. Как будут разворачиваться машины, тягачи?

— Да... будет метров двадцать...

Отрезанные кварталы (самого ценного — дубового) леса были бы обречены, не говоря уже о том, что по трассе постоянно курсировали бы машины «насмотрщиков», к тому же не исключены были и аварии.

— Что, вам легче прокладывать трассу по лесу, чем по полю?

— Нет, конечно.

— Что, поле над трассой нельзя распахивать?

— Наоборот, рекомендуется распахивать...

— В чем же дело?

А дело оказалось в том, что проектанты из далекого города Сталино (Донецк) не интересовались прокладкой трассы на местности, а поступили так, как некогда сделал российский император с железной дорогой Петербург — Москва, а именно: взял линейку и провел по карте прямою.

Разумеется, после письма Комиссии, подписанного академиком А. Е. Арбузовым, поступило решение изменить проект. И он был изменен. С тех пор десятки лет Йошкар-Ола пользуется газом, а наш заповедный лес остался целым.

В 1980-е годы заместителем директора по науке, а после ухода на пенсию часто болевшего К. Г. Гильмутдинова, директором Волжско-Камского заповедника, стал Булат Давлеевич Хасаншин — выпускник Казанского универ-

ситета, почвовед по специальности, кандидат биологических наук. В связи с изменением профиля кафедры природы КГУ и преобразованием ее в факультет, научные исследования на территории заповедника резко сузились. Проводились гидробиологические, гидрохимические и токсикологические исследования водоемов, изучались экосистемы и их компоненты. Зато почти прекратились зоологические работы с использованием ловчих траншей и давилок, которые до этого велись сорок лет. Ботанические исследования также свелись к изучению лишь некоторых групп редких растений. Но продолжались работы, связанные с лесом и курируемые Тат ЛОСом, велись двукратные зимние учеты промысловых млекопитающих (лось, кабан, лисица, зайцы и т.д.), правда, часто с нарушением синхронности учетов в отдельных частях заповедника.

Верховный Совет и Совет (а позднее Кабинет) Министров ТАССР, ТССР, РТ чаще стали интересоваться работой заповедника, но без особых результатов

(это относится к последним годам так называемой перестройки).

В 1990 году было принято решение, подписанное председателем Совета Министров СССР Иваном Степановичем Силаевым об организации первого в Татарстане государственного природного национального парка «Нижняя Кама», в его составе значились: Кзыл-Тауский лес (Тукаевский район), Большой Бор, Малый Бор, Танайский бор и Танайские луга (Елабужский район). Научным сотрудником этого парка стала бывшая студентка кафедры охраны природы КГУ, окончившая потом Уральский университет — Лиля Фархетдиновна Хисамова.

С 1991 года в национальном парке в течение года работал зоологом выпускник кафедры зоологии позвоночных КГУ Дима Аверьянов — номинально он был гидробиологом, а фактически — специалистом широкого профиля и широких интересов.

Однако в Положении о национальном парке, составленном саратовскими проектантами, были допущены фактические и тактические ошибки, противоречащие предложениям специалистов. В частности,

запрещался выпас скота, ничего не говорилось о сенокосении. Это вызвало недовольство местного населения и привело к решению райсовета об изменении границ национального парка с возвращением местным властям лугов при бесконтрольной их эксплуатации. В то же время по предложению И. Р. Уразова, впервые описавшего Танайские луга для организации заказника, допускался регулируемый выпас в летнее время в их северной части, и во всех частях разрешалось сенокосение. То есть, сохранялся порядок, при котором эти луга сформировались, в нормированном использовании лугов были заинтересованы и пользователи, и ученые. Другое дело, если имелось в виду ненормированная эксплуатация территории или приватизация с последующей продажей под дачные участки, что стопроцентно означало бы гибель лугов. Так что необходимо было границы национального парка «заблокировать», привести к норме.

Вспоминает В. И. Гаранин: «В то же лето, в июне, я с группой второго курса был на практике на биостанции Елабужского пединститута в районе села Старый Черкас

Раифа, посвящение в студенты

в Мамадышском районе. Здесь сохранилась пойма Вятки — последней большой реки Татарстана с дубовыми лесами почти на их восточной границе, с достаточно богатой фауной, в чем скоро пришлось убедиться. Правда, до того довелось выдержать демарш матерей студенток, организованный (точнее, инспирированный) некоторыми из них: «куда вы их везете, там глушь, бандиты, девочки перепуганы...» Разгадка была до примитива простой: девушки привыкли к другой биостанции (вблизи Казани, на Волге), откуда каждый день можно было кататься домой, а также развлекаться на дискотеках. А в Мамадышском районе надо было работать...

Здесь многое оказалось новым. Нашли в озере полуметровую щуку, которая проглотила тридцатисантиметровую щуку. А в той, в свою очередь, оказалось три щуренка длиной 8–10 сантиметров. В лесных оврагах сохранились гадюки. В ловчую траншею на лугу попала травяная лягушка. Нередко встречались дневные хищные птицы: соколы, луны, коршуны, орланы, сарычи, чайки, крачки, кулики, камышовки, славки, болотные совы. Видели одновре-

менно четыре вида трясогузок, обнаружили колонии большого суслика, нору светлого хоря, подрезанные бобром тополя, набрали на след медведя, слышали крик енотовидной собаки, свист бурундука. За 12 дней впечатлений набрались достаточно: отметили 22 вида рыб, 12 видов амфибий и рептилий, 104 вида птиц, 32 вида млекопитающих. Из герпетолого-ихтиологической бригады особенно отличились тогда Ларгий

Колин и Азат Сиразеев, из орнитологической — Индира Шешина, из териологической — Гаврил Тесленко, Гюзель Ситдикова, Марина Корнилова. Я уехал на одну ночь в Мамадыш, вернулся утром на заре. А вечером предыдущего дня Оля Пазюк, к которой приехали родственники, ухитрилась исчезнуть из лагеря на двое суток, и даже (как выяснилось, уже в сентябре) съездить в Казань, никому ничего не говоря. Поскольку при сдаче зачета (это происходило в ботсаде КГУ), она «плавала» больше все, желания ставить ей зачет у меня не было. Хотя я его все-таки поставил после мягкого нажима В. А. Кузнецова и М. Л. Калайды (которых Оля разжалобила своими слезами), иначе бы ее должны были отчислить».

В 1965 году во время очередной реорганизации Биологический институт из Казанского филиала АН СССР был передан в университет, а партийная организация института объединилась с парторганизацией биолого-почвенного факультета. Вскоре после этого В. И. Гаранина избрали в партбюро факультета — в сектор партийного просвещения. К этому времени, как он отмечает, относится и одно из последних выступлений.

В. И. Гаранин с группой студентов биофака на практике в Раифе

Н. А. Ливанова на философских семинарах.

Ректором тогда был Михаил Тихонович Нужин, который обращал большое внимание на своевременную защиту диссертаций. В ту пору кандидатская диссертация у Валериана Ивановича была все еще не защищена, и он почувствовал, что надо ускоряться. Защита была назначена на май, но не пришел вовремя отзыв первого оппонента А. Г. Банникова (позднее он был найден на столе у декана). Пришлось запросить повторно. Потом помешало еще что-то — защиту наметили на июнь. Опять что-то не сложилось — перенесли на октябрь, далее на ноябрь и, наконец, она состоялась 22 декабря.

доброжелательным был отзыв и второго оппонента — Н. Д. Григорьева.

В 1967 году В. И. Гаранина перевели на должность старшего научного сотрудника, от которой он поначалу отказывался, считая это повышение преждевременным. Директор института Н. А. Гусев пригласил Валериана Ивановича к себе для разговора, чтобы узнать причину отказа. Гаранин сказал, что у него еще мало работ.

— Сколько? — спросил Гусев

— Одиннадцать.

— Да, немного...

А потом добавил, что у Валериана Ивановича есть опыт и по возрасту он (37 лет) уже старше многих. Так что пора...

Когда позднее Гаранина спрашивали, что чувствовал при защите, он откровенно ответил: «Ничего».

Мол, ощущал полнейшее безразличие. Хотя в целом защита прошла нормально, более нормально, как он признавался уже позже, чем проходит сейчас в специализированных советах. Первый оппонент (А. Г. Банников) даже сказал, что при добавлении материалов по рептилиям работа может быть представлена в качестве докторской диссертации. Очень

Первая в стране кафедра охраны природы

В 1969 году на биофаке начались разговоры об организации кафедры охраны природы, и В. А. Попов предложил Гаранину перейти туда в качестве доцента.

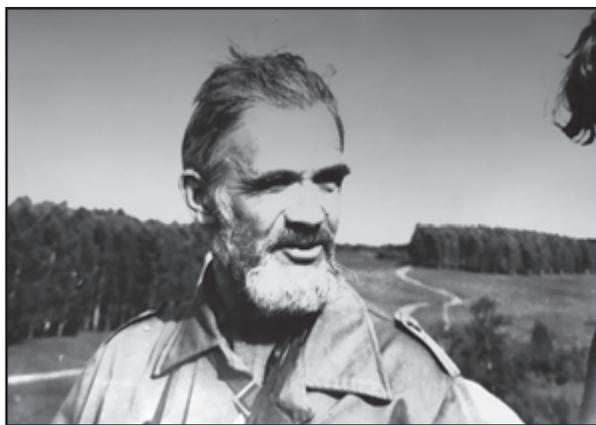
— Не могу сказать, что у меня было большое желание оставлять лабораторию, но надо было освободить место для вернувшегося к тому времени из Башкирии Ю. Т. Артемьева, что и ускорило переход, — рассказывает Валериан Иванович. — С первого сентября 1970 года я стал доцентом (единственным) кафедры охраны природы и биогеоценологии КГУ.

Приказ об организации такой кафедры, первой в Советском Союзе, был подписан министром высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютиным первого августа 1969 года. Одновременно увеличили прием на биофак КГУ на 25 человек. Группа — первый прием на кафедру — была сборной, сюда вошли те из поступивших на биофак студентов, которые хотели специализироваться именно в направлении охраны природы, а также те, кто не прошел по конкурсу на другие кафедры. Приказом ректора КГУ профессора М. Т. Нужина заведующим кафедрой был назначен заведующий лабораторией экологии Института биологии при КГУ профессор Виктор Алексеевич Попов. Кстати, он был инициатором создания специализации, но не кафедры — последнее решение приняло министерство.

...Первым сотрудником новой кафедры охраны природы на биофаке стала лаборантка Альфия Юсуповна Самигуллина, занимавшая ту же должность в лаборатории экологии. Ей пришлось в первые месяцы взять на себя все технические дела на кафедре, совместив их с учебным лаборантством, а также с обязанностями хозлаборан-

та и секретаря. С осени 1970 года кафедра получила одну комнату в главном здании университета на первом этаже — рядом с деканатом биофака. Здесь стояли впритык четыре стола, за которыми разместились все сотрудники новой кафедры.

В ноябре перешел на кафедру из Казанского педагогического института доцент Вассиан Сергеевич Порфирьев, только что защитивший докторскую диссертацию. Это был крупный геоботаник, лучший знаток лесной ботаники в Среднем Поволжье. Он возглавил на кафедре ботаническое направление, которое В. А. Попов считал основой биогеоценологических исследований. Старшим преподавателем на кафедре был В. Байдерин, который уже поработал в Ставропольском пединституте, в Пинежском заповеднике.

Второй после В. А. Попова зав. кафедрой охраны природы — В. И. Гаранин

Как-то во время одной из встреч с заведующим кафедры студенты первой (194-й) группы спросили:

— А будет у нас классная мама?

На что Виктор Алексеевич ответил вопросом на вопрос:

— А классного папу не хотите?

Так Валериан Иванович Гаранин стал куратором этой группы. А поскольку в это время на кафедре появилась еще и вторая группа – 104-я (прием 1970 года), у обеих групп какое-то время был один куратор. А когда в следующем году появилась еще третья группа (114-я) – первым двум пришлось достаточно рано стать самостоятельными...

Были в этих первых приемах люди случайные (экология начинала становиться модной наукой), но все таки большинство студентов хотели стать экологами всерьез. Так, в НИИ, связанным с охраной природы, работали в Волгограде В. и Н. Шишкуновы; в Березинском заповеднике, а позднее в Институте зоологии Белорусской академии наук – Н. Малютина; в Волжско-Камском заповеднике – Л. Пояркова; в Госкомитете охраны природы в Башкирии – С. Куршаков, М. Перхун успешно работала в Ли-

кафедрой. На ее базе под его руководством был создан факультет экологии (опять-таки, первый в стране). Впоследствии Ю. Котов был депутатом последнего Верховного Совета СССР, а затем деканом экологического факультета в Ульяновском филиале МГУ.

В конце 1970 года на кафедре появилась химик Валентина Николаевна Дегтярева, которая стала развивать химическое направление, особенно в области использования ядохимикатов. Одним из первых аспирантов кафедры (не считая переведенную с кафедры зоологии позвоночных Т. И. Водолажскую), стала Татьяна Владимировна Рогова – выпускница пединститута, защитившая одной из первых в стране диссертацию, связанную с воздействием рекреации на лесные экосистемы. Позднее она стала доцентом и деканом экофака КГУ, затем доктором наук, профессором. Также одним из первых аспирантов кафе-

дры был Сергей Львович Шалдыбин, впоследствии заместитель директора национального парка «Нижняя Кама».

Из последующих выпусков кафедры можно назвать сотрудников Института экологии природных систем Академии наук РТ (сейчас – ИПЭН) Г. Шахтарина и Т. Шпак; Казанского педуниверситета К. Ибрагимову и М. Фардееву; Управления охраны окружающей среды Ульяновской обла-

Первомайская демонстрация в Казани, 1973 г.

товском национальном парке «Игналина».

Среди студентов первых групп кафедры охраны природы был и Юрий Котов, который через 17 лет стал третьим (после В. И. Гаранина, и последним) заведующим

сти Н. Золотухина; министерств такого же профиля: Чувашии – А. Дмитриева, М. Гафурову, Татарстана – Е. Игонина, О. Муравьеву, И. Нехорошкову, Н. Усанову; заповедников: Таймырского – А. Гаври-

лова, «Малая Сосьва» — А. и А. Васиных, «Шульган-Таш» — Н. Сайфуллину, «Пинежского» — А. и С. Рыковых, «Костомукшского» — О. Андрианову и Б. Кашеварова, «Волжско-Камского» — О. Бакина, А. Сарварова, Е. Унковскую и многих других. Из тех, кто защитил диссертации, нельзя не упомянуть уже названных В. Байдерина и Ю. Котова, а также Н. Мингазову — сейчас доктора биологических наук, И. Рахимова, Ю. Горшкова — директора Волжско-Камского заповедника и других.

После десяти лет нашей совместной работы на кафедре охраны природы скоропостижно скончался 20 сентября 1980 года

Виктор Алексеевич Попов. Вскоре после похорон В. А. Попова были предложены мероприятия по увековечению его памяти. Дать его имя кафедре ректор отказался, опасаясь, что это будет прецедентом для массовых переименований. Но началась подготовка третьего издания книги «Животный мир Татарии», и через год после смерти Виктора Алексеевича у входа на кафедру была открыта мемориальная доска (здесь особенно много сделал Ю. Котов за счет руководимого им хозяйства).

Евгений ПРОХОРОВ о В. А. Попове

Видеть будущее

Мое детство пришлось на начало 1960-х годов. Это было время «большой нефти» в Татарии. Нефтяники считались героями, все газеты непременно печатали статьи и за-

метки об их успехах, по радио новости начинались сообщениями о количестве пробуренных скважин и добытых тоннах нефти. О сохранении природы тогда никто не думал.

Луга вдоль любимой мной речки Тоймы буквально за пару лет полностью преобразились под гусеницами тяжелых тракторов. Развороченная земля вокруг буровых вышек и вечный свет горящих факелов вместо цветущих полей и кустарника «украшали» теперь берега реки. Вода несла сгустки нефти, так что купаться было опасно — прилипший мазут от тела не отодрать. Вода в родниках нередко становилась горько-соленой.

Республика в те годы стремительно развивалась. Новые заводы, города, дороги, нефтепроводы быстро меняли ее облик. А вот природе было очень худо, и первым это осознал, пожалуй, именно Виктор Алексеевич Попов.

Н. А. Дроздов с казанскими учеными. 1961 год.

Познакомился я с ним, поступив на био-фак КГУ, на кафедре охраны природы. Увлекательные лекции Виктора Алексеевича нередко приходили слушать студенты с других потоков. В начале 1970-х годов появились первые особо охраняемые территории: гора Чатыр-Тау в Азнакаевском районе, пихтарники Кызыл-Тау, Чиршилинская колония сурков они были взяты под охрану государства и стали памятниками природы. Виктора Алексеевича интересовали самые разные направления в сохранении родной природы.

Он обращал внимание на низкую лесистость республики, выступал против монокультуры сосны, был против высокой

численности лося, уничтожавшего молодой подрост в лесах почти полностью.

Виктор Алексеевич уже в те годы постоянно поднимал вопросы очистных сооружений на предприятиях, был пропагандистом замкнутых систем водооборота. Во многом благодаря его энергии протока Булак и озера системы Кабан были очищены от многолетней грязи и стали относительно чистыми водоемами.

Многое, о чем мечтал Виктор Алексеевич, сбылось в наши дни: в Татарстане сложилась система ООПТ, есть у нас своя Красная книга, в университете готовят специалистов в области охраны природы, Волжско-Камский заповедник, созданный при непосредственном участии Попова, получил международное признание и стал биосферным, появились автоматические станции контроля качества атмосферы, за изменениями в природе стали наблюдать из космоса, лаборатория зоологии, которой он руководил, выросла в целый институт... К сожалению, не сбылась пока мечта Виктора Алексеевича о превращении Казанского зооботсада в современный, расположенный за городом, где-нибудь в районе озера Лебяжьего, зоопарк...

*Анвар АЮПОВ, научный сотрудник
Волжско-Камского заповедника*

О Викторе Попове — с ностальгией и благодарностью

Первая встреча

С раннего детства я увлекался птицами, мечтал стать натуралистом. Читал много книг, но в 50–60-е годы прошлого века было трудно достать иллюстрированные

определители птиц. Будучи учеником седьмого класса, впервые участвовал в Олимпиаде школьников, которая проходила в Казанском университете. Больше всего меня поразило обилие чучел и тушек птиц, которые были расставлены и разложены в секции орнитологии. Здесь я познакомился со студентом Андреем Поповым (о том, что он сын Виктора Алексеевича не знал), который пригласил меня в один из ближайших воскресных дней на лов птиц для кольцевания. Пернатых мы ловили «тайником» в пойме Казанки. Наконец-то в руках я держал живых чижей, щеглов, коноплянок, которых после кольцевания мы выпускали на волю. Я был на седьмом небе от счастья. Но в тот день меня ждал еще один сюрприз.

Ближе к обеду мы свернули оборудование, я помог донести часть снаряжения Андрею домой. Не успели мы войти, как навстречу вышел высокий, подтянутый, доброжелательный человек, с улыбкой протянул мне руку, представился и тут же пригласил к столу отобедать. Я смутился, попытался отказаться, но Виктор Алексеевич держался со мной как с равным. За обедом Попов оживленно расспрашивал о моих увлечениях, птицах, природе, успехах в школе. В завершение он пригласил меня летом поработать в заповеднике. А потом мы прошли в кабинет Виктора Алексеевича.

От увиденного там у меня даже закружилась голова. Все четыре стены были плотно уставлены книгами! Такое их обилие я видел лишь в кино. Виктор Алексеевич рассказал о своих книгах, методах работы с ними. И напоследок дал почитать, несколько научно-популярных изданий известных ученых Огнева, Турова, Мантейфиля. Домой я не шел, а летел, держа под мышкой эти драгоценные книги.

Порядочность

Виктор Алексеевич в 1973 году начал осваивать садовый участок в Боровом Матюшино, решив построить домик по своему проекту. В те времена официально купить строительный материал было очень сложно, да и служба ОБХСС не дремала. Попов приобретал деревянные заготовки для кузова автомобиля ГАЗ — 51 и из них строил домик, что было не так накладно. Однажды в период экспедиционных работ к берегу Саралинского участка заповедника после шторма на водохранилище прибило большую связку прекрасных обрезных досок. Мы решили поделиться с Виктором Алексеевичем этой находкой. На это он отреагировал весьма серьезно, сказав назидательно, что такой поступок может быть неправильно истолкован, а он дорожит своим именем. Этот урок нам запомнился навсегда.

Случайный разговор

В начале семидесятых годов прошлого столетия, когда был «фазендовый» бум, значительная часть жителей Казани добиралась до своих садовых участков на моторных лодках. В пятницу, в погожие дни, с лодочных стоянок с ревом уходили сотни лодок, и тогда под мостами Ленинской и Кировской дамб образовывались пробки.

Под руководством Виктора Алексеевича были проведены исследования по влиянию маломерного флота на прибрежные экосистемы. Они оказались отрицательными по ряду факторов, особенно негативно весь этот флот влиял на рыбу в период икрометания. На основе этих исследований Попов внес в Правительство республики предложение о полном запрете нахождения маломерного флота на воде в период нереста. Вот вам прекрасный пример внедрения научных разработок в практику! Это решение, особенно в первые годы,

вызывало недовольство у многих людей. Однажды в начале июня, я ехал на трамвае по Ленинской дамбе и услышал разговор двух мужчин. Один, глядя на Казанку произнес: «Эх, махнуть бы сейчас на лодке на природу, да ведь нельзя, придумал же какой-то профессор этот запрет...»

«Что ж сделаешь, если хочешь хорошей рыбалки, надо потерпеть», — с пониманием ответил второй.

Мастер слова

В шестидесятых годах прошлого столетия идеи охраны природы в нашей стране только зарождались. Виктор Алексеевич, как проницательный ученый, хорошо знающий эту проблему в нашей стране и за рубежом, подготовил курс лекций о разрушительных последствиях деятельности человека на окружающую среду. Каждое его выступление было посвящено отдельной теме: опустынивание планеты, загрязнение атмосферы, сокращению площади лесов и т.д. Лекции он проводил раз в месяц в 209-й аудитории биофака, на них собиралось более двухсот человек, все места были заняты, расставляли дополнительные стулья, многие стояли в проходах.

В течение часа Виктор Алексеевич на одном дыхании хорошо поставленным голосом, прекрасным литературным языком излагал проблему, сопровождая свой рассказ иллюстрациями и плакатами. В аудитории стояла невероятная тишина. Лишь однажды было оживление, когда Виктор Алексеевич читал лекцию по проблеме пресной воды на Земле, и сказал, что за рубежом, особенно в европейских странах, люди покупают бутилированную воду. Зал взорвался комментариями, чаще всего звучало: «Как так, да мы из Волги пьем некипяченую воду! А если продавать?»

— Вероятно, и нас ждет такая участь,— с грустной улыбкой сказал Виктор Алексеевич, успокаивая людей. Был апрель 1966 года.

Он всегда активно трудился над решением актуальных вопросов, связанных с экологией, теоретическими основами охраны природы. Большое внимание в его исследованиях уделялось прибрежным экосистемам. Например, под его руководством были организованы в Татарии «озерные» экспедиции, позволившие обследовать более 2000 водоемов.

Виктор Алексеевич умел довести важность того или иного дела до представителей власти. Именно с его, так сказать легкой руки, «экологизировалось» тогдашнее руководство республики (председатель Президиума Верховного Совета ТАССР С. Г. Батыев, первый секретарь обкома КПСС Ф. А. Табеев). В 1962 году на сессии Верховного Совета ТАССР впервые обсуждался доклад о задачах в области охраны природы, было принято соответствующее постановление. Именно тогда лед тронулся, и десять лет спустя в 1972 году в республике появились первые памятники природы.

В. А. Попов, Волга 1952 год

...Виктор Алексеевич Попов умер 20 сентября 1980 года в возрасте семидесяти лет. Скоропостижно, на рабочем месте. На лекции почувствовал себя плохо, извинился, отпустил студентов, пришел в свой кабинет, сел в кресло, попросил воды... Ректор КГУ профессор А. И. Коновалов на похоронах Попова сказал: «Его жизнь оборвалась, как туго натянутая струна...»

Одна из приоритетных тем, которой занимался Попов, была посвящена птицам. К этой работе он привлек специалистов, ученых, студентов университета, институтов и организаций разного профиля, благодаря уникальным дипломатическим способностям Попова был создан единый коллектив. Незаурядное умение Виктора Алексеевича, перешедшее к нему, видимо, от его наставника и учителя, известного ученого-биолога Александра Александровича Першакова (1875–1943 гг.) — привлекать к работе над темой перспективных молодых людей, помогать им, приучать к самостоятельной работе. Итогом кропотливого труда маэстро природы стала монография «Птицы Волжско-Камского края», вышедшая в Москве в 1977–1978 годах. Среди научного наследия хочется упомянуть и такую крупную работу Виктора Попова, как «Млекопитающие Волжско-Камского края», к которой часто обращаются современные ученые, занимающиеся исследованием млекопитающих.

Позднее, уже после смерти Попова, свет увидела интересная работа его уче-

ника Валериана Гаранина «Земноводные и пресмыкающиеся Волжско-Камского края (1983 г.), над которой в свое время работал и Виктор Попов. Это была докторская диссертация, которая, если бы был жив В. А. Попов, была бы защищена...

Виктор Алексеевич Попов — любимая тема Валериана Ивановича. О нем он готов говорить часами, порой, кажется, уже не замечая, что не столько о нем говорит, сколько о себе, о собственном восприятии мира и доброты в окружающей среде. Потому что сегодняшний Валериан Гаранин — продолжение Виктора Попова.

И это не просто слова, а неоспоримый факт. Доказательством служат

В. И. Гаранин проводит экологический урок в музее Волжско-Камского заповедника

не только великолепные педагогические качества Гаранина, его умение наблюдать, анализировать и делать грамотные научные прогнозы, но еще и уникальные «Чтения памяти В. А. Попова», которые вот уже много лет проводятся на биофаке под непосредственным руководством Валериана Ивановича.

Чтения памяти В. А. Попова

Через десять лет после смерти Попова в 1990 году экологи Института биологии АН РТ и университета решили провести конференцию, посвященную 80-летию со дня рождения Виктора Алексеевича Попова. Провели успешно. И один из студентов тогда в порыве чувств предложил проводить такие форумы ежегодно. У Валериана Ивановича сердце дрогнуло в груди, когда он услышал слова молодого человека. Решил, что неспроста их произнес студент. И его — Валерина Гаранина, ученика и последователя Попова, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ — отвечать за подготовку и проведение чтений, посвященных Попову. Кстати, в нынешнем марте, в день рождения Виктора Алексеевича, такие чтения состоялись в 28-й раз. При неизменном участии Валериана Ивановича.

«Чтения Попова» собирают единомышленников — ученых зоологов и экологов не только Казани, но и других городов России. Кстати, некоторые из них лично знали Виктора Алексеевича, работали, учились под его руководством. В первую очередь это Валериан Иванович Гаранин, который по традиции открывает чтения, посвященные знаменитому ученому. Затем звучат доклады ученых и, наконец, наступает самый интересный момент «чтений» — обмен мнениями. И это не просто споры, а конструктивный разговор единомышленников, обеспокоенных состояни-

ем природной среды. По мнению ученых экологические аспекты требуют к себе сегодня не просто пристального внимания, но и конкретной помощи. Взять, к примеру, такую, казалось бы, не имеющую прямого отношения к охране природы ситуацию, как механизированная уборка урожая на полях или вспашка земли. Какая разница, как ее пахать — справа налево или

Одно из первых заседаний «Чтений памяти В. А. Попова»

наоборот, главное — чтобы было качественно. А вот ученые утверждают, что землю нужно обрабатывать по особой схеме, которая позволила бы животным, живущим на этой территории, разбежаться, спрятаться, выжить. И это совсем не банально, если учесть в целом большой процент распаханности территории республики. К сожалению, как показывает практика, многие земледельцы-арендаторы слыхом не слыхивали о таких особых правилах и обрабатывают землю как бог на душу положит. Чего уж тут удивляться тому, что животный мир республики скудеет

и все больше животных попадают в разряд редких.

«Я работал вместе с Виктором Алексеевичем 33 года и 12 дней, вплоть до его смерти в 1980-м году, — вспоминает В. И. Гаранин. — Мы поддерживали тесные отношения, занимаясь, по сути, одним делом на биологическом факультете КГУ — изучением природы и ее охраной. Он стал для меня старшим другом и кумиром на всю жизнь. Его аналитический ум покорял,

который всегда имел на него большое влияние, по сути, заменил Попову отца, которого он потерял в 15 лет. Першаков всегда говорил о природе и необходимости ее охранять, он многое сделал для создания Волжско-Камского заповедника в Татарии. Профессор Попов развил идеи своего учителя, особенно в отношении экологии и охраны природы. Нынешнее поколение экологов ценит его за огромный вклад в науку, за подготовку кадров.

Чтения памяти В. А. Попова»

способность отличить, как говорят, зерна от плевел, вызывало восхищение, а умение противостоять трудностям заставляло мобилизовать собственные резервы, не сдаваться и не прогибаться. У меня был такой трудный период. Любимую мою тему по амфибиям, которыми я увлекался, во времена Лысенко (конец-40-х — начало 50-х годов прошлого века) нельзя было делать кафедрально, приходилось чуть не подпольно вести исследования. Но я выстоял с помощью В. А. Попова... Я глубоко уважаю Виктора Алексеевича Попова за дружбу с видным зоологом Александром Александровичем Першако-

«Мне пришлось под давлением обстоятельств (а более всего декана) следующие шесть лет после смерти В. А. Попова быть заведующим кафедрой, — вспоминает Валерий Иванович. — Насколько интересной была для меня работа с людьми, прежде всего со студентами (оговорюсь: настоящими, то есть, всерьез стремящимися освоить специальность, а не имитирующими это стремление), настолько тяжелой стала формальная сторона этого дела. Кафедра осталась фактически без профессоров (В. С. Порфирьев был уже на пенсии, ему было за семьдесят), и без доцентов (единственный доцент стал заведующим), но все

ассистенты в то время были «остепененными».

На мой взгляд, наиболее подходящими для заведования кафедрой были Ю. Котов и Т. Рогова. Общим было чуть за тридцать, единственным минусом для них был недостаток опыта. Но это дело наживное, что, собственно, жизнь и доказала. Но тогда имелась в виду еще и докторская диссертация. И если Ю. Котов высказывал уверенность в том, что он за короткий период сумеет ее сделать, то Т. Рогова сомневалась

в своей подобной оперативности. Но сначала им надо было бы стать доцентами. Это удалось сделать не без трудностей, включая анонимки в ВАК (по поводу Ю. Котова)... Вне плана», минуя кафедру, стала доцентом Т. Водолажская. На очереди был В. Байдерин. Но он решил ускорить события, и летом 1982 года подал заявление об уходе (под предлогом болезни отца и договоренности о работе в Ставрополе, где жили его родители). Через четыре года он снова вернулся на кафедру, чтобы проработав там еще семь лет и трагически закончить свой жизненный путь в далекой Индии...

Во втором десятилетии существования кафедры направление ее стало меняться в сторону большой «химизации» и «математизации» за счет «биологической» экологии. Этому способствовал уклон в специализации выпускников, особенно оставшихся на кафедре. Более важными стали считаться темы, связанные с загрязнением среды. Впрочем, и сейчас многие считают важнее строительство и функционирование очистных сооружений или

«Чтения памяти В. А. Попова», 2015 г.

мусорные темы, а не изменение технологий в сторону природного хода круговорота веществ...

Сегодня многие задают вопрос: как же получилось, что такой уважаемый, знающий, умный ученый, как Валериан Иванович Гаранин, не имеет звания доктора наук? Это верх несправедливости, ведь по своему кругозору, огромному интеллекту, опыту, принципиальности и т.д. — он самый главный ученый и профессор биологической науки Татарстана! И не только, всего Волжско-Камского края.

...Говорят, что человека украшает скромность. Но она же порой становится невыносимым испытанием, наждаком, терзающим душу. Вот если бы был смелее и настойчивее, умел появляться в нужное время в нужном месте, наверное, смог бы добиться лучших должностей и титулов. Увы, титулов у Гаранина немного, он даже не профессор по официальному званию. Жил, работал, преподавал, занимался научной деятельностью, не думая о высоких креслах. Но сколько его учеников

стали докторами наук!
Вместо него...

«...Передо мной снова встал вопрос о защите докторской диссертации. Но в первую очередь надо было «довести до ума» монографию «Земноводные и пресмыкающиеся Волжско-Камского края», завершавшую триаду (или тетраду) монографий по фауне тетрапод (наземных животных) Волжско-Камского края, что было мечтой Виктора Алексеевича Попова. Книга вышла в издательстве «Наука» в Москве в 1983 году. Вновь писать в качестве диссертации то же, что было в монографии, у меня не было никакого желания. Хотя можно было попробовать защищаться по совокупности работ (как в свое время это сделал Виктор Алексеевич Попов) или все-таки по монографии... Первоначальные переговоры в Ленинграде (Зоологический институт) и в Свердловске (Институт экологии растений и животных) были обнадеживающими. Все изменилось после поездки по этим институтам академика В.Е. Соколова — нашего «главного зоолога» в ту пору и разработчика принципов проведения экологического мониторинга. Он предложил принимать к защите только диссертации, и руководители институтов не решились нарушить указание начальства. Но это было мне в определенной степени даже на руку. Защита докторской была бы весомым аргументом для продолжения заведования кафедрой, которое становилось для меня все более

Выпускники одной из первых групп кафедры охраны природы со своим куратором В.И. Гараниным

тяжелым грузом, тем более, что приходилось заниматься в основном вопросами, которые меня слабо интересовали или не интересовали совсем. Домашние обстоятельства усугубили обстановку... Я надеялся в какой-то минимальной степени не пройти по конкурсу на второй срок. Но прошел, получив на Большом совете, кажется, лишь один голос против. Предстояло продолжать то же еще пять лет...

Если бы я знал тогда о некоторых закулисных делах, то не стал бы предпринимать некоторые шаги, без которых можно было обойтись... Появившийся в это время в Казани В. Байдерин договорился о своем восстановлении в университете. Поскольку на кафедре охраны природы свободных мест не было, ему предложили кафедру зоологии позвоночных. Это место устраивало в большей степени и меня, поскольку шла речь о восстановлении на кафедре «тетраподного» направления, то есть связанного с наземными позвоночными. Отсутствие

такового было признано минусом кафедры при ректорской проверке.

Когда из разговора с ректором стало ясно, что можно рекомендовать за заведование кафедрой охраны природы Ю. Котова (чего он активно добивался), не дожидаясь подготовки докторской диссертации, я предложил освободить место для В. Байдерина, перейдя на кафедру зоологии позвоночных. Ректор предложение принял, в итоге, вероятно, выиграли обе

кафедры: охрана природы получила нового (молодого) заведующего, а зоология позвоночных — дополнительную возможность специализации по тетраподам.

Так начался новый период моей работы, и возможность для меня в университете кончать там же, где начинал почти сорок лет до того... В это же время начался новый период в истории страны, сравнимый по стрессовой обстановке с временами Великой Отечественной войны...»

Музей, учебная аудитория, научная лаборатория

Шли годы, уже давно наступил пенсионный возраст, а Валериан Иванович все еще, как говорят «на коне». Он работает в Зоологическом музее КФУ.

В. И. Гаранин после вручения Почетного знака «Заслуженный эколог Республики Татарстан», в Зоологическом музее КФУ

Это удивительный музей: учебная аудитория для студентов, научная лаборатория для ученых, наконец, это просто

интереснейшее, познавательное место, где можно «пропасть» на несколько часов и не соскучится, особенно если экскурсию ведет Валериан Иванович Гаранин.

Этому музею более двух веков, именно столько лет насчитываю самые старые экспонаты, коллекция которых начала формироваться еще при жизни Павла I в 1798 году.

Немного истории

В конце XVIII столетия князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический по распоряжению Екатерины II вознамерился открыть университет в Екатеринославе (современный Днепропетровск), для чего собиралась коллекция животных, растений и минералов. Но по указу Павла I в 1798 году она была передана Казанской гимназии, на основе которой спустя шесть лет создан Казанский университет.

Первым заведующим музея, именовавшимся в ту пору Кабинетом, стал известный профессор Фукс. Затем в становлении музея в 1823–1827 годах большую роль

В. И. Гаранин рассказывает о музее министру экологии и природных ресурсов РТ А. В. Шадрикову

сыграл член-корреспондент Петербургской академии наук и будущий почетный член Казанского университета профессор Э. И. Эйхвальд. При нем появляется первое систематизированное поступление: зоологические и палеонтологические коллекции, собранные во время экспедиции по Кавказу. Эйхвальд организует Кабинет Сравнительной Анатомии — основу современного отдела беспозвоночных животных.

Особое значение для развития музея с 1828 по 1860 годы имела деятельность члена-корреспондента Петербургской академии наук, профессора Э. А. Эверсмана. При нем музей окончательно оформился в систематизированное собрание зоологических коллекций.

Начались значительные регулярные поступления препаратов за счет приобретений у частных коллекционеров и покупок за границей: в Висбадене, Лейпциге, Берлине и особенно в Гамбурге у владельца торговой фирмы Брандта. Благодаря именно этим приобретениям зоомузей в Казанском университете сегодня имеет большое количество ценных экспонатов и носит имя Эдуарда Эверсмана.

Завораживающая реальностью сцена отчаянной борьбы лося со стаей волков встречает посетителей, едва они переступают порог музея. Картинка с натуры: поодиночке серые на сохатого напасть бояться — слишком силен (это самое крупное копытное наших мест, которое удалось сохранить как вид), зато стая волков вполне способна завалить лося.

Еще один интересный мощный зверь, которым гордится музей, — зубр. Впрочем, интересна не только искусно выполненная таксидермическая композиция этого животного, но история в целом. Говорят, что зубр был добыт во время одной из последних царских охот императором Николаем II...

Самый уникальный музейный экспонат — чучело горной зебры квагги, единственное в России, а всего в мире их насчитывается чуть более двух десятков. Квагга — вымершее животное, обитавшее в Южной Африке. Спереди квагга имела полосатую расцветку, как у зебры, а сзади — гнедой окрас лошади. Очень ценились необычайно крепкие и красивые шкуры этих животных, поэтому их нещадно истребляли. Последняя квагга в дикой природе была убита в 1878 году, а пять лет спустя в зоопарке Амстердама умер последний на земле представитель этого вида.

Валериан Иванович Гаранин — настоящая ходячая энциклопедия, и рассказчик из него хоть куда. Сама была свидетелем, как группа студентов, у которых в музее проходило практическое занятие, пристроилась послушать рассказ Гаранина, ходила за ним следом по музею, затаив дыхание.

— Шкуру квагги приобрел в свое время Эверсман. Она хранилась в музее вплоть до 60 годов прошлого века, — негромким, слегка хриловатым голосом преподносит историю аксакал. — И вот

Александр Попов, в ту пору заведующий университетским зоомузеем, племянник известного зоолога и эколога Виктора Алексеевича Попова, смог договориться, чтобы шкура стала полноценным чучелом. Еще интересная деталь — наша квагга была беременная, этот эмбрион сейчас хранится в одном из музеев Германии. За нашу «казанскую» кваггу, кстати, предлагали как-то сразу шесть животных. Отказались.

Кстати, основатель Казанского Зоологического музея Э. Эверсманн, многие экспонаты добыл сам, и они сегодня украшают наш музей. Вообще интереснейший был человек! Мечтал изучать Центральную Азию, быть натуралистом, а его отец (директор металлургической фабрики в Вестфалии) планировал сделать из сына горного инженера. Кстати, именно Александр Эверсманн, отец Эдуарда, немец по происхождению, основал знаменитый завод холодного оружия в Златоусте. Туда приехал работать и сын, но увлекся зоологией. Эдуард Александрович хорошо знал, кроме немецкого и русского языков, еще и татарский, арабский, персидский. Побывал в Бухаре, встретился и подружился с местным эмиром. Казанскому университету Эверсманн посвятил около 40 лет. Последние экспонаты, добытые им для музея, датируются 1859 годом (в этом году он умер).

...Мы переходим от одного экспоната к другому, у студентов горят глаза, о каждом животном Валериан Иванович

Экскурсию в зоологическом музее проводит В. И. Гаранин

рассказывает что-нибудь интересное. Например, белый медведь попал в музей в те времена, когда разговоры о его возможном исчезновении с лица земли еще не велись (они появились ближе к концу прошлого века).

— Сегодня белый медведь в большой опасности, — считает Валериан Иванович. — Потому что в связи с изменением климата тают льды, кормиться хищнику становится все труднее. Белый медведь ведь со льда добывает тюленей. Обидно будет, если он разделит судьбу зебры квагги...

Еще одно редкое млекопитающее в музее — белуха из семейства дельфинов подотряда зубатых китов. Ее добыли на Новой Земле в конце XIX века. Всем известно изречение «реветь белугой». Но к молчаливой рыбе белуге оно не имеет отношения — это белуха ревет. В настоящее время основную угрозу «белому киту» (так называют белуху) представляет индустриальное освоение арктического шельфа, загрязнение среды обитания отходами и ядохимикатами.

В зоомузее хранится также богатейшая коллекция рептилий. Среди них можно увидеть агрессивную и ядовитую очковую кобру, сравнить ее с азиатской родственницей, потерявшей очки. Есть гюрза, удав, питон, всевозможные тропические змеи. Все они в колбах, в растворах, за которыми надо постоянно следить, менять. И это целая наука!

Орнитофауна в музее представлена тысячами пернатых — от огромных орлов и страусов до крошечных колибри. Есть очень редкие, например, птица фрегат острова Вознесения, занесенная в Международную Красную книгу. Небольшая популяция фрегатов гнездится только на этом острове.

А самый крупный по количеству представителей животного мира — отдел беспозвоночных животных, то есть насекомых, численность которых на земле до сих пор не установлена, как минимум, их полтора миллиона! И ежегодно списки пополняют десятки и сотни новых видов насекомых. Причем, открыть их можно не только в труднодоступных тропических районах, но и в Татарстане, даже в Казани. Молодой ученый Михаил Романов увлекся изучением одной из групп жуков-лиодидов (мелких, до 2 мм размером). И прямо на территории Казани открыл новый для науки вид, который был назван в его честь «романови».

В музее хранится богатая коллекция насекомых, но то, что выставлено на полках и стендах — лишь часть айсберга, есть еще запасники. Особая их научная ценность в том, что насекомые собраны в естественной природе достаточно давно, более 150 лет назад.

Вот самый большой жук России — реликтовый усач, по-научному каллипогон, который обитает на Дальнем Востоке.

А вот один из эффектных внешне в Татарстане — жук-олень, занесенный в Красную книгу республики.

Фонды зоологического музея имеют большое научное значение, поэтому он так привлекателен для ученых. Музей используется как база для научно-исследовательской работы, велика его роль в пропаганде биологических знаний среди различных слоев населения. Но изначально музей создавался для обслуживания студентов курсов зоологии и других смежных наук — чтобы знали не только фауну республики, страны, но и всего мира.

...Пока мы рассматривали экспонаты и слушали рассказ Валериана Ивановича, в музее неожиданно появился молодой человек с пылесосом и другими аксессуарами для уборки. Но не помещения, как оказалось, а самих экспонатов. За их чистотой и самочувствием тщательно следит Ильдар Хайрутдинов — главный хранитель зоомузeya, он же кандидат биологических наук.

— Работа очень трудоемкая и кропотливая, — признался Ильдар. — Все чучела птиц и млекопитающих прошли через мои руки, на их чистку ушло больше года. Применяются препараты двух групп: сухие и влажные. Некоторые экспонаты нуждаются в том, чтобы периодически снимать с них пыль — кисточкой, феном. А крупные, например, лось, чистим пылесосом. Объекты, заключенные в колбы, хранятся в спирту или формалине, которые необходимо периодически доливать. Некоторые герметично укупоренные экспонаты в течение десятилетий не требуют доливки, другим меняю содержимое по несколько раз в год. Например, рыбы типа сельди имеют много жира, который постепенно переходит в раствор, от чего тот становится мутным.

Кстати, новыми экспонатами музей пополняется и сегодня за счет сотрудни-

ков из экспедиций или путем дарения. В Институте фундаментальной медицины и биологии, в который переименован биофак в КФУ, учится много иностранцев из различных стран. Они радуют музей экзотическими подарками.

— Наш Зоологический музей может считаться вторым после Москвы вузовским музеем в стране по количеству и представленности экспонатов, — говорит директор зоомузея Александр Беляев. — Студенты

проходят практику, школьники повышают кругозор на экскурсиях. Никому не отказываем, в том числе представителям других регионов, иностранным гостям. Экскурсии ведут все сотрудники, от лаборанта до директора.

...Мы уже собирались покинуть музей, как в нем вновь стало оживленно. Пришли школьники с горящими от любопытства глазами.

За любовь к природе!

Сегодня на здании Лениногорского исполкома, где до Минэкологии работал Анатолий Иванович Щеповских, украшает барельеф с его изображением. Еще одна памятная реликвия в честь защитника природы — родник Анатолия Щеповских, который построили нефтяники. Он был обустроен в 1997 году коллективом НГДУ «Лениногорскнефть», в частности, цехом подготовки нефти и газа № 1, назвали родник «Легенда». В 2014 году на источнике проведена капитальная реконструкция и он получил имя А. И. Щеповских — первого министра охраны окружающей среды и природных ресурсов Республики Татарстан.

В 90-е годы прошлого века именно он, наш первый «министр природы», как называли Анатолия Ивановича Щеповских в народе, стал инициатором возрождения и благоустройства родников — подзем-

ных кладовых чистой питьевой воды, которых в республике тысячи. Особенно их много на юго-востоке, но интенсивная добыча нефти, которая десятилетиями велась без соблюдения природоохранных мероприятий, нанесла большой урон земле и живительным источникам. Дело чуть было не дошло до экологической катастрофы, на юго-востоке РТ с питьевой водой были большие проблемы. Если учесть, что многие сельские жители для питья использовали родниковую воду, можно представить, какой большой бедой для них стали пришедшие в негодность, засоленные любимые родники.

Сам по образованию нефтяник (это его второе образование, первое — педагогическое) «министр природы» Анатолий Щеповских обратился к нефтяникам республики, призвал их восстановить родники, не жалеть средств и сил на природоохранные мероприятия при добыче

Анатолий Иванович Щеповских

нефти. Ведь таким образом мы защищаем свою землю. Нефтяники откликнулись на призыв — в середине 90-х годов началось повсеместное восстановление и благоустройство родников на юго-востоке республики. Одним из таких стад родник «Прозрачный» в Азнакаевском районе. Люди со слезами на глазах благодарили за возрождение родника, который стал для них еще и замечательным местом отдыха. Вскоре сотни родников по всей республики получили вторую жизнь благодаря нефтяникам.

Интеллигентный руководитель, вдумчивый ученый, душевный человек — Анатолий Иванович многое сделал для процветания татарстанской земли и конкретно Лениногорского района, где работал руководителем исполкома. Если не считать небольшого периода педагогической работы в одной из школ Оренбургской области, откуда он родом, то именно в Лениногорске Щеповских приступил к активной трудовой деятельности.

Из воспоминаний Эмира Махмудовича Шарипова, бывшего заведующего сельхозотделом Лениногорского горкома партии.

«Как-то собрал нас первый секретарь ГК КПСС М. К. Мамаков, упрекнул: нет, мол, резерва на выдвижение, позарез нужен молодой энергичный инструктор в орготдел. И тогда я предложил Толю Щеповских — армейского товарища по группе советских войск в ГДР.

— Ручаешься за него? — просверлил меня взглядом Мамаков.

Я уверенно кивнул головой.

— Тогда оформляйте вызов, пусть приезжает.

С Анатолием Щеповских мы познакомились в Дрездене, где дислоцировался штаб 1-й гвардейской танковой армии — в числе четырех тысяч курсантов Центра подготовки младших командиров мы проходили обучение. По истечении десяти месяцев получили звания младших сержантов, Щеповских стал командиром танка, я — механиком-водителем Т-55.

Выпускников распределили по полкам, а нас двоих нагрузили общественными делами — поручили руководить группкомсоргами. Днем — обучение курсантов, вечером — организация массовой работы. Как-то начальник политотдела вызвал нас к себе, стал агитировать, чтобы мы остались на третий год службы. Согласились. Анатолий возглавил комитет комсомола учебного батальона, я стал инструктором политотдела по работе с союзной молодежью, обе должности — офицерские. Культурная жизнь подразделения закипела: мы организовывали дружеские встречи с бойцами армии ГДР, ставили концертные номера, проводили множество мероприятий. Об одном эпизоде особенно хочется рассказать.

Наш первый батальон имел позывной «Береза». На телефонные звонки дежурный обязан был отвечать: «Дежурный по «Березе» слушает». Но порой курсанты, плохо владеющие русским языком, отвечали: «Дежурный на «Березе» слушает». Пока не напоролись на командира полка. Услышав неуставной ответ одного из новобранцев, полковник вызвал к себе Щеповских и потребовал: «Немедленно снимите курсанта с березы! Ишь, куда залез, экологию портит!»

Анатолий провел воспитательную работу, так сказать, встал на защиту экологии. И ведь так получилось, что спустя много лет Анатолий Иванович Щепав-

А. И. Щеповских во время работы
в Лениногорске

ских стал министром экологии и природных ресурсов Республики Татарстан».

Щеповских был назначен первым в Татарстане «зеленым» министром после знакового постановления Верхов-

ного Совета республики от 25 декабря 1992 года, упразднившего Государственный комитет по охране окружающей среды и ресурсов и по инициативе Президента М. Ш. Шаймиева создавшего новое министерство. В ту пору Анатолий Щеповских уже десять лет работал председателем Лениногорского исполкома.

Понятно, что за эти годы он успел сделать много хороших добрых дел для города и района — чиновники его уважали, народ в нем души не чаял. В Казань из Лениногорска Анатолия Ивановича провожали с радостью и со слезами — министерская должность обещала новую интересную работу, однако же району жаль было расставаться с инициативным и талантливым руководителем. Уезжая, он обещал не забывать лениногорцев, более того, призвал их работать сообща на благо матушки природы.

Так оно и было на протяжении двадцати последующих лет, в течение которых Анатолий Щеповских трудился в Минэкологии — министром, заместителем министра, председателем Общественного совета. Он довольно часто приезжал в Лениногорск — и по работе, и просто отдохнуть, встретиться с друзьями.

Одна из заслуг Анатолия Щеповских — разработка по поручению Правительства РТ основ государственной экологической политики и создание республиканской системы особо охраняемых природных территорий. С 1997 по 2001 годы в Минприроды были подготовлены научные обоснования и проекты нормативных правовых актов об образовании в различных регионах Татарстана десяти государственных природных комплексных заказников. Достойное место в ряду этих ОООПТ занял заказник «Степной», первым руководителем кото-

рого стал друг и соратник Анатолия Ивановича Щеповских, выходец из Лениногорского района — Александр Алексеевич Шереметьев

Вот его воспоминания о друге в октябре 2014 года: «Я служил на Дальнем Востоке, пришел из армии, а Щеповских в середине 70-х прошлого века был в Лениногорске инструктором горкома партии. Затем я работал председателем профкома филиала Казанского завода «Радиоприбор» в Лениногорске. Щеповских закончил Саратовскую ВПШ, я — ВПШ в Москве. Мы с ним сразу сошлись, с одного 1945 года — только он январский, а у меня день рождения в июне. Подружились на всю жизнь. Анатолий Иванович вообще очень ценил дружбу. Дружеские отношения с людьми он свято хранил, несмотря на то, что жизненные дороги часто расходились. Занимая высокие посты, он оставался таким же простым и доступным по отношению к людям, к тем, с кем дружил в юности. Это был добрейшей души человек.

Щеповских еще в детстве мечтал стать учителем, чтобы научить читать и писать свою неграмотную маму, которую очень любил и жалел. И действительно он окончил педагогическое училище, какое-то время работал в школе учителем математики.

Заказник «Степной» мы с ним вместе начинали с нуля. Это Щеповских, став министром, попросил меня возглавить особо охраняемую природную территорию. Первоначально ее площадь планировалась в 20 тысяч га. Но нефтяникам такие просторы не понравились — им ведь нужно нефть добывать, а мы тут заказник создаем. Оставили нам около шести тысяч га, на этой площади разместили 31 участок, наиболее крупные из них

Глазовский лес, Большая Сурчинная колония, Шугуровский лес. Создалась очень дружная команда.

Наш заказник в системе ООПТ РТ был десятым по счету (первый — «Кичке-Тан» в Агрызском районе, который с самого начала возглавляет Ахли Гаскарович Файзуллин). Первое что сделали — разместили аншлаги. Работали над Красной книгой — я принимал участие над вторым ее изданием, которая вышла в свет в 2006 году. Помню, как мы вели карточки учета по наставлению Щеповских, подробно в них записывали и погоду, и встречи с животными. Эти карточки сдавали в министерство в конце года, и попробуй не сдать. Анатолий Иванович редко поднимал голос, не кричал на подчиненных, но как скажет — мурашки по телу...

Очень мы любили с ним собирать грибы, ездили на рыбалку. Видели бы вы, как он ловко окуней таскал! И именно там, на рыбалке, тост его знаменитый родился — «За любовь к природе!». Бывало, сидим на берегу с удочками — другой рыболовной снасти Щеповских не признавал — и он не устает восхищаться природой, ее красотой и уникальностью. Кстати, вступив в министерскую должность и уехав в Казань, он передал свою загородную дачу заказнику «Степной», здесь и сейчас расположен офис. На втором этаже писал кандидатскую — Щеповских кандидат географических наук. Помню, специально из Казани приезжал, чтобы никто не мешал, запирался наверху и работал. Мне его очень не хватает... Перезванивались через день — точно.

Инициативы Анатолия Ивановича Щеповских всегда находили отклик в сердцах людей, потому что были созвучны матушке-природе, работали на

улучшение окружающей среды, жизни и здоровья людей. Не удивительно, что при Щеповских в Лениногорском районе дело спорилось — строились дома, дороги, открывались новые музеи, улучшалась инфраструктура. Будучи председателем исполкома города, он, несмотря на занятость и другие объективные причины, всегда с удовольствием общался с простым народом, принимал у себя посетителей. Диву даешься, сколько при этом проявлял терпения, такта, умения выслушать, успокоить, объяснить ситуацию. Особенно много решал вопросов по обеспечению жильем льготных групп населения. Как председатель исполкома Анатолий Щеповских курировал вопросы социального развития, здравоохранения, культуры, спорта, работу коммунальных служб. То есть по сути все, принимал участие во всем, что происходило в городе. Признавался, что Лениногорск — частичка его сердца, его души.

Первым заместителем председателя Лениногорского исполкома при Анатолии Щеповских был Анатолий Есипов.

«До чего же это был трудолюбивый человек! — вспоминал А. Есипов — А какой книголюб, как вдохновенно любил природу, каким был обаятельным человеком! Начинать работать Анатолий Щеповских в Лениногорске инструктором организационного отдела горкома партии в 1975 году, потом стал председателем партийной комиссии. В 1978 году

назначен заместителем председателя горисполкома, а председателем в ту пору был Моряков Михаил Николаевич. Замечательный человек, его именем в городе названа улица. Еще один наставник и учитель Щеповских — подполковник Фомин, инициатор традиций по озеленению Лениногорска (это с его легкой руки наш город часто называли Зеленогорском). Вот и по инициативе Анатолия Ивановича в Лениногорске была посажена березовая роща на склоне горы. Она сейчас разрослась, стала настоящим украшением нашего города. В свое время Минтимер Шарипович Шаймиев, работавший председателем Совмина, первым секретарем, Президентом подметил в Щеповских любовь к природе, и в 1993 году назначил его министром природы. Кстати, Минприроды в РТ стало первым подобным министерством в России. Отмечу, что нынешние руководители Лениногорска продолжают зеленые традиции, заложенные предшественниками. Еще при Фомине в Лениногорске на улицах были посажены яблони. Их в этом году убрали, что вызвало поначалу недовольство жителей. Но деревья уже постарели, их заменили новыми яблонями, которые неплохо прижились. Сегодня немало усилий прилагается для того, чтобы благоустроить город, придать Лениногорску свое лицо.

Красная книга — зеркало жизни

В конце 1992 года в Татарстане, когда было создано Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов, и его первый министр Анатолий Щеповских при горячей поддержке ученых задался целью создать в республике Красную Книгу редких видов животных и растений. Она появилась спустя три года, в 1995 году, и это было настоящее достижение для нашей науки, для всего татарстанского сообщества. Как вспоминает Валериан Гаранин, работа стоила больших трудов. По сути, всю республику пришлось «перепахать», изучая и анализируя фауну и флору. Потом были большие сомнения по поводу этого, хватит ли сил и средств, чтобы через десять лет повторить выпуск Красной книги, дополнив ее новыми сведениями. Ведь это не просто книга, а важный государственный документ, находящийся в динамике, основанный на систематических, постоянно обновляемых данных, требующий кропотливой работы ученых, специалистов, чиновников. Вопреки пессимистическим прогнозам второе издание Красной книги Республики Татарстан под эгидой Минэкологии и природных ресурсов РТ увидело свет в 2006 году, в конце 2016-го мы дождались и третьего выпуска, приуроченного к Году экологии.

Международный День защиты окружающей среды был провозглашен в 1972 году на 27-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С тех пор этот праздник ежегодно отмечается во многих странах мира 5 июня, в том числе в России. Главная цель — пробудить в каждом человеке уважение к природе, желание способствовать охране окружающей

среды. Общеизвестно, что огромный вред почве, водным ресурсам, воздушной среде, растениям и животным наносит бурная человеческая деятельность. Вдумайтесь только — ежегодно с лица Земли исчезает 11 миллионов гектар лесов. В водоемы выливается около 21 миллиона баррелей нефти. На водной поверхности мирового океана образовались гигантские свалки, равные по размерам небольшим странам. За минувшие полвека на планете на треть сократилось количество видов растений и животных. Мы должны сделать все возможное, чтобы остановить этот пагубный процесс.

Функции мониторинга за биоразнообразием и ведением Красной книги в 2007-м году были переданы Министерству лесного хозяйства, поэтому третья республиканская Красная книга сформировалась, так сказать, в недрах Минлесхоза. Ее главным редактором стал министр А. А. Назиров, а заместителями выступили известные ученые республики: Ю. А. Горшков — директор Волжско-Камского биосферного заповедника, доктор биологических наук; Т. В. Рогова — профессор КФУ, доктор биологических наук; Д. В. Иванов — заместитель директора по научной работе Института проблем экологии и недропользования АН РТ, кандидат биологических наук. Активное участие в работе над третьим изданием Красной книги, как и над двумя первыми, принимал в составе редколлегии аксакал биологической и природоохранной науки Татарстана, доцент кафедры зоологии и общей биологии КФУ В. И. Гаранин. Вот его мнение об этой ответственной и кропотливой работе:

— Красная книга Республики Татарстан содержит свод научных сведений

о редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных, дикорастущих растений и грибов. И они подлежат особой охране. Более того, практически не допускается их изъятие из природной среды, а уж тем более наказуемо уничтожение ценных обитателей фауны и флоры. Красная книга не просто фиксирует список представителей животного и растительного мира, нуждающихся в защите, но является, что особенно важно, руководством к действию, определяет перечень условий и мероприятий, которые необходимо соблюдать в природной среде. Кстати, принимать решения о занесении в Красную книгу РФ или субъектов, об исключении из нее объектов животного и растительного мира, определять порядок и меры охраны — предоставлено органам исполнительной власти. В работе по составлению Красной книги Татарстана приняла участие большая группа ученых и специалистов, которые вели наблюдения, анализировали, давали рекомендации. Вопрос о том, брать или не брать вид под особую охрану, решался коллегиально — на протяжении многих лет в республике работает ответственная комиссия по ведению Красной книги. Сегодня итог таков: в третье издание Красной книги вошли 224 вида позвоночных и беспозвоночных животных, 340 — растений и 48 видов грибов. Появились и новички.

Среди них, например, заяц-беляк. В Татарстане, к сожалению, утрачено 90 процентов этого вида: в 1975 году численность зайца-беляка на нашей территории достигала 70 тысяч особей, в 2015 году — их осталось едва семь тысяч. Вообще считаю, что надо было раньше беляка вводить в Красную книгу, а не охотиться на него бесконтрольно. Численность беляка уменьшилась и по другой причине — это таежный

вид, живущий в густых, преимущественно хвойных лесах. То есть, в тайге, а у нас она исчезает. На территории Татарстана водится также заяц-русак, который в отличие от беляка предпочитает лиственные леса, да еще с вырубками и полянами. Русака пока достаточно, но кто знает, как дальше жизнь сложится...

На всю жизнь запомнил встречу с выхухолью в Алексеевском районе в пятидесятые годы прошлого века — на одном из озер, тогда еще пойма не была затоплена. Я вышел к водоему ночью. Смотрю:

В. И. Гаранин с последним изданием Красной книги РТ, 2016 г.

тянется по озеру широкая лунная полоса, а на ней — десятки выступающих из воды хоботков. Это были выхухоли: то нырнут, то вновь вынырнут, чтобы воздуха набрать. Смешные такие, я буквально замер от восторга, любуясь ими! С тех пор выхухоль я больше не встречал. А в последний раз ее наши ученые видели в 1983 году в устье Свяги, и все... Почему исчезла выхухоль? Одна из причин — изменение водоемов, ухудшение качества воды, ее загрязнение. Еще назову... ондатру, водяную крысу, «приплывшую» к нам из далекой Америки и расселившуюся на всей территории России. Ондатру решили внедрить

в европейскую среду где-то в 40-е годы: мол, ценный пушной зверь, давайте акклиматизировать новый вид. В 60-е годы я был участником экспедиции по озерам республики — за полтора месяца исследовали 2600 беспойменных озер, и почти в каждом уже была ондатра. Она сама по себе безобидна, не хищник, но чрезвычайно живуча и, по сути, вытеснила из нашей среды более уязвимую выхухоль, заняв ее территории, норы. То же самое, кстати, случилось с европейской норкой после того, как в наши водоемы подселили американскую норку. Сейчас «европейка» в Красной книге значится как вид, находящийся под угрозой исчезновения. Я вообще против акклиматизации — введения новых видов в среду.

На мой взгляд, заниматься выпуском в природу новых для нашей территории животных не нужно, потому что в республике и без того достаточно богатая фауна и флора. К тому же у нас осталось очень мало таежных лесов, да и в целом лесные площади слишком малы.

В Красной книге опубликован аннотированный перечень видов животных, исчезнувших с территории Республики Татарстан — так называемый «черный список». В нем значится северный олень из отряда парнокопытных. До 80-х годов позапрошлого века он встречался во всех крупных лесных массивах Предкамья и Закамья, например, в Спасском уезде, в черемшанских лесах. Последнюю встречу с северным оленем зафиксировал в Предкамье зоолог Сергей Кириков в 1966 году. Есть ли смысл сегодня вмешиваться человеку и возвращать северного оленя в нашу среду? Мое мнение — нет! В первую очередь потому, что природа сама диктует правила. Ведь что получилось? У нас до недавнего времени из парнокопытных были только лоси. В 1929 году на территории республики

обитали всего 83 лося, а сейчас их только 2,5 тысяч голов ежегодно добывают охотники! В 1944 году появилась косуля (ее еще называют дикой козой) — сама к нам пришла, из Башкирии. Впервые косулю, кстати, обнаружили в Игимском бору на территории Мензелинского лесхоза.

И стала эта коза распространяться по республике, но не запад, как можно было бы предположить, а на восток. Потому что там уровень снега ниже — высокий-то косуле не преодолеть, для нее полметра уже много, а на востоке пологие склоны и снега меньше. Самец охраняет участок, ходит по границе, и если видит человека — рывкает. Кстати, в Раифе сегодня живут две пары косуль, но вот косулят никто не видел. Я думаю, собаки их загрызли. Примерно два года назад директор заповедника Юрий Горшков спас косулю от нападавших на нее бродячих собак... Несколько десятилетий назад объявился в наших лесах и кабан (дикая свинья) — также парнокопытное животное, являющееся сегодня для охотников главным промысловым видом. Лесов у нас, повторюсь, немного, нашим парнокопытным в них и без того туго в плане добывания пищи, а тут еще новые конкуренты появляются. Кстати, собрались как-то у нас даже зубра ввести в природу, хотели его из зоопарка выпустить прямо в лес. Но, к счастью, воздержались...

Еще один новый вид для нашей местности — енотовидная собака, прибыла, так сказать, с Дальнего Востока. Вид интересный, но мех у нее ничем не лучше, чем у лисицы. А собака эта, между прочим, конкурент всем нашим хищникам — норке, хорю, выдре, кунице и даже барсуку.

Радует, что изменилось отношение к змеям, к той же гадюке. Научили народ не убивать ее без надобности. Ведь люди подчас сами виноваты, если их кусает

гадюка — увидев ее, а иногда и вовсе приняв за гадюку безобидного ужа или безногую краснокнижную ящерицу-веретеницу, начинают махать палкой, стараясь убить животное только за то, что оно ползает. Или молодежь уши затыкает наушниками, по лесу гуляя — как уж тут что-то услышать. А ведь гадюка предупреждает человека о своем близком присутствии, шипит. Она не нападает первой, но защищается. Помню времена, когда в стране в целом ко всем земноводным отношение было пренебрежительное — мол, твари ненужные. Большая ошибка, скажу я вам! Они даже очень полезные — например, в саду и огороде лягушки на благо. Яд гадюки используется для приготовления лекарств. Ящерицы тоже очень полезные — уничтожают насекомых-вредителей. Кто это знает, не станет прогонять с территории своего огорода, например, поселившуюся там жабу. Ведь сколько вредных насекомых она уничтожит, а значит, помогает растить урожай!

Большой раздел в Красной книге занимают птицы. Но во втором издании их было больше, чем в третьем. Спросите — почему? Наши орнитологи поработали очень плотно. Отмечу в этом плане члена редколлегии, доктора биологических наук Ильгизара Рахимова. Исчезли из книги гриф черный и сип белоголовый, розовый фламинго и колпица, дрофа, стрепет, пеликан кудрявый. Это залетные птицы, часто случайно залетные, которые у нас не гнездятся и уже давно не фиксируются орнитологами. Убрали из Красной книги РТ щурку золотистую. Вот тут могу поспорить — может, зря. Очень красивая яркая птичка, ее еще называют пчелоедкой за любовь к пчелам. Поредел красный список чаек. Не стало и черепахи... А ведь жила когда-то на Ахметьевском болоте в Алькеевском районе.

Особого внимания в Красной книге заслуживают насекомые. И это неспроста, их ведь очень много! В третье издание Красной Книги занесены новые виды пауков: эрезус черный аргиопа дольчатая. Это в дополнение к уже значившимся в особом охранном списке пауку серебрянке, южнорусскому тарантулу. Считаю, что всех пауков надо охранять. Они питаются в основном вредными насекомыми: двукрылы-

ми, молями, комарами. Истребляют их массами. Хотя, в живой природе нет вредных существ, все имеют право на место под солнцем. И в философском плане каждый вид имеет право на жизнь под солнцем. Но виды, которые называют вредными, живут за счет человека. Например, крыса серая... Еще есть черная — это разные виды, она поменьше серой, хвост короче. Домовая мышь — нам она тоже не нужна. Но и тут природа пусть сама решает, а коль человек вмешивается в процесс — то делать это надо исключительно научно, грамотно и взвешенно. Для того и работает у нас Красная книга.

Заключение

Я б в ученые пошел — пусть меня научат!

Быть ученым нынче не в моде. Гораздо больше желающих среди молодежи посвятить свою жизнь бизнесу, стать предпринимателями, делать деньги. Еще не так давно, лет сорок-тридцать назад, такой род деятельности в Советском Союзе назывался спекуляцией и даже карался тюремным сроком. А вот ученые в то время почитались. По крайней мере, в официальной пропаганде. Время идет, идеалы меняются...

Небольшой сюжет в тему. Один знаковый преподаватель — доцент КАИ, как то рассказал мне о своих учениках. Один — заядлый троечник и абсолютно бесперспективный для науки студент, в разгар перестройки вдруг стал весьма процветающим бизнесменом и возглавил известное в Казани предприятие «Александр — ЛТД». Другой — очень талантливый и подающий надежды молодой человек оказался совсем не у дел, забросил науку и возглавил — гараж, потому что жить на что-то нужно было, семью кормить. А наукой в те годы (да и сейчас тоже, что греха таить) особо не зарабатываешь. Нужно быть поистине альтруистом, чтобы посвятить ей себя, и особенно наукам

гуманитарным и естественным, не приносящим больших прибылей, а наоборот, требующих расходов

Увы, сколько светлых умов потеряла Россия из-за этого, сколько их перебралось за границу. И неплохо, кстати, там устроились... Но речь сегодня не о наших научных потерях, а о воле и характере молодых ученых, их умении не только иметь богатое научное мировоззрение, но и двигать науку соответственно времени. А оно у нас непростое — жесткое и даже жестокое. Так что характер, упористость и дерзость современному молодому ученому необходимы, как воздух. Надо уметь бороться — иначе не пробиться, не отстоять свое кредо. Очень хотелось бы, чтобы эта книга помогла им стать сильнее, настойчивее, бескорыстнее.

Учителем с большой буквы Валериана Ивановича готов назвать любой биолог и эколог республики, потому что практически все они его ученики, все вышли с биофака, открывшего дорогу кафедре охраны природы, затем экологическому факультету и их преемнику, нынешнему Институту экологии и природопользования КФУ

В. И. Гаранин со студентами, 2002 г.

Рассказывают, что когда в аудиторию заходил Гаранин, чтобы прочесть лекцию или провести практическое занятие, разговоры студентов тут же смолкали, на его лекциях стояла тишина такая, что муху пролетающую слышно. Потому что интересно, неожиданно, захватывающе, эмоционально. Однажды он принес на лекцию посвященную биологии рептилий, полоза — совершенно безобидное существо из семейства ужеобразных, но весьма крупное по размерам. Каким любопытством горели глаза студентов, когда они разглядывали рептилию, кто-то даже попытался погладить блестящую холодную спинку животного... Валериан Иванович небрежно повесил полоза на какой-то выступ на стене, увлекся лекцией... А любопытный полоз уполз куда-то на верхотуру, еле его оттуда сняли — студенты визжали от восторга. Полоз этот, подаренный Гаранину одним из его коллег с Дальнего Востока, долгое время жил в его домашнем террариуме вместе с лягушками, жабами, тритонами и прочей герпетологической живностью.

Больше всего на свете Валериан Иванович любит лес — он для него нечто

вроде живительного эликсира, дающего бодрость телу и душе. Поэтому едва только растает снег, поляны покроются травой, а деревья нежной листвой, Гаранин спешит в Раифу. В лесу он, несмотря на уже довольно преклонный возраст, бегают быстрее всех, с виду вроде даже совсем не устает, словно лес одаривает его волшебным живительным эликсиром.

Сегодня трудно представить, что еще каких-то сто пятьдесят лет назад бо-

лее половины территории современного Татарстана занимал лес. А он, как известно, является главным «чистильщиком» городов и поставщиком свежего воздуха урбанизированным территориям, плотно напичканным промышленными объектами и прочими достижениями цивилизации. Без них современный человек не мыслит своей жизни, а окружающая среда, увы, страдает от переизбытка вредных выбросов, многочисленных отходов и прочих неблагоприятий.

Первое Республиканское совещание природоохранных органов, 3 июля 1994 г.

Из всего этого следует вывод, что нужно беречь природу и зеленые насаждения, заботиться о них, сажать новые леса, разбивать сады, парки, скверы. И не случайно повсеместно в республике то и дело объявляются акции по посадке деревьев и кустарников, восстановлению лесных территорий.

Нынешние лесные площади в Татарстане покрывают от силы 17 с небольшим процентов его территории. А для того, чтобы всему живому было комфортно жить, необходимо, чтобы площади лесов занимали не менее 25 процентов территории. Татарстану лесов, как видите, явно не хватает для того чтобы на должном уровне поддерживать здоровье окружающей среды и человека. Растения трудятся на износ, но их мало, сил у них не хватает, в то же время антропогенный пресс, то есть человеческий фактор, по мнению экологов, в ре-

спублике очень мощный на все природные категории: землю, воздух, водные объекты и на сам лес. Мы сегодня оказались, образно выражаясь, в некоем порочном кругу: стремимся жить красиво, комфортно и сытно, но делаем это, в первую очередь, за счет нещадной эксплуатации природы, бесконтрольного потребления ее даров (хотя бы той же нефти, других полезных ископаемых), перекраивания окружающей среды под свой лад и т.д. Природа терпит, пока... Но это терпение не вечно, беда уже стучится в дверь, предупреждая человека о том, что она не за горами.

Что делать в такой ситуации?

Все что живет и дышит на земле, имеет право на место под солнцем. Более того, все в мире взаимосвязано, и любое существо (а не только человек), будь то огромный медведь или маленькая букашка, крохотная травинка или

высокое дерево — это часть нашего общего дома, который нужно хранить и лелеять. И чем больше «нас» вокруг, тем крепче и здоровее планета, тем интереснее и разнообразнее жизнь на ней. Но одно дело произносить красивые слова о великой роли биоразнообразия, совсем другое — грамотно и самоотверженно заботиться о нем. Увы, тут у человечества накопилось немало проблем, и состояние здоровья планеты по многим показателям оставляет желать лучшего.

Экологи считают, что для сохранения биоразнообразия людям необходимо достигнуть баланса и гармонии с природой, думать при этом не только о своем благополучии, но и принять на себя обязательства по более справедливому распределению природных ресурсов.

Как ни грустно констатировать, но биологическое разнообразие на Земле продолжает сокращаться, а экологическое равновесие подвергается опасным изменениям. Ученые утверждают, что около 60 процентов экологической системы планеты деградирует, используется неразумно, что ведет к сокращению биологического разнообразия и тяжелым последстви-

ям, которые в ближайшие 50 лет могут усугубиться.

Всемирный союз охраны природы выделил семь основных факторов, способствующих угнетению биологического разнообразия, это: потеря и фрагментация естественной среды, конкуренция со стороны инвазивных видов (то есть «чужих», негативно влияющих на местную природу), загрязнение окружающей среды, глобальные климатические изменения, опустынивание, рост населения, чрезмерное и безрассудное использование природных ресурсов. Многие из этих факторов являются результатом деятельности людей.

Мы должны еще раз осознать ответственность за сохранение экологического наследия для будущих поколений. Ведь биоразнообразие формирует устойчивое развитие, обеспечивает защиту общества от последствий непредвиденных потрясений. К ним можно отнести такие экологические проблемы, как нехватка воды на планете, появление инфекционных заболеваний, экстремальные погодные явления, генетическая уязвимость сельскохозяйственных культур и скота. Так что давайте будем терпимее, добрее к природе и ко всем ее обитателям.

Ученый мир Волжско-Камского края

Помним тех, кто не щадил себя ради науки

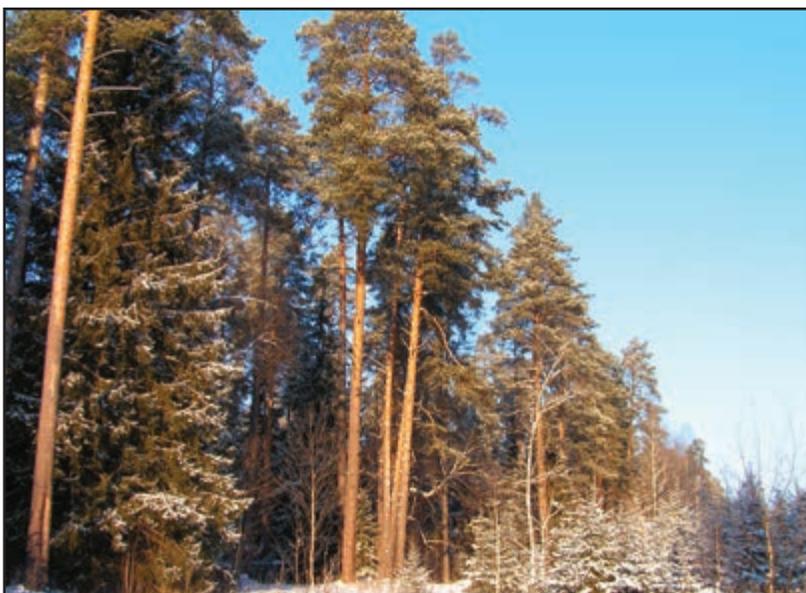
Было немало споров по поводу того, кого включить, а кого не включить в список ученых, внесших вклад в развитие науки биологии и экологии в Волжско-Камском крае. Конечно же, претендентов оказалось гораздо больше запланированного книжного объема. Поэтому пришлось выбирать...

В ход пошли три фактора: привязка к Казанскому госуниверситету и конкретно биофаку, став-

шему альма-матер буквального для всего «зеленого» сообщества республики; преданность природе и ее целенаправленная защита, то есть, присутствие в работах природоохранительной тематики; и, безусловно, значимость исследований того или иного ученого.

Очерки выстроены не в алфавитном порядке, как это принято чаще всего, а в хронологическом, в зависимости от времени, в котором жил (и кого уже нет с нами) тот или иной ученый.

В небольших по размеру очерках вы найдете описание не только и даже не столько научных работ, сколько информацию о самих людях, относящихся к разным эпохам, социальным слоям, но

объединенных любовью и преданностью к своему делу. Не будем лукавить, личные факторы в нашей жизни играют огромную роль, и в работе ученых тоже. Крепкая семья, верная жена (или муж), надежный кров – все это дает уверенность, укрепляет характер, позволяет без лишних бытовых дум отдаваться науке. Кому-то в этом плане повезло, кому-то не очень. Кто-то сумел справиться с жизненными невзгодами, кто-то – нет. Нередко, увы, потому, что коллеги и друзья вовремя не протянули руку помощи, посчитав этот самый «личный фактор» не имеющим отношения к науке... Так будем внимательнее и добрее друг к другу! Ведь недаром говорят, что доброта спасет мир.

Петр Иванович Рычков

(1712–1777 гг.)

Рыцарь природы

В России всегда были люди, которые в силу своей гениальности, мудрости и неординарности становились гордостью и совестью народа. Это Михаил Васильевич Ломоносов, Александр Сергеевич Пушкин, Лев Николаевич Толстой, Александр Васильевич Суворов, Федор Иванович Шаляпин и многие другие. Они — слава нашего Отечества, великие патриоты России.

Эти слова в полной мере можно отнести к Петру Ивановичу Рычкову, которого называют рыцарем природы. По сути именно Рычков, современник и соратник Ломоносова, стал основоположником экологической и лесной науки Поволжья. С него началось поступательное и рациональное изучение природы нашего края, сути вещей окружающей среды.

К сожалению, имя Рычкова не так хорошо известно современникам. Разве что в ученой среде вспомнят: мол, да жил такой, многое сделал для развития естественных наук, был автором многочисленных трудов. Например: «О сбережении и умножении лесов», «Опыт Казанской истории древних и средних времен»,

«О краске из травы кипрейника», «О урожае хлеба», «О спирте из вербовых цветов и из травы, называемой воробьиной», «История Оренбургская», «Топография Оренбургская» (в XVIII веке значительная территории современного Татарстана входила в состав Оренбургской губернии), «О медных рудах и минералах Оренбургской губернии» и т.д. Кстати, автором первого путеводителя по городу Казани также был Петр Иванович Рычков. Ныне 63 из его опубликованных научных трудов составляют сокровищницу отечественной науки.

Петр Иванович Рычков родился 1 октября 1712 года в Вологде в купеческой семье. Весной 1734 года по инициативе обер-секретаря Сената И. И. Кирилова, назначенного начальником Оренбургской экспедиции молодого Петра включили в состав научной экспедиции бухгалтером на реку Орь, где начинали строить Оренбург. Наблюдая за работой своих наставников И. И. Кирилова, В. Н. Татищева и И. И. Неплюева, Рычков делал подробные записи и зарисовки обо всем, что ему удалось заметить или услышать от местных жителей. Видя, с каким пониманием, прилежностью и пунктуальностью Рычков относится к делу, Татищев направил его изучать Башкирию и Южный Урал.

Управление созданной Оренбургской губернии было затруднено без точных знаний о природных богатствах края, промыслах, занятиях и быте населения. За свои многочисленные экономические, исторические, географические и литературные труды по повелению императрицы Екатерины II Рычков получил в награду 15000 рублей. А за литературные труды в 1759 году избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук — первым в ее истории. А случилось это так.

Свои сочинения, статьи, письма Петр Иванович отсылал в Санкт-Петербург, в Академию, установив тесную связь с конференц-секретарем, академиком

Памятник П. И. Рычкову в городе Соль-Илецк Оренбургской области

Г. Ф. Миллером. И тот специальным посланием от 30 марта 1758 г. ходатайствовал перед руководством об избрании Рычкова в Академию. Однако утверждение затянулось. И тогда в дело включился Ломоносов. Высоко оценивая научные и служебные заслуги Рычкова, заботясь о вовлечении в Академию русских специалистов, Михаил Васильевич подает 21 января 1759 г. представление от Канцелярии президенту Академии К. Г. Разумовскому. В нем Ломоносов настаивает на необходимости учредить «по примеру некоторых других Академий класс академических корреспондентов» и «начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты Петра Ивановича Рычкова».

Старания Ломоносова увенчались успехом — 29 января 1759 года Академическое собрание присвоило П. И. Рычкову почетное звание члена-корреспондента. Об этой важнейшей вехе своей жизни

Петр Иванович упоминает в «Записках», адресованных детям: «...Петербургская императорская Академия наук за разные мои сочинения... учинила меня своим корреспондующим членом...».

По ходатайству оренбургского губернатора И. И. Неплюева Рычков за свою продолжительную службу получил 15000 десятин земли в Оренбургской губернии, из которых на 1040 десятинах планировалось основать села Спасское и Сулу Бугульминского уезда, а также Дмитриевку (Салояз), Николаевку, Жмакино, которые позже стали принадлежать потомкам Рычкова.

Земля определена П. И. Рычкову и его наследникам в вечное владение в 1743 году, на ней основали село Ключи, позже переименованное в Спасское с 42 дворами и 172 душами крепостных. Поначалу хозяин бывал в Спасском наездами, а с 1760 года проживал здесь постоянно.

У Петра Ивановича было достаточно многочисленное семейство — 11 детей от первого брака (жена Анисья Прокофьевна умерла после 18 лет совместной жизни) и 12 отпрысков от второго — их матерью была Елена Денисьевна Чирикова, дочь крупного землевладельца Симбирской губернии. Из всех детей от двух браков до взрослого возраста дожили девять.

Последние годы жизни доставили Петру Ивановичу немало тяжких испытаний: в период Крестьянской войны подверглось разорению имение, была утрачена библиотека и часть переписки, разгромлена церковь. Болью в сердце отозвалась гибель в августе 1774 года 35-летнего сына Андрея под Корсуном в сражении с пугачевскими отрядами (он был полковником и комендантом Симбирска). Тем не менее, Петр Иванович стремился жить в полную силу, не давая себе поблажек, много времени отдавал науке. В 1776–1777 Рычков пишет

«Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии...», оставшийся в рукописи и хранящийся в Государственной публичной библиотеке в Москве.

Он служил России, на пользу народа до последнего вздоха. В марте 1777 года, как писал сам Рычков, «угодно было по докладу Правительствующего Сената... пожаловать меня к Екатеринбургским заводам правления главным командиром». В июле 1777 года, прибыв в Екатеринбург, Рычков вступает в должность главного правителя заводов. Однако в полной мере развернуться на новом месте Петру Ивановичу не удалось. Он тяжело заболел, 26 октября 1777 г. в возрасте 65 лет умер. Тело Рычкова было доставлено из Екатеринбурга в Оренбуржье, в село Спасское близ г. Бугульмы (ныне в составе Татарстана) и захоронено на церковном кладбище. Спустя сто лет на могиле Рычкова не сохранилось никакой надписи...

Но недаром говорят, что нет на свете более строгого и справедливого судьи чем, время, которое все расставляет по своим местам и воздает по заслугам. Не забыли потомки великого ученого в основанном им селе Спасском, которому в августе прошлого года исполнилось 270 лет. Татарстанским художником Осокиным изготовлена памятная настольная медаль в металле и фарфоре «Петр Иванович Рычков. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук. 1712–1777 гг.». Она хранится в Бугульминском краеведческом музее. Этим же художником написана картина «П. И. Рычков в имени Спасском», а скульптором Агафоновым выполнена скульптурная группа «П. И. Рычков — ученый и путешественник».

Карл Федорович Фукс (1776–1846 гг.)

*Врач, ботаник, этнограф,
историк, археолог, литератор...*

Отец Карла Фукса был профессором богословия и ректором Герборнской академии в Германии. Среди родственников будущей знаменитости значилось немало ученых и профессоров, например, дед, со стороны матери — Гофман — известный ботаник. Не удивительно, что с юных лет К. Ф. Фукс пристрастился к естествознанию, особенно к ботанике, а также к древнеклассическим языкам и литературе, поэзии и музыке.

В 1793 году Фукс поступил в Герборнскую академию. Там Карл прослушал лекции по разным медицинским наукам, но более полное знакомство с ними произошло во время его двухлетнего обучения в Геттингенском университете.

Получил степень доктора медицины и хирургии в Марбургском университете, Карл Фукс защитил диссертацию, в которой утверждал о невозможности быть хорошим врачом без основательного и широкого общего образования.

После защиты диссертации Фукс занимался медицинской практикой на родине, а в 1800 году отправился в Россию, неко-

торое время трудился в Санкт-Петербурге полковым врачом. В 1801 году Фукс принял длительное путешествие по восточной России с естественно-научными, преимущественно ботаническими, целями.

5 ноября 1804 года был основан Казанский Императорский университет — именно в этот день император Александр I подписал Устав Казанского университета. А уже в 1805 году профессор Карл Федорович Фукс начал читать курс естественной истории и ботаники на отделении физических и математических наук. Кстати, по утверждению летописца, филолога и ректора Казанского университета (1821–1884 гг.) Николая Никитича Булича, знавшего Карла Фукса лично и составившего подробную его биографию, тот, кроме своего родного немецкого языка, в совершенстве владел английским, французским и итальянским языками, хорошо знал и русский язык. Первые свои лекции в Казани читал на французском языке.

В программу лекций Фукса входили прогулки со студентами — для собирания на природе растений и насекомых. Известный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, который как раз в это время учился в Казанском университете, вспоминал, как он вместе со своим товарищем по университету В. И. Панаевым ловил бабочек и учился расправлять их и сушить под руководством Карла Федоровича Фукса.

Тогда же Фуксом был разбит ботанический сад, располагавшийся во дворе университета. По его инициативе в 1829 г. был приобретен земельный участок у озера Кабан для закладки более крупного ботанического сада площадью 6,7 гектара. Ныне это Казанский зооботанический сад.

Карл Федорович был первым заведующим Зоологического музея в Казанском университете. В течение четверти века он

собирал минералы, растения и животных. Среди них чучела птиц и млекопитающих, которые музей приобрел в 1837 году.

В 1819 году Фуксу была поручена кафедра патологии, терапии и клиники. С 1820 по 1824 годы Карл Федорович занимал после избрания должность декана врачебного отделения. Затем с 1823 года был ректором университет, до августа 1827 года, когда на этот пост избрали Н. И. Лобачевского — одного из первых выпускников Императорского Казанского университета.

...В 1842 году после большого пожара, начавшегося вблизи дома Фукса и сильно его взволновавшего, у Фукса случился апоплексический удар. Хотя через некоторое время состояние здоровья его настолько улучшилось, что он мог по-прежнему посещать больных, но расположение духа заметно изменилось: в осенние и зимние дни нападала хандра, «являлись мрачные мысли», как Фукс сам признавался жене, и только солнце, в особенности весеннее, разгоняло мрачные думы. Весной 1846 года К. Ф. Фукс серьезно заболел и скончался.

Интересный факт

Известна история пребывания знаменитого русского поэта и писателя А. С. Пушкина в сентябре 1833 года в Казани, когда он собирал материалы для книги «История Пугачева», и которые затем были использованы при написании романа «Капитанская дочка». Александр Сергеевич поселился у поэта Е. А. Баратынского, точнее, у его тестя — генерала-майора Л. Н. Энгельгардта, дом которого находился на Грузинской улице (теперь ул. К. Маркса, где открыт музей Е. А. Баратынского).

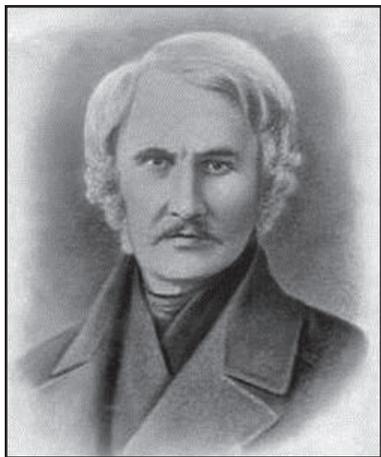
Здесь Пушкин неожиданно встретился с самим поэтом Баратынским,

направлявшимся в имение тестя — село Каймары (или Кирилловское) в 20 верстах от Казани (теперь Высокогорский район). Утром 6 сентября Баратынский сообщил о появлении Пушкина в Казани своим приятелям — Александре Андреевне Фукс и ее мужу, профессору университета Карлу Федоровичу Фуксу. Состоялись встреча, совместный обед, поездки. Так произошло знаменательное знакомство двух великих людей, которое на обоих произвело глубочайшее благотворное впечатление.

**Эдуард Александрович
Эверсманн**

(1794–1860 гг.)

Корифей естественных наук

Эдуард Александрович Эверсманн — выдающийся ученый, чье имя тесным образом связано с Казанским университетом. В 2019 году отметим 225 лет со дня рождения этого разностороннего и очень талантливого исследователя-натуралиста, ботаника,

зоолога, энтомолога, врача и путешественника.

Эдуард Эверсманн родился в Германии в 1794 году. Учился в Магдебургском, Берлинском, Дрезденском университетах. В 1814 году защитил диссертацию, получил ученую степень доктора философии и магистра свободных наук, а в 1816 году в Дерптском университете еще и доктора медицины и акушерства. После этого покинул родину, переехав в Россию, в город Златоуст (Южный Урал), где ранее работал его отец, организовавший завод холодного оружия. Э.А. Эверсманн стал работать врачом. Совершал экспедиционные поездки по Оренбургскому краю, протянувшемуся от Урала до Каспия.

В 1820 году по ходатайству оренбургского военного генерал-губернатора Эссена Эверсманн присоединился в качестве врача к русскому посольству, отправлявшемуся в Бухару, получил от правительства пособие для своих научных целей. Коллекции, собранные им в этом путешествии, были отосланы в Берлинский университет. В Оренбурге занимался частной врачебной практикой. Женился на дочери Суворовского генерала А.П. Мансурова и стал крупным оренбургским помещиком. Позднее был выбран действительным членом Московского общества естествоиспытателей, а в 1814 году — членом Королевского общества естествоиспытателей в Берлине.

С 1828 года и до конца жизни Эверсманн был профессором кафедры зоологии и ботаники Казанского университета. Через девять лет, когда кафедра была разделена — стал первым руководителем кафедры зоологии.

В Казани Эверсманн почти не занимался врачебной деятельностью, но когда

в городе разразилась эпидемия холеры (1830 г.), вместе с ректором университета Николаем Ивановичем Лобачевским Эдуард Александрович возглавил противохолерные мероприятия, организовал две больницы.

Эверсманн осуществил экспедиционные поездки из Казани в Астраханскую и Оренбургскую губернии (1829), на Кавказ (1830), в Саратовскую и Астраханскую губернии (1835). Неоднократно выезжал в Пруссию, Францию, Италию, Швейцарию, Алжир, приобретая экспонаты для Зоологического музея Казанского университета, получившего впоследствии его имя. Музеем он занялся практически сразу, начав работать в университете, стал его первым заведующим, руководил работой музея на протяжении 32 лет. Благодаря хлопотам ученого музей с удобствами был размещен в трех залах восточной части университетского корпуса.

Всего при Эверсманне доставлено в Казанский Зоомузей (закуплено и добыто) 21 вид амфибий и рептилий, 619 видов птиц, 106 видов зверей, из которых надо отметить зебру-кваггу, исчезнувшую в Африке в конце XIX века. В мире сохранилось 23 чучела квагги, из них одно — в Зоомузее Казанского университета.

Шкура этой квагги была доставлена из Германии в 1843 году. Всего Э. А. Эверсманну принадлежит 86 печатных работ, из которых хочется отметить актовую «Речь о пользе наук естественных и в особенности зоологии». Здесь ученый одним из первых в России предложил биологические меры борьбы с вредителями сельского и лесного хозяйства. Заслуживает внимания также трехтомная «Естественная

история Оренбургского края, подводящая итоги сорокалетних исследований Эверсманна в России.

Так что имя Эдуарда Эверсманна не случайно носит один из старейших и уникальных зоологических вузовских музеев России — Казанский. Радует, что не так давно была установлена в университете мемориальная доска в его честь. Правда, нет ее на доме, построенном в начале XIX века, на углу современных улиц Гоголя и Карла Маркса, где Эверман жил почти четверть века — с 1833 года до самой своей смерти в апреле 1860 года.

В 1866 году, через шесть лет после смерти Эверсманна, в издании Казанского университета публикуется третья часть «Естественной истории» ученого, посвященная птицам, и подготовленная к печати М. Богдановым — учеником Эверсманна. Зоологические исследования Эдуарда Александровича настолько исчерпывающие, что вся последующая работа зоологов по Оренбургскому краю в значительной мере свелась лишь к дополнению его трудов.

Благодаря Эверсманну мы можем сравнить животный мир наших дней с животным миром первой половины XIX века. Ученому принадлежат заслуги в изучении главного типа почв степей — чернозема. За 50 лет до В. В. Докучаева он пришел к правильным выводам о происхождении чернозема за счет умирающей и возобновляющейся растительности и деятельности живых организмов. Эверсманн впервые рассмотрел геологическое строение, рельеф, климат, почвы, растительность и животный мир во взаимосвязи и взаимообусловленности. Подразделяя Оренбургский край на три основные полосы, Эверсманн впервые применил ландшафтный

подход, присущий современной географической науке.

**Шигабутдин Хайруллович
Марджани**
(1818–1889 гг.)

Животных надо охранять!

Религиозный деятель, просветитель, философ, историк... И это далеко не все стороны многогранной деятельности Шигабетдина Марджани — он еще и этнограф, археограф, востоковед, педагог. А еще, и этот факт мало кому известен, он в 1869 году по просьбе губернатора составил на татарском языке брошюру об охране животных, о милосердии и сострадании к ним. Она была напечатана на казенные деньги и распространена среди татарского населения. Затем текст брошюры перевели на русский язык, опубликовали в газете «Волжский вестник», после чего автор получил благодарность за подписью губернатора. Энциклопедичность знаний Марджани сравнима с Дидро и Руссо, знаменитыми французскими просвети-

телями XVIII века.

Шигабутдин Марджани родился 16 января 1818 года в селе Епанчино (Япанчы или Ябынчи по-татарски), расположенном на территории нынешнего Атнинского района. Его дед Субхан ибн Абд-ал-Карим был просвещенным человеком, служил имамом и мударисом в одном из сел на территории современного Арского района. Отец Ш. Марджани — Багаутдин ибн Субхан 12 лет жил и учился в Бухаре, затем он возвращается на родину. С 1821 года переезжает в деревню Ташкичу, где служил имам-хатибом вплоть до своей смерти в 1856 году.

Юный Шигабутдин Марджани всегда с удовольствием слушал рассказы отца о его путешествиях, наблюдениях. Так сложился его глубокий интерес к истории, философии. Рано оставшись без матери, будущий ученый воспитывался в суровой обстановке. Между властным, строгим отцом и сыном, по всей вероятности, происходило, немало стычек. Положение усугублял тот факт, что мальчик рос под надзором мачехи, от которой ему нередко крепко доставалось. Во всяком случае, своих учеников впоследствии Марджани не раз предупреждал: «Детей своих никогда не бейте! Особенно остерегайтесь бить по голове! Я в детстве натерпелся немало».

Начальное образование Марджани получил в медресе своего отца в деревне Ташкичу. В 17 лет сам начинает преподавать. Неудовлетворенный качеством учебника морфологии персидского языка, составляет собственный. Склонность серьезно размышлять о прочитанном, стремление выяснить истинное положение вещей замечается у Ш. Марджани с юношеских лет. Уже в 15 лет он задавал учителям такие каверзные вопросы, на которые они не могли ответить. И тогда Марджани сам пытается

доискаться до истины: он изучал произведения различных авторов и, обнаружив расхождения в толковании одних и тех же положений, стремился делать свои выводы. Исследователи отмечают критическое отношение к первоисточникам у Марджани уже с ранних лет. В эти же годы он проявлял интерес к исследованию древностей, читал надписи на надмогильных камнях, находящихся невдалеке от родной деревни.

В 1838 году Марджани отправился на учебу в Бухару, затем переехал в Самарканд. Спустя десять лет вернулся на родину, его назначают имамом-мударисом Казанской мечети. В 1867 году Духовное собрание мусульман Поволжья и Приуралья назначило Марджани ахуном и мухтасибом Казани, и это стало несомненным признанием его деятельности со стороны руководства мусульман. С официальными светскими властями у Марджани также устанавливаются позитивные контакты. Он выполнял отдельные поручения казанской губернской власти: следил за изданием текста Корана, организовал сбор денег для кавказских народов, пострадавших от землетрясения; составил отчеты о рождении, бракосочетании и смерти мусульман для государственных учреждений, участвовал в судебных заседаниях. В 1870 году вышла в свет книга Ш. Марджани «Назратуль-хакк», проповедующая новые религиозно-реформаторские идеи. Это произведение принесло ученому широкую известность на всем мусульманском Востоке.

Марджани написал более 30 произведений, большая часть которых была издана на арабском языке. Не все произведения, написанные ученым, увидели свет, некоторые до сих пор еще не обнаружены. Просветительские идеи Марджани охватывали самые различные стороны жизни, в том

числе необходимость получения татарским населением светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого (античной, арабской мысли) и настоящего (русской и западноевропейской культур). Кстати, к таким умозаключениям Марджани натолкнул его земляк, живший несколько ранее, религиозный философ и просветитель Курсави, работы которого, несмотря на запреты, Марджани изучил еще во время своей учебы в Бухаре. Не случайно именно после этого Марджани вплотную озаботился вопросами воспитания национального самосознания татарского народа, его благосостоянием, социально-экономическим и политическим положением. Считая просвещение самым мощным орудием прогресса, как и Курсави, Марджани пытался вызволить свой народ из «спячки».

Шигабутдин Марджани умер в 1889 году, похоронен на Татарском кладбище Ново-Татарской Слободы в Казани.

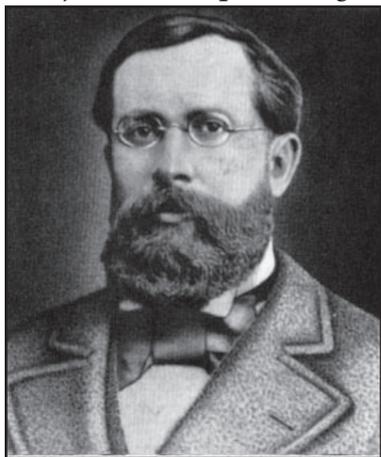
Интересный факт

В марте 1876 года Марджани принял в своем доме в Татарской слободе, а также в медресе, известного натуралиста, автора книги «Жизнь животных» А. Э. Брема, посетившего Казань в составе германской научной экспедиции, направлявшейся в Западную Сибирь. А. Брем говорил с Марджани по-арабски, удивив этим своего собеседника и еще более шакирдов медресе. В то же время А. Брем поразил интерес Марджани к животному миру, и особенно к природе и географии распространения барса, являющегося тотемным животным одного из коренных булгарских племен в Поволжье — барсил («народ барсов»).

Модест Николаевич Богданов

(1841–1888 гг.)

Не щадил себя ради науки

Модест Николаевич Богданов, русский зоолог и путешественник, родился в селе Русская Бекшанка Сызранского уезда Симбирской губернии. После окончания гимназии поступил в Казанский университет. Пробовал учиться на медицинском факультете, но не сложилось — подвело здоровье. Окончил учебу в 1866 году со степенью кандидата естественных наук.

Богданова называют одним из последних учеников Э. А. Эверсмана, уже после смерти своего учителя Модест Николаевич подготовил к печати его «Естественную историю птиц Оренбургского края» (1866 г.) В этом же году Богданов защитил кандидатскую работу «Материалы для исследования орнитологической фауны Симбирской и Казанской губерний», но этот труд раскритиковал зоолог Н. П. Вагнер. Работа не была опубликована, а рукопись, утрачена...

М. Н. Богданов был оставлен на кафедре зоологии — помощником прозектора при Зоологическом кабинете (1867 г.) Был профессорским стипендиатом, приват-доцентом. С осени 1870 года Модест Николаевич начал читать студентам лек-

ции по зоологии, в том числе по экологии позвоночных. Им была разработана программа публичных чтений по истории высших животных Европейской России, но чтение этих лекций было «остановлено» казанским губернатором.

Научными исследованиями М. Н. Богданов занимался еще в студенческие годы, собирая в Сызранском уезде, в частности, материалы о питании птиц амфибиями (лягушки) и рептилиями (прыткая и живородящая ящерицы), использованные позднее в его монографии. Первой научной публикацией М. Н. Богданова стал «Биогеографический очерк тетерева полевого *Tetrao tetrix L.*» (1868 г.).

М. Н. Богданов — один из учредителей Казанского общества охоты (1868 г.), с помощью которого ученый совершил три научные экспедиции: по Правобережью Волги, до Астрахани, по Северному и Северо-Западному Кавказу. Итогом стала защита магистерской диссертации «Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги» (1871), с публикацией монографии на эту тему. Потеряв надежду на возможности продолжения работы в Казани, М. Н. Богданов переходит в Петербургский университет. В 1871 году получил степень магистра зоологии Санкт-Петербургского университета, был избран штатным доцентом, а в 1872 году — хранителем Зоологического музея Императорской Академии наук.

В 1871 г. Богданов совершил поездку на Кавказ, где 40 годами ранее побывал его учитель Эдуард Эверсманн. Но теперь целью была не фаунистика, а зоогеография, т.е. продолжение исследований, проведенных ранее на Русской равнине и в долине Волги. Богданов посетил северные склоны Главного Кавказского хребта и долины рек Терека, Кубани, Сулака и Куры, собрал

богатую орнитологическую коллекцию. Итогом этой работы стала вторая орнитологическая монография — «Птицы Кавказа» (1879 г.), опубликованная уже в Петербурге. Здесь же появилась и следующая орнитологическая монография М. Н. Богданова — «Сорокопуть русской фауны и их сородичи» (1881 г.), на базе которой автор в том же году защитил докторскую диссертацию, став крупнейшим русским орнитологом и одним из основателей русской биогеографии. М. Н. Богданов возглавил экспедицию по изучению Северных районов — Белого моря и Мурманского побережья (1880 г.), участвовал в Хивинской экспедиции (1883 г.).

В конце 70-х годов Богданов был командирован за границу министром народного просвещения и полтора года работал в музеях Парижа, Берлина и Вены, особенно над коллекциями птиц, на которых более всего сосредоточивалось его внимание.

Исследования М. Н. Богданова на основе данных зоогеографии показали «узловое» значение Волжско-Камского края в истории фауны Восточной Европы. В правобережном Поволжье им были выделены зоогеографические области — еловые леса на месте бывшего бассейна Ледовитого моря, пограничная область чернозема — дубовые и липовые леса на глинистых почвах, черноземная ковыльная степь на юрских отложениях и черноземная полоса на глинистых почвах. Упомянулось о местах скопления лесных и степных животных на горных хребтах (рефугиумах) в периоды наступления моря. Была отмечена роль рек и их долин как экологических русел при миграциях животных. Черноземные почвы М. Н. Богданов считал продуктом трансформации остатков флоры, как степной, так и лесной. Это была

первая попытка историко-географического анализа фауны Востока Европы.

Богданов был редактором журнала «Охота и коннозаводство» с 1873 года. Организовал Казанское общество охоты и первую в России кинологическую организацию «Общество любителей породных собак». Он также основатель и первый председатель Русского общества птицеводства. Преподавал зоологию на Бестужевских высших женских курсах (1879–1881 гг.). Писал научно-популярные работы для детей, его сборник «Мирские захребетники» (1884) выдержал еще до революции 1917 года девятнадцать изданий. Несколько изданий выдержала книга «Из жизни русской природы» (1889).

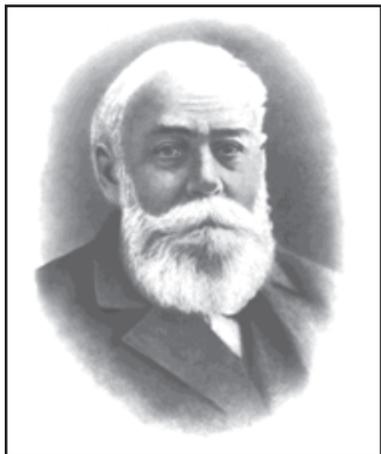
В 1885 году М. Н. Богданов прекратил преподавательскую деятельность в университете из-за ухудшения здоровья. Прожив некоторое время в родном Поволжье в Сызрани, Модест Николаевич вернулся в Петербург, где болезнь его ухудшилась. Умер в марте 1888 года.

.....
Интересный факт:
.....

М. Г. Богданов доставил в Зоологический музей Казанского университета целый ряд экспонатов: остромордую лягушку и тритонов с реи. Меша и системы озер Кабан (1870), большого амударьинского лжелопатоноса (1875), 24 вида птиц из Казанской губернии (вьюрка, дупеля, беркута, чечевицу, камышницу, трясогузку желтоголовую, пеночку-весничку, мухоловку серую, камышевку болотную, камышевку дроздовидную, чирка-свистунка, грязовика и других.

Порфирий Никитич Крылов
(1850–1931 гг.)

Советы ученого садовника

П.Н. Крылов родился в Минусинском уезде Енисейской губернии в крестьянской семье. Окончил четыре класса Пермской гимназии, и в 1868 году стал учеником аптекаря в Перми, где проработал три года. Затем поступил на фармацевтические курсы, был вольнослушателем в Казанском университете.

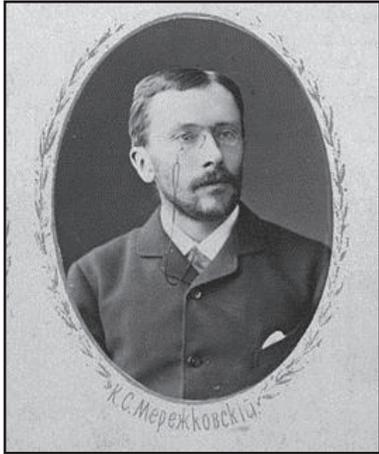
В 1875 году П.Н. Крылов получил диплом провизора, работал лаборантом при кафедре аналитической химии в университете. Порфирий Никитич Крылов с 1873 по 1885 годы работал в Ботаническом саду Казанского университета в качестве ученого садовника и сыграл значительную роль в развитии ботанико-географических исследований. В его основной работе казанского периода — «Материалы к флоре Пермской губернии», опубликованной в Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете, П.Н. Крылов, в частности, предложил понятие «растительная область», выделил и охарактеризовал естественно-географически и флористически в Пермской губернии четыре

растительные области: альпийскую, каменистую, лесную, лесостепную.

Сдал экзамены на степень магистра фармации и фармакогнозии, и с в 1885 году П.Н. Крылов переехал в Томск. Основал там Ботанический сад (один из лучших в России) и Ботанический музей при Томском университете. С 1885 по 1908 год Порфирий Никитич работал ученым садовником, заведовал Ботаническим садом, создал знаменитый гербарий. Ряд лет П.Н. Крылов был ассистентом кафедры ботаники, стал магистром фармации (1891). Изучал флору Центральной России, Сибири, Алтая, Дальнего Востока. П.Н. Крыловым основана Сибирская школа флористов и систематиков, главный труд которой — многотомная «Флора Западной Сибири». В 1917 году П.Н. Крылов — профессор кафедры ботаники Томского государственного университета, возглавлял Томское отделение Русского ботанического общества, автор ста научных работ.

**Константин Сергеевич
Мережковский**
(1855–1921 гг.)

Яркая жизнь с печальным концом

Мережковский Константин Сергеевич родился в 1855 году в Петербурге в семье высокопоставленного чиновника, получил хорошее домашнее образование. Прадед ученого — Федор Мережки, был войсковым старшиной на Украине, дед, Иван Федорович, при императоре Павле I служил в Измайловском полку. Предполагают, что именно тогда он изменил свою фамилию Мережки на Мережковский. Отец Мережковского, Сергей Иванович, служил при императорах Николае I и Александре II в канцелярии придворного ведомства. В семье было пять братьев и три сестры.

В 1869 году К. С. Мережковский поступил в Училище правоведения — отец желал старшему сыну карьеру чиновника. Но в 1875 году Константин подал документы в Императорский Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

Будучи еще студентом, под руководством профессора Н. П. Вагнера Кон-

стантин Сергеевич стал заниматься наукой. После первого курса был на Белом море, активно обрабатывал материалы, участвовал в заседаниях зоологического отделения Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Его интересовали диатомовые водоросли, и К. С. Мережковский опубликовал свои первые работы: «Диатомовые водоросли Белого моря» (1878), «Наблюдения над движением диатомовых водорослей» (1880). Диплом об окончании университета получил 20 ноября 1880 года.

После окончания университета К. С. Мережковский был командирован на два года за границу, где занимался антропологией, зоологией и частично ботаникой в Берлине, Париже и Лейпциге. По возвращении из-за границы защитил в 1883 году диссертацию «Материалы к познанию животных пигментов», читал лекции по зоологии в Санкт-Петербургском университете и на высших женских курсах. В 1880–1886 гг. он ассистент Н. П. Вагнера, затем и приват-доцент. В 1886 году Мережковский ушел в отставку и уехал в Крым и на Кавказ, где занялся со свойственной ему энергией виноградарством.

Крымский период (1886–1898 гг.) в жизни Мережковского ознаменовался специальными исследованиями диатомовых водорослей. Он изучал их на Черном и Азовском морях, работал на русской станции в Средиземном море.

В 1898 году К. С. Мережковский уехал в Северную Америку, где пробыл четыре года, работал в университете Беркли близ Сан-Франциско, какое-то время жил в Лос-Анджелесе. Изучал морские водоросли.

Летом 1902 г. К. С. Мережковский вернулся в Россию. 18 февраля 1902 года

по предложению профессора А. А. Остроумова занял место хранителя Зоологического музея при Казанском университете. В 1903 году защитил диссертацию на тему «К морфологии диатомовых водорослей» и был удостоен степени магистра ботаники. С 14 января 1904 года Мережковский был назначен приват-доцентом по кафедре ботаники, и приступил к чтению курса споровых растений. В 1906 году Константин Сергеевич был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора Императорского Казанского университета, в этом же году защитил диссертацию «Законы эндохрома». 17 января 1907 года был утвержден в степени доктора ботаники, а с 1 января 1908 года — в должности экстраординарного профессора.

...После «газетного скандала» 1914 года, когда Мережковского обвинили в педофилии, он вынужден был бежать из России за границу. Последние годы жизни провел в Ницце, а затем в Женеве. Его последними работами стали «Растения, рассматриваемые как симбиотический комплекс» (1920 г.) и философская космогоническая работа «Универсальный ритм как основа новой концепции вселенной».

Состояние здоровья и ситуация в личной жизни привели к трагическому концу. 9 января 1921 года К.С. Мережковский покончил с собой в гостиничном номере «Hotel des Families» в Женеве, оставив записку: «Слишком стар, чтобы работать и слишком болен, чтобы жить».

Интересный факт

Основные работы Мережковского посвящены морфологии и систематике диатомовых водорослей и лишайников, систематике инфузорий, губок, ки-

шечнополостных. Он собрал большую коллекцию лишайников (более 2000 экземпляров). Мережковский — один из создателей теории симбиогенеза (термин Мережковского), согласно которой более сложные клетки возникли в результате симбиоза менее сложных. Основываясь на этой теории, он предложил оригинальную систему органического мира с делением его на три царства: микойды (грибы, бактерии, сине-зеленые водоросли), растения и животные.

Теории симбиогенеза долгое время считались в биологии «еретическими», пока в конце 1960-х годов не были осмыслены рядом биологов как основа современного понимания эволюции органического мира.

**Алексей Александрович
Остроумов
(1858–1925 гг.)**

***Духовное училище сменил
на зоологию***

Выдающийся зоолог конца XIX начала XX века, внесший существенный вклад в развитие эмбриологии, морфологии, гидробиологии,

ихтиологии, зоогеографии и систематики Алексей Александрович Остроумов родился 29 января 1858 года в Симбирске. Отец его был уважаемым и почитаемым в городе священнослужителем. В семье было пять сыновей и три дочери, Алексей — самый младший. Первоначальное образование будущий ученый получил в духовном училище, затем поступил в Духовную семинарию. Однако духовное образование не вызывало у Александра особого интереса, учился он посредственно.

В 1878 году Алексей Остроумов поступил в Казанский университет на физико-математический факультет по разряду естественных наук. Рано проявил интерес к зоологии и начал работать в зоологическом кабинете под руководством профессора Н. М. Мельникова.

Во время учебы А. А. Остроумов показывал отличные успехи по всем главным предметам естественного разряда, но с особым интересом относился к занятиям зоологией. Все свободные часы от лекций и обязательной практики он проводил в зоологическом музее или зоологической лаборатории, а весной и летом им предпринимались зоологические экскурсии, как по своей инициативе из желания ознакомиться с местной фауной, так и по поручениям Общества естествоиспытателей.

В связи с необычным размножением саранчи в 1878–1880 гг. в ряде районов Казанской губернии Обществом естествоиспытателей при университете было предложено Алексею Остроумову произвести изучение этих насекомых. Студент с энтузиазмом взялся за эту работу, обследовав окрестности Казани, Симбирский и Мамдышский уезды, где собрал и определил 16 видов саранчовых.

Кроме того, он устроил инсектарий, где содержал саранчу, наблюдая за насекомыми. Итогом этих наблюдений стало первое научное сочинение А. А. Остроумова — «Саранчовые — Acridioidea Burm. Восточной России». Выводы этой работы попали в статью «Материалы к изучению естественной истории саранчовых» (1881). За эту работу А. А. Остроумов был награжден факультетом золотой медалью.

Окончив Казанский университет в 1882 г. со степенью кандидата наук, Алексей Александрович был оставлен в качестве стипендиата для подготовки к профессорскому званию по зоологии.

Затем судьба забросила Остроумова в Новороссийский университет, где работали крупнейшие русские зоологи А. О. Ковалевский и В. В. Заленский. Основным местом его работы стала Севастопольская биологическая станция. Результатом этих работ был целый ряд публикаций, в основном за рубежом.

На Черном море А. А. Остроумов проработал до 1885 года. Осенью того же года он был командирован в Неаполь на биологическую станцию. В 1886 году вернулся в Казань, где прочел две пробные лекции по сравнительной гистологии, на основании которых получил звание приват-доцента и право преподавания в Казанском университете. В 1889 году в Московском университете защитил докторскую диссертацию на тему «К истории развития ящериц». В 1881–1897 гг. А. А. Остроумов заведовал Севастопольской биостанцией.

В Казанском университете А. А. Остроумов продолжал свои исследования в области эмбриологии и гидробиологии, но основным направлением его деятельности становится ихтиология, а объектом — стерлядь, ценный в промысловом отношении вид, особенно характерный для ихтиофауны Поволжья.

С 1910 г. А. А. Остроумов приступил к публикации результатов наблюдений за ростом и биологией стерляди в аквариумах. Эти работы стали по сути классическими. За работу, опубликованную в 1918 г. в трудах Московского общества содействия опытным наукам им. Леднецова, посвященную изучению роста стерляди, Московским обществом акклиматизации животных и растений, а А. А. Остроумова наградили денежной премией.

Одним из практических выводов работ по стерляди А. А. Остроумов считал возможность ее прудового разведения.

Во время работы заведующим зоологическим кабинетом А. А. Остроумов большое внимание уделял зоологическому музею, сформированному еще стараниями Э. А. Эверсмана. К заслугам А. А. Остроумова следует отнести пополнение коллекций Зоомузея за счет фауны залива Петра Великого из Японского моря. Кроме того, он способствовал составлению полного карточного каталога музея. Для этой цели он пригласил С. А. Зернова (впоследствии профессора), в это время находившегося в административной ссылке, который с жаром молодого ученого принялся за составление каталога. Были составлены и опубликованы каталоги коллекций бабочек, рыб и птиц.

В 1910–1914 гг. с привлечением тогда еще ассистента А. М. Завадского были предприняты попытки перестройки залов музея, в частности переоборудован зал птиц, а также приведена в европейский вид основная аудитория (теперь 209). Революционные потрясения в России Алексей Александрович встретил в должности ординарного профессора по кафедре зоологии в чине действительного статского советника. Он был награжден шестью орденами: Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Станислава 2-й и 3-й степени и Св. Владимира

3-й и 4-й степени. Однако это не помешало ему занимать профессорскую должность в Казанском университете и после прихода Советской власти. В 1918 г. по декрету Совета народных комиссаров он по Всероссийскому конкурсу переизбирается на эту должность.

А. В. Остроумов описал более 18 новых видов фауны Черного и Азовского морей. Он — участник многочисленных экспедиций (Мраморное, Черное, Японское и другие моря). Был президентом Казанского общества естествоиспытателей (с 1912 г.), его Почетным членом (1919 г., Почетным членом Московского общества испытателей природы (1925 г.)

Последней публикацией профессора А. А. Остроумова была статья «К истории зоологического кабинета Казанского университета» в 1925 году.

Сергей Иванович Коржинский (1861–1900 гг.)

Великий человек науки

Сергей Иванович Коржинский прожил короткую жизнь — ему не было и сорока лет, когда он ушел... Это

был поистине великий человек науки, альтруист, ученый с Большой Буквы.

Коржинский родился 26 августа 1861 года в Астрахани в дворянской семье. С золотой медалью окончил гимназию, поступил в Казанский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета. В студенческие годы был активным членом Казанского общества естествоиспытателей.

Ботаника была настоящей страстью Сергея Ивановича. Уже первая научная работа студента-второкурсника Казанского университета Коржинского «Очерк флоры окрестности города Астрахани» (1882 г.) обратила на себя внимание ученых. Все лето 1883 года он провел в дельте Волги. Следующий год Коржинский посвятил исследованию спорных растений Казанской губернии, а затем — изучению северной границы черноземно-степной полосы. В 1885 году после окончания учебы решением ученого совета С. И. Коржинский был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию.

Получил степень магистра, затем был приват-доцентом Казанского университета, читал курс ботанической географии, продолжал научные исследования. В 1892 году ученого приглашают в столицу, он назначен главным ботаником Императорского Петербургского ботанического сада. С 1893 года С. И. Коржинский занимал еще и пост директора Ботанического музея Академии Наук.

Труды и исследования С. И. Коржинского имеют важнейшее значение для отечественной науки. Он дал первое описание растительности Средней Азии, предложил общее ботанико-географическое районирование России. Академик Коржинский — один из основоположни-

ков фитоценологии (раздел ботаники, изучающий растительные сообщества — фитоценозы). С. И. Коржинский, кроме всего прочего, является основоположником метода практической систематики растений — географо-морфологического, ввел понятие «расы» как основной таксономической категории растений, сформулировал положение о реальности природных рас растений — видов и подвидов.

В дальнейшем С. И. Коржинский изучал взаимоотношения лесной и степной растительности, исследовал условия произрастания растительности в поймах и на буграх, анализировал особенности формирования растительности заливных лугов. Он пытался распределить растения по формациям и «фациям», разработал самостоятельную классификацию типов почв на основе взаимообусловленности почвы и растительности. Идеи Коржинского о генезисе и развитии почв лесостепи были сформулированы в его докторской диссертации «Северная граница черноземно-степной области восточной полосы Европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении» (1888г). Кстати, одна из исследуемых природных территорий в Казанской губернии (в нынешнем Новошешминском районе) является в Татарстане ООПТ и носит название Склоны Коржинского.

Сергей Иванович был замечательным исследователем прикладной ботаники. Его работа «Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии» (1892 г.) — образец экономической оценки почвенно-растительного покрова территории Дальнего Востока, и по сути это первый опыт ее освоения русским населением для нужд сельского хозяйства. Столь же важны и его

труды «О природе степей южной Сибири» (1892), «Очерки растительности Туркестана» (1896), а также этноботаническая работа «Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения». Примечательно, что Сергей Иванович Коржинский мастерски владел пером и так описывал свои научные исследования, что ими можно было зачитываться, как художественной литературой.

Стремительным развитием геоботаники и ботанической географии в конце XIX века в России, считают эксперты, мы обязаны двум мощным школам: Петербургской ботанико-географической А. Н. Бекетова и его учеников, и Казанской геоботанической, у истоков которой стояли три крупнейшие личности — П. Н. Крылов, С. И. Коржинский и А. Я. Гордягин. Причем, идейное становление Казанской школы прежде всего связано с трудами С. И. Коржинского.

В 1888 году после защиты докторской диссертации С. И. Коржинский был переведен в только что открывшийся Томский университет, где в 1888–1892 годах был профессором по кафедре ботаники. Свой курс лекций в Томском университете Коржинский начал с доклада «Что такое жизнь?» В этот период он сочетал преподавательскую работу с исследовательской, много путешествовал, проводил фитотопографические исследования в Симбирской, Самарской, Уфимской, Пермской и отчасти Вятской губерниях. Результаты его исследований были изданы в 1891 году Обществом естествоиспытателей при Казанском университете.

Интересный факт

Николай II, еще будучи еще цесаревичем, после неудачного посещения

Японии, где он был ранен, получил от отца приказ вернуться в Петербург. Николай возвращался через Сибирь, по дороге знакомился с сибирскими городами, а в Томске встретился с профессором С. И. Коржинским, который показал цесаревичу гербарий растений. В это время профессор готовил издание флоры Сибири и денег, как всегда, не хватало. Узнав об этом, будущий Николай II из личных средств тут же выделил необходимую сумму, да еще с лихвой, на издание «Флоры». С. И. Коржинский с честью выполнил свою задачу, а Николай, приехав в Петербург, обратился к своему дяде, Президенту Императорской Академии Наук с просьбой, чтобы тот поспособствовал избранию Коржинского академиком, что и было сделано.

**Николай Александрович
Варпаховский**
(1862–1909 гг.)

Рыбы — главный объект изучения

Выходец из дворянской семьи, Н. А. Варпаховский после окончания 2-й Казанской гимназии поступил в 1881 году в Казанский уни-

верситет. Еще студентом занимался исследованием фауны края, в основном рыб. Окончил курс физико-математического факультета со степенью кандидата естественных наук в 1885 году. Занимался исследованием ихтиологических фаун Казанской губернии и Волжского бассейна.

Н. А. Варпаховскому принадлежат первые сведения по герпетофауне Нижегородской и Казанской губерний, в последней он обнаружил семь видов амфибий (8-й — обыкновенная чесночница — был найден им позднее) и шесть видов рептилий. Им была также опубликована программа для собирания рыб и гадюк (1886 г.). Позднее Н. А. Варпаховский был профессорским стипендиатом Санкт-Петербургского университета, защитил диссертацию на степень магистра зоологии. Некоторое время Н. А. Варпаховский был чиновником особых поручений при Министерстве земледелия, заведовал по поручению этого министерства рыбными промыслами в Астраханской, Архангельской губерниях. Был редактором журнала «Рыбное дело». В 1895 году Н. А. Варпаховского командировали в Сибирь на реку Обь для исследований рыболовства. Обработав результаты в Санкт-Петербурге, Николай Александрович опубликовал эти отчеты.

Варпаховский напечатал ряд работ по систематике и фаунистике рыб России: «Очерк ихтиологической фауны Казанской губернии» («Приложение к Запискам Императорской Академии Наук», т. LII, 1886); «Рыбы озера Ильменя и р. Волхова, Новгородской губернии» («Записки Императорской Академии Наук», т. LIII, 1886); «Монография нового рода карповых рыб (*Ovoleuciscus*)» (в «Записках Академии Наук», 1889); «Определитель рыб бассейна р. Волги»

(СПб., 1889); «Определитель пресноводных рыб Европейской России» (СПб., 1898).

Михаил Дмитриевич Рузский (1864–1948 гг.)

Ученый с крепким характером

Рузский происходил из семьи помещика-землевладельца Симбирской губернии. Учился в Симбирской гимназии одновременно с Александром Ульяновым — братом Владимира Ульянова (В. И. Ленина), тесно дружил с ним, переписывался по окончании гимназии. Не удивительно, что когда Александр был казнен за подготовку покушения на царя Александра III, Рузского взяли под подозрение...

Революционером и последователем своего друга Михаил не стал, он выбрал другое поприще в жизни — науку. В 1884 г. М. Д. Рузский поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Казанского университета.

Одновременно с ним студентами того же факультета были такие известные

в будущем ученые, как математик и механик А. П. Котельников, ботаник А. Я. Гордягин, зоолог Л. К. Круликовский. Преподавали в эти годы многие видные ученые. Так, деканами физико-математического факультета были: ботаник Н. Ф. Леваковский (1882–1886 гг.), физиолог К. В. Ворошилов (1886–1889 гг.), ставший также ректором университета, астроном Д. И. Дубяго, химик А. М. Зайцев, геологи А. А. Штукенберг и П. И. Кротов, ботаник С. И. Коржинский, зоологи М. М. Усов, Н. М. Мельников. С последним у М. Д. Рузского впоследствии, кроме деловых установились даже родственные связи.

Будучи студентом Михаил начал заниматься научными исследованиями в поле и в лаборатории, проводя свободное от занятий время в Зоологическом и Зоотомическом кабинетах под руководством профессоров М. М. Усова и в особенности Н. М. Мельникова, совершая походы и экскурсии по окрестностям знакомясь с фауной местного края.

В 1889 году М. Д. Рузский получил золотую медаль за работу «Пелагическая фауна озера Кабана». В этой работе он проанализировал многие группы животных как беспозвоночных (планктон и бентос, насекомые: жуки, двукрылые, бабочки, муравьи), так и позвоночных (рыбы, амфибии и рептилии, птицы, млекопитающие). Позже опубликовал ряд работ по насекомым, птицам. М. Д. Рузский — автор исследований по рыбам реки Свияги (Казань, 1887 г.), работ: «Материалы к изучению птиц Казанской губернии» (1893 г.), «Орнитологические наблюдения в Симбирской губернии» (1894 г.), «Результаты исследования земноводных и пресмыкающихся в Казанской губернии и местностях,

с нею смежных» (1894 г.), «Зубр как вымирающий представитель нашей фауны» (1898 г.).

Примечательно, что Михаил Рузский одно время был хранителем Зоомузея в Казанском университете. При нем в музей доставлены, в частности, тигровая амбистама и все известные тогда в Казанской губернии виды тритонов, жаб, лягушек, ящериц и змей. Он обогатил коллекции музея 303 экземплярами птиц, 15 видами млекопитающих, включая 5 видов рукокрылых, каменную куницу, европейскую норку, бурундука и большого тушканчика. Только тремя коллекторами — М. Д. Рузским, С. И. Билькевичем и И. Н. Стрельниковым было добыто для Зоомузея 978 экземпляров птиц (1890–1897).

М. Д. Рузский был одним из организаторов Казанского городского музея, председателем его Совета (1912 г.), директором естественно-исторического отдела, получил звание почетного члена-сотрудника музея.

Он поставлял и туда собранные им зоологические материалы (6 видов млекопитающих, 15 видов птиц, 4 вида ящериц-круглоголовок, 2 вида тритонов, 3 вида лягушек, 21 вид рыб). Доподлинно известно, что Михаил Рузский принимал участие также в формировании еще одного Казанского зоологического музея — в ветеринарном институте, где он был приват-доцентом с 1901 года.

М. Д. Рузский — автор работ об орнитологических наблюдениях в Симбирской губернии, исследований земноводных и пресмыкающихся в Казанской губернии. Особо надо отметить работы М. Д. Рузского историко-биографического характера. Он составил биографии Э. А. Эверсмана, Н. М. Мельникова, М. Н. Богданова.

После защиты докторской диссертации («Муравьи России», 1905–1907) места профессора для Рузского в Казанском университете не нашлось. Его запретил принимать (как «левого») министр просвещения России Кассо. Михаил Дмитриевич становится профессором зоологии в Томском университете в 1913 году. Здесь он по сути 35 лет возглавлял зоологические исследования в Сибири. Улица, где Рузский жил в Томске, названа его именем.

**Леонид Константинович
Круликовский**
(1864–1930 гг.)

*Исследователь с широким
кругозором*

В начале лета 1865 года в семье коллежского советника из дворян, врача и охотника, выходца из Польши, в небольшом городке Вятской губернии Сарапуле родился мальчик, которого нарекли Леонидом. Это был будущий известный ученый, энтомолог и естествоиспытатель Леонид Константинович Круликовский. В 1884 году он окончил

2-ю Казанскую гимназию и поступил на юридический факультет в Казанский университет, но уже через два месяца перевелся на естественное отделение физико-математического факультета, под опеку профессора Н. М. Мельникова.

Л. К. Круликовский в 1888 году окончил университет со степенью кандидата естественных наук. После чего уехал в Санкт-Петербург и около полугода изучал моллюсков и чешуекрылых в ЗИН РАН и Русском энтомологическом обществе. Вновь вернулся в Вятскую губернию, прослужил четверть века в налоговой службе — надзирателем акцизных управлений уездных городов Малмыж, Уржум и Сарапул (1889–1915 гг.), занимаясь одновременно изучением фауны. В основном Л. К. Круликовский исследовал насекомых, но 8 из 115 известных его работ затрагивают также амфибий, рептилий, птиц и млекопитающих. В 1921 году в «Записках УОЛЕ («Уральского общества любителей естествознания») им описаны 187 видов птиц из 9 отрядов; в 2 работах отмечаются млекопитающие; в 3 работах имеются сведения об амфибиях и рептилиях. В исследованиях отмечаются и встречи южных видов, продвигавшихся на север: зеленая жаба, озерная лягушка, прыткая ящерица, медянка, сизоворонка, большой суслик, лесная соя и другие.

Вслед за Э. А. Эверсманном, Л. К. Круликовский включил в состав териофауны региона домашних зверей, что стали делать потом и другие зоологи конца XX века. Леонид Константинович также выступал в печати с предложением использования в борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства амфибий и рептилий, землероек и летучих мышей, но особенно птиц, предлагая меры их охраны (1896 г.) По существу, он начал изучение тетрапод Вятской

губернии, составив списки видов по Уржумскому, Малмыжскому, Сарапульскому и Елабужскому уездам, то есть, охватив юг нынешней Кировской области, центр и юг Удмуртии, северо-восток Татарстана. Л. К. Круликовский описал несколько новых форм моллюсков и более двухсот форм чешуекрылых, занимался и другими беспозвоночными. Он был членом РЭО, УОЛЕ, публиковал статьи и рассказы в казанской газете «Волжский вестник». Выйдя в отставку в 1915 году, Л. К. Круликовский работал в редакции газеты «Прикамская жизнь» (г. Сарапул), преподавал в частной гимназии (Воткинский завод, 1915–1916 гг.). Затем в 1916 году по приглашению Льва Шелюжко переехал в Киев, где после создания Академии наук Украины работал в фаунистическом комитете, был организатором и председателем Киевского энтомологического общества. В 1919 году Л. К. Круликовский заведовал Зоологическим музеем УАН.

Умер Леонид Константинович, по одним источникам — от саркомы, по другим — от тифа. Место его захоронения (как и точная дата смерти) неизвестны. Единственный некролог был опубликован Л. А. Шелюжко в «Русском энтомологическом обозрении» в 1930 году спустя десять лет после смерти ученого.

Андрей Яковлевич Гордягин (1865–1932 гг.)

Ботаника — превыше всего

Выдающийся геоботаник, эколог, физиолог растений, почвовед. Член-корреспондент АН СССР по разряду биологическому (ботаника) Отделения физико-математических наук с 31 января 1929 г. Выпускник Казанского университета (1888 г.).

А. Я. Гордягин родился в семье военного, его отец (офицер) принимал участие в обороне Севастополя 1854–1855 гг. Среднее образование получил в Пермской классической гимназии, которую окончил с серебряной медалью.

В 1883 году Андрей Гордягин поступил в Казанский университет на медицинский факультет, но уже через год понял, что эта специальность не его, и перевелся на естественное отделение физико-математического факультета. Андрей Яковлевич Гордягин, ученик С. И. Коржинского, П. Н. Крылова и других выдающихся ботаников, окончил в 1888 году университетский курс со степенью кандидата естественных наук. Его дипломным сочинением был «Очерк растительности окрестностей города Красноуфимска Пермской губернии». В тече-

ние последующих трех лет по поручению Общества естествоиспытателей занимался почвенными и ботаническими исследованиями в Казанской губернии.

С 1889 по 1891 годы А. Я. Гордягин находится при Казанском университете в качестве профессорского стипендиата на кафедре ботаники и был утвержден приват-доцентом по систематике высших растений. Вел практикум по систематике семенных растений, одновременно с 1891 до 1898 года занимал должность хранителя музея при Ботаническом кабинете. С 1897 года читал курс анатомии и физиологии растений.

В 1892–1901 гг. в летние месяцы Андрей Яковлевич занимался ботанико-географическими исследованиями на Среднем Урале и в Западной Сибири. Итогом стала магистерская диссертация «Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири», которую он защитил в Казанском университете в мае 1901 года. Научная ценность этой работы была признана настолько высокой, что Гордягину сразу присудили степень доктора ботаники (минуя степень магистра) и вручили серебряную медаль им. Н. М. Пржевальского от Русского географического общества.

Был утвержден экстраординарным профессором по кафедре физиологии растений Казанского университета, затем ординарным профессором по кафедре ботаники, заведующим Ботаническим кабинетом, а в 1908–1909 годах еще и заведующим Ботаническим садом.

Изучая растительность в поймах рек Волги и Камы, А. Я. Гордягин приходит к выводу, что безлесие пойм обусловлено деятельностью человека и, таким образом, пойменные луга представляют собой явление вторичное. В начале июня

1902 года А. Я. Гордягин совместно с энтомологом М. Д. Рузским совершил краткую экскурсию на гору Большое Богдо (Астраханская область, дельта Волги). Через три года Гордягин опубликовал работу «Поездка в Астраханскую пустыню» (1905 г.), в которой впервые была предпринята попытка обобщить все имевшиеся на тот момент данные о флоре г. Большое Богдо, чтобы в будущем можно было оценить изменения. В начале XX века вокруг А. Я. Гордягина организуется круг «старшего поколения» его университетских учеников, многие из которых в дальнейшем стали крупными учеными: Н. А. Буш, Б. А. Келлер, В. Р. Заленский, В. И. Талиев, И. И. Спрыгин, Д. Е. Янишевский, В. И. Смирнов.

В 1909 году А. Я. Гордягин переведен ординарным профессором на медицинский факультет Саратовского Императорского университета, который в то время был стадии организации, возглавил там кафедру ботаники. Первый ректор этого университета профессор В. И. Разумовский впоследствии писал: «Видный ученый, опытный профессор, прекрасный преподаватель, он мне казался необходимым также и для поддержания добрых старых академических традиций в новом Университете, — и эту роль он несомненно выполнил потом».

С первых же дней работы в Саратове А. Я. Гордягин занялся исследованием местной флоры. Основным направлением его работы были ботаническая география и фитоценология. За пять лет пребывания в Саратове он опубликовал пять работ по *Diplachne* и клейстогамным злакам (1913 г.), а также дал первый обзор русской биометрической литературы. Кроме работы на кафедре ботаники в Саратовском университете, А. Я. Гордягин

большое внимание уделял высшим сельскохозяйственным курсам (с 1922 года трансформировавшихся в Саратовский сельскохозяйственный институт), в организации которых он активно участвовал.

Студентов поражало в А. Я. Гордягине умение легко читать лекции, образно раскрывать мир растений. Убежденный в том, что «профессор не должен быть граммофоном», в одном из писем он писал: «Всегда... я разговаривал со своими слушателями и учениками не в пределах учебников, а и о том, как мне самому — часто вздорно — представляется тот или иной вопрос. Это обыкновенно оказывает влияние на слушателей».

В Саратове А. Я. Гордягин проработал пять лет. Против своей воли был перемещен министром народного просвещения Л. А. Кассо обратно в Казанский университет. Теплые проводы А. Я. Гордягина из Саратова совпали с 25-летним юбилеем его научно-педагогической деятельности. В эти годы он был награжден орденами святой Анны (2 степени) и святого Владимира (4 степени). До конца своих дней он состоял в Саратове членом двух научных обществ.

В 1922 году А. Я. Гордягин писал: «К сожалению, внезапное перемещение меня летом 1914 года из Саратовского университета в Казань положило конец моей работе над *Halobyscus Jaczewskii*, ибо в Казани я оказался лишенным собственной лабораторной обстановки, а начавшаяся война и революция не позволяли создать новую».

В 1929 году за выдающиеся научные заслуги А. Я. Гордягин был избран членом-корреспондентом АН СССР и ему присвоено почетное звание Героя Труда.

Андрей Яковлевич был замечательным педагогом, и после 1917 года

в Казанском университете в процессе масштабных территориальных геоботанических исследований вокруг него сформировалось «младшее», поколение его учеников: М. В. Марков, В. И. Баранов, В. С. Порфирьев, В. Д. Авдеев, В. С. Корнилова, Г. А. Благовещенский, С. А. Маркова, А. Д. Плетнева-Соколова, Н. М. Кузнецова, и другие.

**Александр Александрович
Першаков**
(1875–1943 гг.)

*От лесной химии — к природоохранной
деятельности*

Першаков родился в Петербурге в семье художника из крестьян в 1875 году. Учился в гимназии в Петербурге, в сельскохозяйственном училище в г. Красноуфимска (Пермская губерния.), откуда был исключен за участие в революционной деятельности. В 1897 году поступил в Казанское промышленное химико-технологическое училище. В период Гражданской войны «С осени 1918 г. до НЭП вел организационную работу по восстановлению и советскому развитию скипидарно-смоля-

ного производства в учреждениях СНХ». В 1920-е гг. преподавал в Политехническом институте, в Лесном техникуме, художественной школе, вел курс лесной химической технологии на Лесном факультете КГУ.

До Октябрьской революции Александр Першаков получил чины от коллежского секретаря (1905 г.) до коллежского советника (1910 г.), был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В преподавании биологии, его «второй специальности», не только проявился интерес к биологии как науке, но и способность увлечь молодежь теоретическими и практическими вопросами зоологии, связанными с краеведением, фенологией, охраной природы. В своей автобиографии Першаков писал: «Интересуюсь с детства систематикой и экологией животных и биоценологическими соотношениями, систематически стал заниматься изучением отраслей, входящих в преподаваемый теперь мною цикл, а также полевыми наблюдениями и затем исследованиями с 1908 г.».

В 1926–1929 гг. при студенческом научном кружке «Любители природы» в КГУ работала секция «Изучение фауны наземных позвоночных животных», через которую прошли фактически все першаковцы первого поколения.

Первые печатные работы по зоологии выходят у А. Першакова в 1914–1917 гг. Например, в статье «Орнитологический дневник» (1914 г.) упоминаются места его наблюдений в окрестностях Казани — от д. Малые Дербышки (ныне северо-восточная окраина Казани) до села Теньки вниз по Волге (ныне — Камско-Устьинский район). С 1920 г. начал наблюдения над птицами в Раифской лесной даче — основном участке нынешнего Волжско-Камского заповедника. А еще раньше, в 1919 году

Першаков проводил наблюдения в Кокшайской тайге, т.е. на территории нынешней Марий Эл.

Из млекопитающих, особенно в последний, марийский, период деятельности (1933–1942 гг.), особое внимание Александр Александрович уделял мышевидным грызунам — вредителям лесного хозяйства.

Его работы того времени: «Борьба с мышами в нагорных дубравах и в лесном хозяйстве вообще», «Биоценозный метод борьбы с грызунами» (к ним тогда относились и зайцы). В последней работе Першаков попытался соединить экологические знания и их применение на практике, причем дифференцированно, по отдельным видам, учитывая их особенности. При этом призывал «охранять мышеедов из зверей и птиц».

Кстати, именно Першаков стал инициатором восстановления в Волжско-Камском крае бобра (1931–1933 гг.), который не встречался здесь с 1802 год. В 1950 году один из першаковцев второго поколения, выпускник Казанского университета Александр Попов, избрал темой дипломной работы) реакклиматизацию в Татарстане бобра, который стал видом промысловым и, вероятно, единственным (кроме человека) видом-преобразователем экосистем.

Меньше занимался Першаков амфибиями и рептилиями, что и понятно: тогда еще плохо представляли их роль и место в экосистемах, на первом плане были промысловые звери и птицы. Но герпетофауной в большей или меньшей степени интересовались ученики Першакова: И. С. Башкиров, В. А. Попов, Александр Александрович писал в свое время; «Следует заметить, что много вредных насекомых истребляют ящерицы, а змеи — «мышей». Почему безрассудно убивать без всякой надобности не только медяницу

(безногую ящерицу), но и медянку. Особенно полезны жабы».

Работа А. А. Першакова о герпетофауне Марий Эл была опубликована лишь через 40 лет после его смерти (1983 г.). В Красную книгу Республики Татарстан (1995; 2006) были включены, веретеница, медянка, серая жаба — отчасти благодаря мнению Першакова.

Ученый выделял три направления в своей деятельности:

1. Значение зверей и птиц как объектов непосредственного использования;
2. Значение птиц и зверей, как вспомогательных природных агентов в сельском и лесном хозяйстве;
3. Меры к использованию в лесном хозяйстве полезной жизнедеятельности позвоночных.

В первом разделе речь идет о пушнине и пушном промысле, имевшем в те годы существенное экономическое значение. По этой причине появились на кафедре зоологии позвоночных Казанского университета такие специализации, как «Тетраподология» (экология и систематика наземных позвоночных), и ее практическая ветвь — «Охотоведение», введенные А. А. Першаковым. А. А. Першаков расширил перечень полезных птиц, включив сюда врановых, дневных и ночных хищных птиц.

«...Надо знать самим и всячески пропагандировать среди населения, что такие хищники, как сарычи (канюки), совы, мелкие сокола («копчики», «ястребки»), как ласка, горностай, хорек, лиса являются природными агентами по борьбе с вредителями, и что этих полезных животных надо охранять и привлекать».

Упоминаются им и другие аспекты полезной деятельности птиц: «Многие птицы являются разносителями семян тех или других древесных пород. Из этой

категории особенно... важна сойка. Она единственный, кажется, известный фактор распространения дуба».

В марте 1931 г. Першаков получил предложение вести в университете преподавание дисциплин, «входящих в цикл хозяйственного оперирования с дикими зверями и птицами (охотоведение и борьба с вредителями). В представлении зав. Зоологическим кабинетом Б. Г. Федорова говорится: «...А.А. Першаков является в настоящее время самым крупным специалистом по охотоведению в Татарии». С ним работала большая группа зоологов, охотоведов, шли краеведческие исследования, велись фенологические наблюдения.

С отъездом А. А. Першакова в Марий Эл в Казани и в Татарстане остались, так сказать, «вещественные следы» его организационной работы: Казанский зооботанический сад (единственный в СССР), созданная на его базе Волжско-Камская зональная охотничье-промысловая биостанция, Раифский заповедник. И везде работали ученики Першакова.

...Как известно, Александр Александрович не дожил до конца Великой Отечественной войны, отдав себя до последней минуты людям и любимому делу. Могилу его на кладбище в Йошкар-Оле отыскать не удалось. Но память об этом великом ученом жива в его трудах, учениках.

Александр Александрович Першаков — выдающийся ученый, профессор, преподаватель, автор трудов по орнитологии и экологии республик Поволжья. На его счету более 30 монографий и учебных пособий. Более тридцати лет его жизни связаны с Казанью.

В 1901 году Першаков окончил Казанское промышленное химико-технологическое училище, работал препо-

давателем этого учебного заведения, заведовал кафедрой биологии лесных птиц и зверей в Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства. С 1933 года и вплоть до своей смерти в 1942 году Александр Александрович трудился в Поволжском лесотехническом институте в Йошкар-Оле.

***Интересный факт из воспоминаний
В. И. Гаранина***

...Как-то готовясь к поездке в Йошкар-Олу на конференцию, посвященную 140-летию со дня рождения Першакова, разбирал свой архив, неожиданно наткнулся на карандашный рисунок на обычном листке из блокнота с изображением Александра Александровича, датированный 24 апреля 1928 года. Уж не помню, каким образом этот рисунок ко мне попал — сделан он был с натуры во время заседания кружка любителей природы, которое для студентов университета проводил Першаков или еще где.

Я долго анализировал инициалы автора рисунка — С.Н., но так и не смог его вычислить. На оборотной стороне листка значился список присутствовавших на заседании кружка студентов — оказалось, что многих из них я впоследствии знал, и мы даже работали вместе. Многие стали известными учеными и общественными деятелями. Например, нашел я в том студенческом списке Виктора Алексеевича Попова — моего будущего учителя и наставника, организатора и руководителя кафедры охраны природы в 1970 году — первой в истории Казанского университета да и вообще всех российских вузов. Расшифровал подпись Николая Акрамовского — он стал впоследствии известным энтомоло-

гом, работал в Армении. Николай Григорьев — будущий директор Казанского зооботсада, руководил им, в том числе, в годы Великой Отечественной войны. Мария Соснина стала зоологом, ее сестра Екатерина работала в Зоологическом институте (ЗИН) в Ленинграде. Якимов связал свою судьбу с Казанским ветеринарным институтом. Владимир Тихвинский работал на Волжско-Камской охото-промысловой биологической станции заместителем директора по научной работе — в 1941 году добровольцем ушел на фронт, погиб. Его дочь Майя впоследствии также посвятила свою судьбу биологической науке. Владимир Теплов работал в Кавказском, Окском заповедниках, возглавлял в Республике Коми Печоро-Илычский заповедник. Вот такие прославленные ученики великого учителя, каким был Першаков. Кстати, в свое время он учил и знаменитого химика Бориса Александровича Арбузова.

Николай Александрович Ливанов
(1876–1974 гг.)

Вся жизнь — в дар науке

Известный зоолог, доктор биологических наук, профессор Казанского университета, заслуженный деятель науки РСФСР и Татарской АССР Николай Александрович Ливанов родился в Саратове 20 ноября 1876 года. Окончил в 1895 году Казанскую 1-ю гимназию, поступил в Казанский университет естественного отделения физико-математического факультета. Закончил его в 1900 году и был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и эмбриологии.

Широкий кругозор, необходимость заниматься научно-административной работой, обширные научные связи позволили Н. А. Ливанову в течение всей его долгой жизни достаточно ясно представлять значение наук, смежных с избранными им направлениями, и оказывать им содействие в нужное время. Например, в 1903 году Николай Александрович, будучи в научной командировке на Средиземном море, посетил Балеарские острова, где, кроме объектов, связанных с его тематикой, описал островок Кабрера, отметив, что

там — «...масса *Lacerta lilfordi*» (балеарских ящериц).

Н. А. Ливанов был хранителем Зоотомического кабинета, коллежским секретарем (1905 г.). Не забывал о пополнении Зоологического музея, «его экспонаты» там: 15 видов рыб с Белого моря (1898 г.), прыткая ящерица, обыкновенная гадюка и палласов щитомордник из-под Иркутска (1912–1916 гг.), среднеазиатская кобра (1960 г.).

С 1907 году Николай Ливанов защитил магистерскую диссертацию, посвященную морфологическому исследованию примитивной пиявки. В Петербургском университете защитил и диссертацию на степень доктора зоологии и сравнительной анатомии. Был приват-доцентом Московского университета, преподавал в сельскохозяйственной академии (будущей «Тимирязевке») в 1914–1916 гг. Затем вернулся в Казанский университет, с 1918 г. — профессор кафедры зоологии.

С 1920 года начались зоологические исследования в Раифском лесу — будущем Татарском, потом Волжско-Камском заповеднике, а в 1926–1929 гг. под руководством Н. А. Ливанова работала экспедиция в Чувашской республике, где тетраподологическими исследованиями руководил А. А. Першаков, возобновивший после Гражданской войны эту работу, начатую веком ранее Э. А. Эверсманном. По материалам той экспедиции были опубликованы статьи в «Трудах» Общества естествоиспытателей при Казанском университете учеными Г. К. Гольцмайером, А. А. Першаковым, П. В. Терентьевым.

В 1918–1933 гг. Н. А. Ливанов заведовал кафедрой зоологии Казанского ветеринарного института, в 1929 году был деканом геолого-биологического факультета. В марте 1933 года в КГУ организовали

самостоятельный биологический факультет, и Н. А. Ливанов стал его первым деканом (1933–1935 гг.). Он также заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных в течение 30 лет, во всей полноте проявив свой незаурядный организаторский преподавательский талант. Так, Н. А. Ливанов пригласил П. В. Терентьева, работавшего в 1929–1931 гг. в Казани сотрудником кабинета статистики Татарского НИИ, для чтения курса биометрии студентам геолого-биологического факультета. Много позднее, через треть века, П. В. Терентьев не раз вспоминал в письмах «профессора Ливанова, сделавшего мне много добра и глубоко мной чтимого».

В те же годы на кафедре зоологии позвоночных Казанского университета был приглашен заведующим Кабинетом биологии лесных птиц и зверей КИСХЛ А. А. Першаков, зачисленный доцентом. Он руководил новой специальностью — «биология наземных позвоночных», куда входило и практическое направление (охотоведение). Николай Александрович был председателем комиссий по предварительному рассмотрению диссертационных работ зоологов-тетраподологов.

После организации в составе Казанского филиала АН СССР Биологического института (1946 г.) Н. А. Ливанов, назначенный его первым директором, сформировал институт в краеведческом плане, сделав ставку на изучение живой природы Волжско-Камского края. Он пригласил для руководства группой по изучению фауны наземных позвоночных (которая позже стала лабораторией) из Волжско-Камской биостанции В. А. Попова.

К развитию тетраподологии в Казани и, следовательно, в Волжско-Камском крае, имели отношение и теоретические взгляды Н. А. Ливанова. Известна его попытка

еще в 1922 году связать биогеографию (зоогеографию) с экологией (биоценологией). Вместе с группой энтузиастов, Волжско-Камского заповедника Николай Александрович создал там многолетнюю базу исследований по тетраподологии.

Н. А. Ливанов — автор более 50 научных работ, посвященных решению эволюционно-морфологических вопросов. В качестве объекта исследований он избрал высших червей, которые являются центральной группой беспозвоночных, так как у них впервые в животном мире появляются системы органов, характерные для высокоорганизованных животных. При изучении тонкого строения нервной системы полихет Н. А. Ливановым был установлен состав и функциональное значение нервных клеток в центральной нервной системе. На основе изучения организации высших червей Ливанов дал новое объяснение вторичной полости тела — целома. Полученные им данные вошли во второй том «Руководства по зоологии» (1937–1940 гг.).

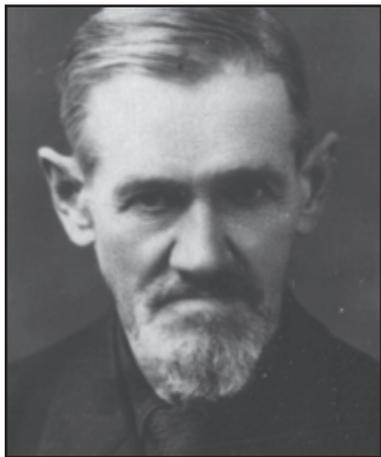
В 1945 году в «Ученых записках Казанского университета», а затем отдельным изданием, вышла его монография «Пути эволюции животного мира — анализ организации главнейших типов животного мира» (1955 г., Здесь на основе систематического анализа животных в единстве с условиями окружающей среды Ливанов расширил и углубил теоретические положения о ходе эволюционного процесса, выдвинутые крупнейшим зоологом-эволюционистом академиком Н. А. Северцовым.

Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени (1944), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Яков Петрович Коксин

(1880–1969 гг.)

Чучела в его руках, как живые...

Коксин Я.П. родился в Саратове в семье мещан. В 1892 году окончил в родном городе училище, работал учеником наборщика, а потом наборщиком в типографии газеты «Саратовский листок» (1895–1902 гг.). Впоследствии обучался препаровочному искусству у Федора Карловича Лоренца в Москве — ученого-орнитолога, основателя московской школы таксидермии.

Для справки:

Таксидермия (с греческого: приведение в порядок; кожа, шкура) — способ изготовления чучел животных, основой при этом является их шкура. Она собирается на некую основу, а полость внутри заполняется наполнителем. Современная таксидермия использует «манекены» (внутреннюю основу из пенополиуретана с анатомическим сохранением пропорций всех частей тела и объема мышц). В основном таксидермия применяется для изготовления музейных экспонатов, а также для сохранения охотничьих трофеев.

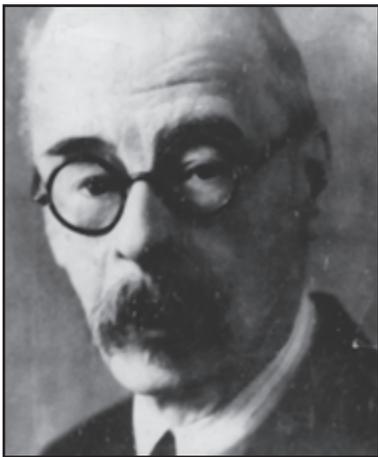
Яков Петрович работал в мастерской наглядных учебных пособий Ф. Ф. Шиллингера (активный деятель охраны природы первых лет советской власти и талантливый таксидермист) препараторским помощником (1904–1906 гг.) В г. Минусинске, в музее им. Мартьянова, Яков Петрович Коксин оставил сделанные им чучела марала, кабарги, красного волка, группы коз и птиц (1906–1909 гг.) Много лет работал препаратором-таксидермистом Зоологического музея КГУ (1909–1966 гг.), обеспечивая его сохранение в годы Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Я. П. Коксин был охотником, великолепно знал фауну позвоночных местного края, постоянно пополняя коллекции музеев — Зоологического музея Казанского университета и Городского (позднее — Государственного, а ныне — Национального) музея Республики Татарстан, где всегда привлекали внимание посетителей его работы, в том числе биогруппы (особенно «Времена года»). Кроме регулярных поездок в Поволжье (до Жигулей), преимущественно в Казанской губернии, Яков Петрович был в экспедициях в Туве («Урянхайский край», 1911–1913 гг.), Монголии, Уссурийском крае. Доставил в Зоомузей 2 вида рептилий, 70 видов птиц, 6 видов млекопитающих. В их числе: тундряная куропатка и саджа, волнистый попугайчик и корелла, колонок и нутрия и другие. Из Тувы Коксин доставил восточного щитомордника, бекаса, тушканчика-прыгуна и кабаргу, создал биогруппу «Тетеревиатник с голубем». «Изящное и с превосходным знанием техники изготовление препаратов характеризует этого деятеля Зоологического музея» — так характеризовал в 1920-е годы мастерство Якова Коксина профессор университета, ихтиолог

Алексей Остроумов: «Коксин является в настоящее время самым талантливым препаратором в СССР, его работы неоднократно премировались на Всероссийских и Международных выставках» (Макушок, 1928 г.). Яков Петрович — соавтор Каталога Московской художественной мастерской чучел (с А. Д. Кравченко, В. В. Рогозовым, 1908 г.), автор работы «Птицы парка КГПИ» (ныне — парк Казанского Суворовского училища), опубликованной в «Ученых записках Казанского педагогического института» (1939 г.) Награжден Почетной грамотой Верховного Совета ТАССР (1944 г.), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1951 г.)

Андей Яковлевич Недошивин
(1883–1950 гг.)

Заставлял студентов думать

Завершив учебу в родной Вятской гимназии, Андрей Яковлевич Недошивин поступил в Казанский университет, учился также в Петербургском университете. В 1910–1912 годах

он работал в лабораториях Никольского рыбноводного завода. Исследовал промысел сельди в Каспийских экспедициях, обрабатывал их материалы, будучи старшим специалистом по рыбоводству в Департаменте земледелия (1916–1917 гг.) Участвовал в экспедициях на Белом, Баренцевом, Азовском морях, работал в Дагестане и Казахстане.

В 1928–1931 гг. трудился в Баку, заведовал Азербайджанской научно-промысловой рыбохозяйственной станцией, кафедрой ихтиологии рыбопромышленного института. Был профессором кафедры рыбоведения политехнического института. С 1933 по 1950 годы Андрей Яковлевич Недошивин заведовал кафедрой зоологии в Казанском государственном университете. С 1935 по 1945 год был деканом биологического факультета, руководил работой Зоологического кабинета.

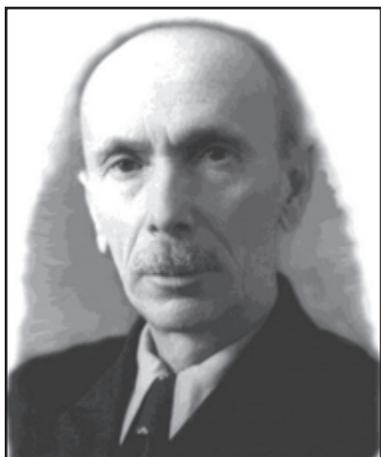
Интересный факт

Андрей Яковлевич Недошивин в Советском Союзе был известным ихтиологом, и за большой вклад в науку получил ученое звание профессора, даже не имея ученой степени доктора. Он читал студентам курс зоологии позвоночных, на экзаменах заставлял думать, а «не выдавать на-гора» зазубренный текст. Пор университету ходили легенды о его дополнительных вопросах, которых особенно боялись студенты младших курсов. Нередко на экзаменах только так срезались отличники на этих дополнительных вопросах, требующих соображения, а не механического ответа. Рассказывают, что однажды Недошивин поставил в тупик одного студента-первокурсника, спросив его: «Что будет делать лягушка, если ей дать мертвую муху?»

Да ничего не будет, потому что лягушки берут только движущуюся добычу! Студент сел в лужу, образно выражаясь... Еще один каверзный вопрос из копилки А. Я. Недошивина: «Как лечить болезни легких у рыб?» (как известно, у рыб нет легких). Студент, рассказывали, не сумев ответить, с гонором заявил, что, мол, он пришел учиться на зоолога, а не на ветеринара... Какую оценку при этом поставил в зачетку студенту Андрей Яковлевич, история умалчивает...

Владимир Исаакович Баранов
(1889–1967 гг.)

Основатель палеоботаники

Баранов В. И. — талантливый советский ботаник, доктор биологических наук, заведующий кафедрами ботаники Пермского и Казанского университетов, основатель нового научного направления — палеоботанического.

Родился в 1899 году в селе Нырты Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне село Большие Нырты Сабинского района). После завершения учебы в 3-й Казанской гимназии Владимир Ба-

ранов поступил в Казанский университет, который окончил в 1913 году. Пять лет после этого работал на кафедре ботаники университета в должности лаборанта и лекционного ассистента.

В этот период Владимир Исаакович уже сформировался как геоботаник, так в 1915 году он участвовал по поручению Казанского губернского земства в экспедиции по обследованию пойменных лугов в низовье реки Свияги и по реке Волге близ Свияжска.

В 1918 году В. И. Баранов поступил в аспирантуру в Томский университет, в 1921 г. возглавил кафедру экологии и географии растений в Омском сельскохозяйственном институте, в 1929–1932 руководил кафедрой ботаники в Пермском университете. Участвовал по заданию Омского губернского земства в почвенно-геоботанической экспедиции в Западной Сибири, провел геоботанические исследования в Барабинской степи, в 1922–1924 годы обследовал Васюганско-Абинские болота на Обь-Иртышском водоразделе, участвовал в обширных геоботанических исследованиях Восточного Алтая и в составлении почвенно-геоботанических карт в Горной Шории. В 1930–1931 годы В. И. Баранов руководил почвенно-агрономическим отрядом Монгольской экспедиции АН СССР.

В 1932 году В. И. Баранов вернулся в Казанский университет и возглавил кафедру ботаники. Вначале он продолжил обработку материалов, собранных в Монгольской Народной Республике, чуть позже руководил геоботаническими исследованиями на Северном Урале, в Башкирии, Западной Сибири, Татарии, Кировской области, готовил материалы в книгу «Флора ТАССР». Эта работа

не была им доведена до конца, но подготовленные им материалы были впоследствии использованы коллективом кафедры ботаники Казанского университета при формировании «Определителя высших растений Татарской АССР» (1979 г.).

В 1935–1936 годы Владимир Исакович проводил геоботанические описания торфяников и карстовых воронок в районе г. Зеленодольска. В годы Великой Отечественной войны В. И. Баранов руководил секцией растительного сырья в Научно-техническом Совете при Госплане ТАССР, обследовал заросли витаминоносных шиповников в Лаишевском и Кузнечихинском районах ТАССР, работал над получением сахарного сиропа из березового и кленового соков, изучал кормовые сапропели Татарии.

В дальнейшем В. И. Баранов увлекся палеоботаническими исследованиями и фактически основал солидное палеоботаническое направление, добившись вместе со своими учениками больших успехов. В частности в 1959 году им была опубликована монография «Этапы развития флоры и растительности в третичном периоде на территории СССР». Под руководством В. И. Баранова на кафедре сформировались палеопалинологическое эмбриологическое направления исследований.

Иван Сергеевич Башкиров (1900–1980 гг.)

Через тернии – к звездам

Иван Сергеевич Башкиров родился в семье ветеринарного врача в уездном городе Спасске (премником которого нынче является город Болгар) в 1900 году. Окончил Казанскую гимназию № 3 в 1918 году и поступил в КГУ, учился на геолого-биологическом отделении Казанского университета. Некоторое время работал в Спасском уездном продовольственном комитете, участвовал в кампании по борьбе с голодом (1921–1923 гг.).

...Башкирова отчислили с 3-го курса, хотя он уже начал заниматься научно-исследовательской работой, успел побывать на производственной практике в Крымском заповеднике, сыгравшем впоследствии роковую роль в его биографии. Причиной отчисления, по словам самого Ивана Сергеевича, была занятость работой: он заведовал Казанским Зоологическим садом, организованным к тому времени группой энтузиастов из окружения А. А. Першакова.

В январе 1930 года И. С. Башкиров подает заявление ректору КГУ с просьбой о восстановлении, которое

обосновывает так: «Занятость (заведование Зоологическим садом) не позволила мне восстановиться до сих пор; но в настоящее время, в связи с реорганизацией университета, вводится близкая мне специальность — звероводство, по которой я и хотел бы кончить».

Восстановление состоялось только «со второго захода», осенью 1931 года. К тому времени у Ивана Сергеевича уже была семья. Они с Фатимой Ибрагимовной Терегуловой (1901–2009 гг.), тоже выпускницей КГУ, ихтиологом, поженились в 1925 году, и к этому времени их первому сыну Алексею было уже около пяти лет.

К окончанию университета И. С. Башкиров был активным членом секции изучения наземных позвоночных кружка «Любители природы» при КГУ, и он был уже сложившимся ученым, имевшим около десяти печатных трудов. В их числе три работы по Казанскому зооботсаду, одна — по Волжско-Камской краевой промысловой биологической станции. В создании обоих учреждений И. С. Башкиров принимал непосредственное участие. В первом выпуске работ Волжско-Камской биостанции им опубликован, совместно с Н. Д. Григорьевым, очерк охотничьего промысла в Татарии. Это весьма содержательная работа, не потерявшая своего значения и в наши дни.

В одном из выпусков студенческого научного кружка «Любители природы» (1929 г.) И. С. Башкировым впервые упоминается колония степной гадюки в Спасском районе Татарстана, где автором была обнаружена в 1924 году самая северная в ареале популяция этого вида. Еще о двух зоогеографических находках И. С. Башкирова — узорчатом полозе и слепыше в Жигулях на границах своих ареалов — сообщалось в журнале «Природа» (1935 г.).

И. С. Башкиров был организатором и сотрудником Волжско-Камской биостанции (1928–1935 гг.), некоторое время работал в Зверотресте, (где, вероятно, участвовал в организации Бирюлинского зверосовхоза). В 1935–1937 гг. он — сотрудник Кавказского заповедника, где начал работы по восстановлению кавказского зубра, составив документ «Восстановление зубра на Кавказе. План мероприятий», утвержденный Главным управлением по заповедникам, зоопаркам и зоосадам в январе 1937 года. Затем И. С. Башкирова приглашают в Сухуми директором обезьяньего питомника, на что он дал согласие при условии организации там серпентария. Но Главк отклонил это предложение, рекомендовав И. С. Башкирову заняться восстановлением зубра в Крымском заповеднике. Кроме зубра, Иван Сергеевич собирался заниматься акклиматизацией в Крыму белки-телеутки.

В 1938 году И. С. Башкиров стал заведующим сектором зоологии Крымского заповедника, активно занимался восстановлением зубра. Именно он инициатор этого дела, которому посвящены четыре его работы, не считая неопубликованных.

И. С. Башкиров работал в Крыму, оккупированном гитлеровцами (был оставлен властями для помощи партизанскому сопротивлению), вступил в ополчение. Осенью 1941 года он был захвачен оккупантами с оружием в руках (при этом сильно избит; последствия — болезни почек, остались до конца жизни) и вскоре, благодаря встрече с немецким офицером-зоологом, направлен вместо концлагеря в Крымский заповедник на правах военнопленного. Позднее И. С. Башкиров составил план восстановления заповедника, поскольку здания его были уничтожены. «За со-

трудничество с оккупантами» И. С. Башкиров, по некоторым сведениям, был приговорен партизанами к смерти... Так ли это было на самом деле, установить нельзя — материалы суда неизвестны, в КГБ РТ данных нет...

В конце 1943 года партизанское командование предложило И. С. Башкирову переправить его в Москву с партизанского аэродрома. Но он, поблагодарив связного, просил передать, что лучше попытается «уйти на лодке из отрезанного Крыма, чем вернуться вновь в коммунистическое бесправие».

В начале 1944 г. И. С. Башкиров был вывезен в Германию, где в рабочем лагере занимался лесными разработками в Гарце. За месяц до конца войны он смог уйти из лагеря навстречу американской армии. В лагере Менхехоф под Касселем он вступил в НТС (Народно-трудовой союз) и участвовал в работе издательства «Посев».

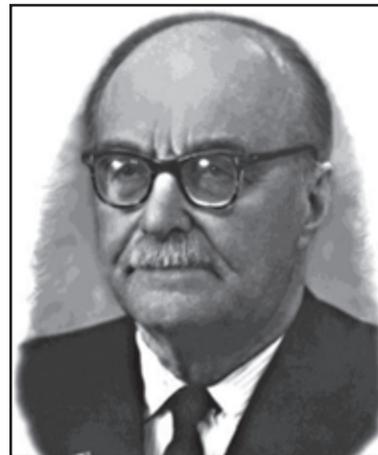
В 1947–1952 гг. И. С. Башкиров работал в Институте защиты растений в Марокко, написал книгу по прикладной орнитологии (о защите огородных и полевых культур от птиц), опубликованную в г. Рабат на французском языке (1953 г.). Затем Башкиров снова в Европе, во Франкфурте-на-Майне, работает в НТС и его печатных органах «Посев и «Грани». От работы в зоопарке, которая была предложена ему, по-видимому, директором зоопарка, известным зоологом Б. Гржимеком, он отказался. В 1952–1953 гг. И. С. Башкиров — заместитель председателя Берлинского комитета помощи беженцам, с 1954 г. — в Институте изучения СССР при НТС.

Биологией в ту пору Башкиров он уже не занимался, если не считать статьи в журнале «Грани» о разгроме советской генетики Т. Д. Лысенко (1959 г.).

С 1962 г. И. С. Башкиров был работником оперативной системы НТС (по анализу и обработке информации), писал статьи, обзоры, рецензии в периодических изданиях под своим именем или под псевдонимом «Ив. Сергеев». С 1973 года по состоянию здоровья участвовал только в работе редакции «Посев» по отделу библиографии, а в последние два года уже не мог работать. Ему были сделаны операции на почках и на желудке, после чего наступило временное улучшение общего состояния здоровья. И. С. Башкиров умер 30 апреля 1980 года в городе Франкфурт-на-Майне в Германии и похоронен на русском кладбище г. Висбаден

Михаил Васильевич Марков (1900–1981 гг.)

Человек выдающегося трудолюбия

В области геоботаники и лингвистики Казанский университет прославила династия Марковых. Ее первый представитель — лингвист Василий Алексеевич Марков. А его сын Михаил Васильевич Марков — один из основателей

Казанской школы геоботаников, который внес заметную лепту в изучение флоры и растительности Востока Европейской России, развил идеи основоположников казанской геоботанической школы, основал и возглавил новые направления в геоботанике. М. В. Марков известен как прекрасный педагог, воспитавший большое число ботаников, которые успешно продолжают традиции своего учителя.

М. В. Марков родился 27 ноября 1900 года в городе Царицыне (ныне Волгоград). После окончания с золотой медалью гимназии поступил одновременно в два учебных заведения: в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета и в институт сельского хозяйства на агрономический факультет.

Его будущий научный руководитель А. Я. Гордягин вел занятия как в одном, так и в другом вузе. Учитель был рад тому, что его ученик обладал выдающейся трудоспособностью и в годы учебы «достиг таких результатов, какие обыкновенно не достигаются студентами при прохождении ими курса» (из характеристики, данной А. Я. Гордягиным). Студент Марков был постоянным участником ботанических экскурсий, организуемых А. Я. Гордягиным, проявлял скрупулезность в освоении методики геоботанических исследований. Уже тогда его первые научные работы «Ход созревания ржи на разновременно-поднятых парах в 1923 году» и «Биометрические наблюдения над *Ficaria ranunculoides* Roth» получили высокую оценку и были напечатаны.

В 1924 году, закончив оба учебных заведения, Михаил Васильевич начинает работать в Казанском университете, и с этого

времени вся его жизнь связана с кафедрой ботаники.

В 1926 году М. В. Марков стал аспирантом кафедры ботаники КГУ и одновременно ассистентом в Казанском сельскохозяйственном институте. Научная, педагогическая, а впоследствии и общественная работа стали для него нормой жизни. С 1930 по 1947 год Марков заведовал кафедрой ботаники сельскохозяйственного института, одновременно работал и на кафедре ботаники КГУ, с 1945 по 1974-й — кафедрой ботаники КГУ, девять лет был в университете проректором по учебной работе, одиннадцать лет — деканом биолого-почвенного факультета. С 1948 года он возглавлял общество естествоиспытателей при Казанском университете, а позднее, до 1974 года, был председателем Казанского отделения ВБО. С 1974 по 1981 годы — профессор-консультант кафедры ботаники КГУ.

Михаил Васильевич неоднократно выезжал в командировки в Ленинград для изучения специальной литературы и освоения новейшей методики геоботанических исследований, работал в Гербарии БИНа. В одну из творческих командировок он освоил методику споро-пыльцевого анализа, близко сошелся с научным руководителем лаборатории болотоведения Ленинградской лесотехнической академии, будущим известным академиком В. Н. Сукачевым. В лаборатории болотоведения в БИН АН СССР под руководством Л. И. Савич М. В. Марков осваивал методику определения мхов. Командировки в Ленинград проходили в зимние месяцы, а летом Михаил Васильевич продолжал геоботаническое изучение Закамских кантонов (Бугульминский, Мензелинский и Челнинский). По материалам исследо-

ваний сделал доклад на III Всесоюзном ботаническом съезде (1928 г.) и заявил о себе как о сложившемся и перспективном ботанике. Геоботанический обзор широколиственных лесов Закамья М. В. Марков подготовил в форме кандидатской диссертации, которую успешно защитил в 1937 году в Ленинграде, обзор хвойных лесов был напечатан в «Ученых записках КГУ». В мае 1939 года он блестяще защитил докторскую диссертацию.

Взаимоотношения леса и степи в условиях Закамья, растений в растительных сообществах, а также структура и организация луговых фитоценозов — решению этих научно-практических проблем посвящены многие работы М. В. Маркова. Михаил Васильевич стал одним из основоположников нового направления в геоботанике — агрофитоценологии (наука о создании искусственных посевов и посадок).

В военное время М. В. Марков участвует в экспедиции, организованной Главным Ботаническим садом Москвы. Результатом этих исследований стала объемная статья «Шиповник в пойме р. Волги». Кроме того, в годы войны Марковым были написаны статьи о дикорастущих лекарственных и сорных растениях Татарии.

С 1948 года М. В. Марков возглавлял Общество естествоиспытателей при Казанском университете, а позднее — Казанское отделение Всесоюзного Ботанического Общества. В 1944–1948 гг. развертываются работы по изучению флоры и растительности пойм рек Волги и Камы в пределах ТАССР. Тема исследований была предложена производственниками в связи с начинающимся строительством Куйбышевской ГЭС и созданием Куйбышевского водохранилища. В 1955 году появилась коллективная монография «Флора и растительность поймы рек Волги и Камы

в пределах ТАССР». В научных кругах этот двухтомный труд получил самую высокую оценку. Рецензент С. А. Никитин отметил, что в отечественной науке еще не было столь обстоятельного труда по пойменной флоре и растительности.

За долгую и плодотворную жизнь талантливый педагог и ученый, воспитавший не одно поколение биологов, создал дружный и сплоченный коллектив ученых-геоботаников. А научные традиции династии Марковых продолжил один из ярких представителей Казанской лингвистической школы, основанной Бодуэном де Куртене — Виталий Михайлович Марков, профессор, доктор филологических наук.

Продолжил исследования в области геоботаники внук Михаила Васильевича Маркова — Михаил Витальевич. Его круг интересов сформировался под влиянием деда еще в школьные годы. С первого курса Михали Витальевич выступал с научными докладами на студенческих научных конференциях. К окончанию университета имел очень добротный материал по структуре ценопопуляции малолетних сорняков, что позволило ему успешно завершить целевую аспирантуру у профессора Т. А. Работнова на кафедре геоботаники МГУ.

Интересный факт

Е. Л. Любарский, в 1953 году окончивший с отличием Казанский университет по кафедре геоботаники и оставленный на кафедре в должности ассистента, исследовал луга в пойме малой реки Меши на территории Татарской АССР (1956, 1958 гг.). В этой работе не только отразились идеи его учителя М. В. Маркова (например, использование доминантно-флористической классификации и двумерной экологической ординации

луговой растительности в соответствии с богатством и увлажнением почвы, исследование взаимоотношений между различными видами луговых растений в растительных сообществах), но были проведены эксперименты по удобрению пойменных лугов. В том числе проведен производственный эксперимент по удобрению лугов с самолета с расчетом экономического эффекта

Дмитрий Иванович Асписов
(1902–1982 гг.)

Ученый с охотничьим азартом

После окончания лесного факультета КИСХЛ Дмитрий Асписов был одним из активных участников секции изучения наземных позвоночных студенческого кружка «Любители природы» при КГУ. Молодого ученого всегда интересовали вопросы охраны природных территорий, много времени Д.И. Асписов уделял заповедным делам, восстановлению Ботанического сада, привлекая к этому сотрудников Национального музея, Зооботсада, Волжско-Камской краевой

охотничье-промысловой биологической станции. Был одним из организаторов проведения первых «Дней птиц» в Татарии (1928–1929 гг.). Занимался изучением птиц и млекопитающих, преимущественно промысловых видов.

В 1927–1930 гг. Дмитрий Асписов работал научным сотрудником Комитета по охране природы при Музейном отделе, участвовал в мероприятиях I Всероссийского съезда деятелей по охране природы (1929 г.). В 1932 году заведовал охотоведческими курсами при КГУ.

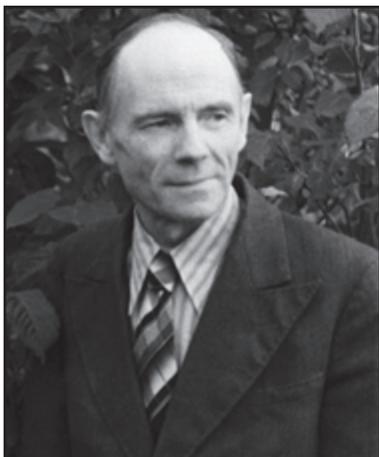
В работах Волжско-Камской биостанции была опубликована его монография «Заяц-беляк» (1936 г.), защищенная в КГУ в качестве кандидатской диссертации в 1940-м году. В ту пору, кстати, заяц-беляк был довольно распространен на территории Татарии. Но уже тогда в научных рекомендациях Д. И. Асписова звучали тревожные звоночки по поводу этого животного, безудержная охота на которого может привести к значительному сокращению вида. Прогнозы, как видите, были не лишними — сегодня заяц-беляк оказался в Красной книге РТ и подлежит особой охране.

В Волжско-Камской краевой охотничье-промысловой биологической станции (Волжско-Камском отд. животного сырья и пушнины, затем Волжско-Камской лаборатории ВНИИОЗ) Д. И. Асписов прошел все должности от внештатного сотрудника до заведующего, на протяжении всей жизни занимаясь изучением промысловых зверей. В этот список входили не только зайцы, но и выхухоль (к настоящему времени уже исчезнувшая в нашем крае), волк, лесная куница, горностай (значится в Красной книге РТ), американская норка, лось, белка, ондатра. Интересной была работа

Д. И. Асписова о серой вороне (1932 г.), в то время весьма вредившей в охотничьих хозяйствах.

Евгений Павлович Кнорре
(1902–1986 гг.)

Навеки сроднился с лесом

Е. П. Кнорре родился в 1902 году в Пензе в дворянской семье из династии потомственных лесоводов, одновременно по линии отца и матери (Кнорре — Тюрмер). В 1919 году окончил Пензенскую мужскую гимназию и поступил в Судогодский Практический Лесной институт во Владимирской области. В 1923 году перевелся на лесной факультет Казанского института сельского и лесного хозяйства. После его окончания Евгений Павлович получил назначение в Бузулукский Бор, начал работать и вскоре добился организации там заповедника (1932 г.). Занимал в заповеднике должности и.о. директора, затем заведующего научной частью (1938 г.). Изучал тетрапод, преимущественно птиц, увлекся лосем и идеей его одомашнивания.

С началом Великой Отечественной войны «из-за своей немецкой национальности» Е. П. Кнорре был переведен на восток Оренбургской области главным лесничим, затем его назначили прорабом лесной колонии Волжлага НКВД, где он работал на строительстве железной дороги Свияжск — Сталинград. В 1944 году его переводят старшим лесничим Печоро-Ильчского заповедника, где при содействии руководства (Г. Г. Шубина и В. П. Теплова) Евгений Павлович организует лосиную станцию. Итоги исследований Е. П. Кнорре оформил в виде ряда статей, диссертация на ученую степень кандидата биологических наук получила название «Лось в СССР» (1949 г.).

Позднее, в начале 1960-х годов, Евгений Павлович Кнорре перевелся в только что организованный Волжско-Камский заповедник в Татарии, продолжал изучать тетрапод, описывал изменения в орнитофауне Раифского леса за минувшие сорок лет. В книге о заповеднике (1969 г.) издает обзор фауны позвоночных (с В. И. Гараниным). Работа Е. П. Кнорре об изменениях в поведении лося в процессе одомашнивания была опубликована в журнале «Канадский натуралист» (1974 г.).

Объектами исследований ученого, кроме лося, были также большой пестрый дятел и глухарь. Выйдя на пенсию, Евгений Павлович проживал в городе Зеленодольске, при этом постоянно путешествовал по окрестным лесам. И однажды открыл в низовьях реки Сумки (левого притока Волги) колонию серой цапли — одну из крупнейших в средней полосе Евразии от Венгрии до озера Байкал (более 400 гнезд). В 1983 году эта колония была выделена

в качестве памятника природы республиканского значения. Здесь зоологи КГУ ежегодно проводили учетные и другие работы (1972–2017 гг.). После смерти жены Елены Константиновны Евгений Павлович Кнорре уехал к родственникам в город Энгельс Саратовской области, где и жил до своей смерти в 1986 году.

Интересный факт

Научному сообществу биологов хорошо известная оригинальная книга Е. П. Кнорре «Лосеферма на Печоре». Ее тема уникальна — она посвящена одомашниванию лося, одного из наших самых крупных копытных животных. Е. П. Кнорре успешно осуществил этот научный эксперимент в Печоро-Илычском заповеднике. Книга интересно написана, и в то же время здесь собран уникальный научный материал. Рассказы людей, работавших на лосеферме бок о бок с автором, Е. П. Кнорре, складываются в единую картину научных будней, а разные точки зрения наполняют книгу интересными деталями...

Александр Владимирович Лукин
(1903–1991 гг.)

Приоритетом стала ихтиология

Зоолог, ихтиолог, доктор биологических наук (1946 г.), профессор (1949 г.).

В течение 1923–1924 гг. А. В. Лукин учился в Крымском университете в Симферополе. Затем, вплоть до 1927 года, продолжил учебу на физико-математическом факультете Казанского государственного университета по специальности «вариационная статистика», а с 1927 г. по 1931 г. он студент биологического отделения физико-математического факультета КГУ по специальности «зоология».

В 1931 году после окончания университета А. В. Лукин был принят на работу старшим научным сотрудником рыбохозяйственной станции Татохотрыбкосоюза. Был заместителем директора по научной работе Татарского отделения ВНИОРХ, а с 1933 по 1962 г. — директором Татарского отделения ВНИОРХ (ГосНИОРХ). С 1962 по 1981 гг. Александр Владимирович — профессор кафедры зоологии позвоночных КГУ, с 1981 по 1984 г. (до выхода на пенсию) — профессор-консультант этой кафедры.

В 1937 году без защиты диссертации, по совокупности работ, А. В. Лукину была присуждена ученая степень кандидата биологических наук, а в 1946 году он защитил докторскую диссертацию «Основные черты экологии осетровых в Средней Волге» в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде. В 1949 году А. В. Лукину присуждено ученое звание «профессор» по специальности «ихтиология». Хорошо известны его труды по ихтиологии, рыбоводству и рациональному использованию рыбных ресурсов водоемов Среднего Поволжья.

А. В. Лукин передал в Зоомузей КГУ белугу, выловленную на Волге возле населенного пункта Тетюши (1946 г.), рыбу-ласточку из Индийского океана, а также большого суслика с окраины Казани (1978 г.).

А. В. Лукин награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», орденом «Знак Почета».

Владимир Порфирьевич Теплов (1904–1964 гг.)

Всю жизнь развивал науку в заповедниках

Теплов В.П. родился в Казани в семье врача. В 1914 году поступил в Мануйловскую гимназию в Казани, но окончил школу 2-й ступени в Буинске, куда в 1918 году, потеряв отца, Владимир Порфирьевич переехал с матерью.

Одно время работал оспопрививателем в отделении профсоюза по оказанию помощи голодающим и безработным. Поступил в Казанский университет в 1922 году, а в 1924-м В.П. Теплов перевелся на Лесное отделение КИСХЛ (1924–1928 гг.), принимал активное участие в работе Кабинета лесных птиц и зверей.

Но от судьбы, говорят, не уйдешь — вскоре вновь Владимир Порфирьевич вернулся в КГУ, на биологическое отделение физико-математического факультета, где открылась специальность по тетраподам (1928–1930 гг.) под руководством А. А. Першакова.

Одно время (в 1918 г.) В.П. Теплов был председателем кружка «Любители природы» при КГУ и секции по изучению наземных позвоночных, при этом

пользовался огромным авторитетом среди студентов. С 1925 года Владимир Порфирьевич являлся членом оргкомитета и сотрудником Казанского зооботсада, уполномоченным по организации Волжско-Камской биостанции, затем ее заведующим (1928–1932 гг.), заместителем директора по научной работе (1932–1935 гг.)

Владимир Порфирьевич был членом Совета по изучению миграций животных, начав эту работу в Казани в 1925–1928 гг. под руководством А. А. Першакова, затем продолжив ее на Кавказе и на Печоре. В. П. Теплов разработал методы массового отлова птиц, по его инициативе в кольцевании водоплавающих стали участвовать сотрудники госохотинспекций.

Некоторое время Владимир Порфирьевич работал в Кавказском заповеднике заведующим комплексной станцией, зоологическим сектором (1935–1937 гг.). В 1941–1942 гг. В. П. Теплов находился в армии, но был демобилизован по состоянию здоровья. В Печоро-Илычском заповеднике в годы Великой Отечественной войны он работал старшим научным сотрудником, заведующим научной частью, а с 1944-го по 1952 годы — директором.

В. П. Теплов — соавтор работ «Млекопитающие Печоро-Илычского заповедника» (с Е. Н. Теплоевой, 1947 г.), «О значении серой вороны в пойменных охотничьих угодьях среднего течения реки Оки» (с И. С. Туровым, 1956 г.).

Последним местом работы В. П. Теплова стал Окский заповедник (1952–1964 гг.), где он руководил научным отделом и собрал сильный коллектив сотрудников. Им были организованы Группа биосъемки и Центральная орни-

тологическая станция в 1956 году — первая в СССР. Владимир Порфирьевич разработал методики учета птиц и зверей, проводимого по всей России. Только в 1956–1960 гг. по этой методике были окольцованы 206 500 птиц.

В. П. Теплов — автор и соавтор цикла работ по учетам пернатой дичи в РСФСР. По его инициативе в системе Главохоты были организованы Северная, Южная и Дальневосточная орнитологические станции. С середины 1950-х годов Владимир Порфирьевич принимал участие в орнитологических совещаниях, посвященных изучению птиц Волжско-Камского края. Он кандидат биологических наук, его работа «Глухарь в Печоро-Илычском заповеднике» опубликована в 1947 году. Научным руководителем был известный ученый — биогеограф, эколог и зоолог А. Н. Формозов.

Примечательно, что работы В. П. Теплова касаются и многих других видов позвоночных животных, таких, как: таймень, хариус, щука, белый гусь, лебедь-кликун, кряква, глухарь, филин, серая ворона, выхухоль, лось, кабан, волк, лисица, бурый медведь, дикий кот, лесная куница, горностай, барсук, выдра, росомаха, зайцы, белка, бурундук, сурок, бобр, водяная полевка. Владимир Порфирьевич подготовил докторскую диссертацию, но завершить ее не успел...

Мария Марковна Алейникова
(1906–1988 гг.)

*Вредителям сельского хозяйства —
научный отпор*

Мария Марковна родилась в Симбирске в семье зубного врача. В 1922 году окончила Симбирскую 9-ю школу 2-й ступени. Поступила в Казанский университет, где стала специализироваться на кафедре зоологии беспозвоночных.

В студенческие годы (1923–1929 гг.) активно участвовала в работе научного кружка «Любители природы». Занималась беспозвоночными, в основном, вредителями сельского хозяйства. Ряд лет (1929–1945 гг.) руководила отрядом по борьбе с вредителями сельскохозяйственных культур НК земледелия ТАССР, изучая, в частности, саранчевых. В 1950 году Мария Марковна защитила кандидатскую диссертацию по теме «Азиатская саранча Татарской АССР», ее научным руководителем был доцент К. И. Попов.

С 1946 года работала в Институте биологии КФАН СССР, где руководила группой энтомологов, позднее завела основанной ею лабораторией почвенной зоологии (1962–1976 гг.) Кроме

почвенной фауны, в частности, фауны агробиоценозов (с Н. М. Утrobiной, К., 1969 г.) объектами исследований кандидата биологических наук М. М. Алейниковой были гельминты зайца-беляка. Изучала она также питание некоторых позвоночных-энтомофагов, в частности, амфибий и ящериц полевых защитных лесных полос (1951 г.) М. М. Алейникова соавтор монографии по парцеллярной структуре елово-широколиственных лесов (с В. С. Порфирьевым, Н. М. Утrobiной, 1975 г.).

Николай Дмитриевич Григорьев
(1906–1977 гг.)

*Ученый, охотник, писатель и просто
хороший человек*

Имя Николая Дмитриевича Григорьева хорошо известно любителям природы, экологам и биологам Татарстана, особенно тем, кто учился и работал в Казанском университете. Вдумчивый ученый с большой практической жилкой, многие годы связанный с Казанским зооботсадом,

возглавлявший его много лет, в том числе в годы Великой Отечественной войны.

Николай Григорьев родился в 1906 году в Стерлитамаке Уфимской губернии. Его отец — конторский служащий из крестьян, умер в 1917-м, семья переехала в Казань. С 13 лет Николай начинает работать — рассыльным в магазине, табельщиком в селе Мурзиха. В 1923 году после успешного окончания общеобразовательных курсов Григорьев поступает в Казанский университет на биофак. Уже через год он становится членом правления студенческого научного кружка «Любители природы», чуть позже — учредителем секции «Изучение наземных позвоночных животных». Информативными и очень интересными были студенческие доклады Григорьева: «Птицы учебно-опытного Сретенского лесничества», «О гнездовании зимородка», «О встрече розового скворца», «Об охотничьих хозяйствах Мензелинского кантона», «Об организации Салаушского охотничьего хозяйства (территория нынешнего Агрызского района) и многие другие. Николай Григорьев был участником 1 Всероссийского съезда по охране природы в 1929 году.

Значительная часть жизни ученого, плодотворно совмещавшего науку с практикой, была связана с Казанским зооботсадом. В 1925 году, еще будучи студентом университета, Николай Григорьев избирается членом оргкомитета зооботсада, в 1931 становится его директором вплоть до 1933-го, возглавляет зооботсад также с 1943 по 1949 годы. Григорьев принимал активное участие в организации Волжско-Камской охотничье промысловой биологической станции, позднее переименованной в лабораторию ВНИИ охоты и звероводства.

Здесь он, кстати, работал с 1928 года вплоть до конца своей жизни: сотрудником, заместителем директора, директором, часто участвуя в экспедиционных поездках.

В январе 1941 года, возвращаясь из очередной командировки по Закамью, из-за отсутствия попутного транспорта Григорьев шел пешком до Чистополя, но попал в буран, сильно замерз. Пришлось ампутировать пальцы на обеих руках, несмотря на эту беду ученый продолжал вести активную жизнь, пользуясь протезами. Научился держать ими ложку, нож и даже писать, продолжал выезжать в экспедиции. Более того, он не потерял присущей ему в любой обстановке жизнерадостности. В компаниях Григорьев слыл весельчаком, знал массу анекдотов и очень хорошо умел их преподнести публике.

Во время Великой Отечественной войны Николай Дмитриевич работал при биоотделении Академии наук СССР, которая базировалась в Казани — старшим научным сотрудником Комиссии по расширению пищевых и кормовых ресурсов. Это было очень важно для разведчиков, десантников, партизан и других бойцов Красной Армии, попавших в окружение. По этой теме Григорьевым совместно с другим известным ученым экологом Виктором Алексеевичем Поповым — были опубликованы в 1943–1944 гг. две работы.

Одна из них послужила основой для выставки «Дополнительные пищевые ресурсы из мира животных и растений», которая состоялась в Казани в 1943 году. Отмечу большую роль Николая Григорьева в сохранении в голы войны в Казанском зооботсаде животных из эвакуированного Ленинградского зоопарка.

Был награжден Почетной грамотой Верховного Совета ТАССР (1944) и медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Григорьев избирался депутатом Сталинского районного Совета Казани, был членом Ученого совета Госмузея ТАССР, Республиканского совета и председателем секции охраны животных Татарской организации Всероссийского общества охраны природы. членом совета Общества естествоиспытателей при КГУ, Н. Д. Григорьев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Экология и промысел крота в Волжско-Камском крае» (1940 г.), которая стала одной из первых «видовых» монографий по тетраподам (наземным позвоночным). Позднее Николай Дмитриевич продолжает заниматься как общими вопросами охотоведения, охраной природы, так и изучением отдельных видов и групп тетрапод. Известны его работы по млекопитающим: выхухоль (1930 г.), крот (1940, 1964, 1965 гг.), лисица (1940 г.), песец (1952 г.), горноста́й (1938, 1939 г.), колонок (1929, 1951 гг.), выдра (1964, 1969 гг.), американская норка (1969 гг.), заяц-беляк (1940 г.), бобр (1951, 1960, 1962, 1963, 1969, 1973–1976 гг.) Он автор очерков «Соколообразные» и «Ракшеобразные» в двухтомнике «Птицы Волжско-Камского края» (1977 г.). Всего ученым было опубликовано 48 работ.

...Весной 1977 года Григорьева, проходившего от зооботсада по улице Хади Такташ, сбил заехавший на тротуар частный автомобиль. Несколько дней ученый пролежал в коме. 23 апреля Николаю Григорьевичу исполнился 71 год, а на следующий день он умер.

Николай Дмитриевич Григорьев писал рассказы о животных, связанных

с зоопарком. Не все рукописи уцелели, но часть их сохранилась, некоторые заметки Григорьева были напечатаны в 1996 году в газете «Природа», выходящей под эгидой Минэкологии РТ. В моем архиве сохранился газетный номер, где в рубрике «Читальный зал «Природы» опубликованы два рассказа Николая Григорьева: «Крокодил и черт» и «Храбрый попугай».

Один из них предлагаем нашим читателям.

КРОКОДИЛ И ЧЕРТ

Рабочий день начался. На столе у директора зоопарка зазвонил телефон, кто-то сердито кричал в трубку:

— Если вы в течение двух дней не примите меры к изъятию находящегося в озере крокодила и не ликвидируете тем самым опасность для населения, я привлеку вас к суровой ответственности!

Директор положил трубку, тяжело вздохнул и произнес:

— Опять насчет проклятого крокодила, когда же закончится вся эта история?!

Вскоре раздался новый звонок, опять разговор насчет крокодила, и так почта каждый час несколько дней подряд.

Дело в том, что вот уже с месяц по Казани ходят тревожные слухи: из зоопарка убежал крокодил. Он обосновался в озере Кабан и своей кровожадностью причиняет гражданам большие несчастья... «Вот совсем недавно крокодил стащил в воду старуху, полоскавшую белье. А на прошлой неделе крокодил утопил мальчика, который купался в озере. А еще на берегу паслось стадо коров

с телятами, так он, проклятый, и на них набросился...».

Слухи росли и множились, директора зоопарка замучили телефонными звонками. Звонили репортеры, родители детей, педагоги, работники общественных организаций, представители административной власти и просто любители всякого рода сенсаций. Все они хотели знать о крокодиле. Каждому из них давался один и тот же ответ: вся история с крокодилом вымысел, так как в зоопарке не было крокодила, а значит, он не мог и убежать...

В чем же дело? Молву о крокодиле распространил один из охранников зоопарка, произошло это так. Территория зоопарка одним своим краем выходит на берег озера, находящегося в черте города. Этот участок был самым удобным для купания и всегда кишел ребятами. Не желая попадать сюда обходным путем, ребята старались проникнуть к озеру через зоопарк, перелезая забор или выламывая в нем доски. Поэтому охранникам было много беспокойства. И вот один из них, уже довольно пожилой, чтобы избавиться от назойливых ребят, пошел на хитрость. Как-то вечером, сидя на берегу в окружении ребят он шепнул им по секрету о побеге только что приобретенного зоопарком крокодила. При этом добавил, что дирекции зоопарка этот факт усиленно скрывает. Крокодил теперь живет в озере, и от этого могут быть несчастные случаи... Рассказ старика произвел сильное впечатление, ребята решили, что ходить на озеро купаться крайне опасно, и об этом надо предупредить других.

И так, переходя из уста в уста, росла и множилась молва о несуществующем крокодиле. Старый охранник достиг своей цели — берег пустовал, а он, когда кто-нибудь заводил разговор о крокоди-

ле, только лукаво посматривал на собеседника и усмехался себе в бороду.

Едва стала забываться эта история с крокодилом, как вспыхнула новая — на берегу озера якобы поселилось неизвестное существо: мохнатое, с длинным хвостом, похожее на черта...

Был такой случай: с мостков несколько женщин полоскали белье. За работой и разговором они не заметили, как какой-то зверь подошел и схватил одну из вещей, сложенных на мостке. Увидевшая это женщина так испугалась, что потеряла равновесие, упала в воду. Другие же успели разглядеть зверя лишь со спины, убегающим и уносящим что-то из схваченного белья.

Женщина, упавшая в воду, приняла зверя за черта. После перенесенного испуга она рассказывала:

— Оглянулась я и вижу: сидит он, нечистый, в красной жилетке, и смотрит на меня, мигая своими зенками, а страшный какой — весь в шерсти и с длинным хвостом. А рогов вот не заметила, не успела...

Был еще более забавный случай. Ранней утром пришла одна девушка на озеро искупаться. Плавала себе, поглядывая на берег. И вдруг увидела, что кто-то возится около ее платья... Подплыв ближе, она заметила, как кто-кто-то небольшой, в красном, схватил что-то из ее одежды, побежал и исчез за кучей дров. Затем успел вернуться и унес остальное... Девушка кричала, но некому было ей помочь. Когда она вышла на берег и прибежала к месту, где лежали ее вещи, то обнаружила только туфли и косынку на голову. Девушка не решалась идти домой в таком виде, ей пришлось довольно долго ждать, пока пришли женщины полоскать белье. Она попросила одну

из них сходить к ней домой и принести необходимые вещи.

После этого эпизода опять пошли слухи о фантастических приключениях на берегу Кабана, виновником которого было таинственное существо, похожее на черта. Снова начались звонки в зоопарк и угрозы директору.

Оказалось, что виновницей «ЧП» на берегу небольшая обезьянка макак-резус, которая жила в дровах на берегу озера. Она убежала из цирка при погрузке животных в поезд. После недолгих попыток обезьянку удалось поймать — работники зоопарка заманили ее в клетку апельсиновыми корками.

Как же существовала обезьянка, находясь длительное время на свободе? Выяснилось, что питалась она свежими овощами, которые воровала на огородах, расположенных на берегу водоема. Хотя обезьянка убежала не из зоопарка, а из цирка, после ее поимки и тех хлопот, которые она всем доставила, директор зоопарка издал строгий приказ своим сотрудникам: следить за тем, чтобы не было побега животных, с угрозой привлечения виновных к суровой ответственности.

Вассиан Сергеевич Порфирьев (1907–1990 гг.)

Его кредо — охрана природы

Окончив в 1930 году Казанский университет по кафедре ботаники, Вассиан Сергеевич Порфирьев поступил в аспирантуру к профессору А. Я. Гордягину. В. С. Порфирьев неоднократно участвовал в экспедициях по инвентаризации лугов ТАССР, проводил обследования Елабужского лесничества, изучал сорно-полевую растительность лесов и кормовых угодий Уральской области. Был начальником геоботанического отряда землеустройства и мелиорации НКЗ ТАССР в 1933 году, активно занимался исследованиями в области лесной геоботаники.

С 1935 года работал в Казанском государственном педагогическом институте на кафедре ботаники сначала в должности ассистента, а затем доцента. В годы Великой Отечественной войны В. С. Порфирьев занимался обследованием растительных ресурсов как оборонного сырья. В послевоенные годы был одним из инициаторов создания Волжско-Камского заповедника в ТАССР.

С 1969 г. перешел на работу в Казанский университет в качестве профессора

первой тогда в истории Казанского университета и вообще в Советском Союзе кафедры охраны природы и биогеоценологии.

Вся дальнейшая деятельность Вассиана Сергеевича Порфирьева связана с работой на этой кафедре, хотя ее название в дальнейшем несколько раз изменялось. Свои геоботанические исследования он проводил с разными типами растительности, но главное направление его исследований — изучение хвойно-широколиственных лесов. Еще в 1944 году В. С. Порфирьев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Темнохвойно-широколиственные ассоциации северо-востока Татарии», а в 1970 г. на основании доклада-обобщения опубликованных работ на тему «Хвойно-широколиственные леса Волжско-Камского края» ему была присвоена ученая степень доктора биологических наук.

В. С. Порфирьев основательно изучил особенности состава, строения, парцеллярной структуры, динамики хвойно-широколиственных лесов Татарии. Особенно много внимания уделял лесам Раифы, которые с 1961 года стали частью Волжско-Камского государственного заповедника, а также лесам, образуемым елью и пихтой на южной границе их ареала в пределах Татарии.

В. С. Порфирьевым вместе с его аспирантами и студентами в лесах на территории нашей республики была создана большая сеть эколого-топографических рядов с детальными описаниями растительного покрова, а также заложены многочисленные постоянные пробные площади, на которых в течение десятилетий им и его учениками продолжались наблюдения. В. С. Порфирьев разработал топо-ценотическую систему единиц

лесной типологии. Предложенная им система единиц ценотических территориальных комплексов позволила более глубоко оценить ландшафтно-экологические закономерности размещения растительности.

Следует отметить, что Вассиан Сергеевич уделял большое внимание вопросам охраны природы, активно участвовал в выделении и учреждении многих государственных памятников природы. Один из них получил название «Пихтарники Порфирьева».

В. С. Порфирьев был активным инициатором всеобщего экологического образования. Результаты исследований В. С. Порфирьева отражены в его многочисленных публикациях.

Награжден орденом «Знак Почета».

Владимир Львович Вагин (1907–1984 гг.)

Ученый и Учитель с большой буквы

Владимира Львович Вагин — выдающийся морской зоолог и паразитолог, профессор кафедры зоологии беспозвоночных Казанского

государственного университета. Будучи студентом Московского и Ленинградского университетов, сотрудником ряда научных учреждений, он получил солидный багаж знаний и профессиональных навыков. В дополнение к этому, в 1930–1950 годах, пройдя горнило суровых испытаний в легендарных научных экспедициях в Арктике и морях Дальнего Востока, он, в конечном счете, сформировался как глубоко эрудированный и высокопрофессиональный зоолог, досконально знающий морскую фауну и методы ее изучения. Л. В. Вагин защитил докторскую диссертацию в 1950 году в Ленинградском университете, а с 1957 года вся дальнейшая жизнь ученого была связана с Казанским университетом.

В. Л. Вагин прошел типичный жизненный путь для зоологов его поколения — от увлечения в детстве собиранием и коллекционированием жуков, бабочек и других животных, учебы в университете — до профессиональных занятий зоологией в поле и лаборатории. Первый опыт работы с зоологическим материалом и технические навыки в анатомировании В. Л. Вагин приобрел в ранней юности (1924–1925 гг.), работая в Крымском университете (г. Симферополь) препаратором у замечательного зоолога петербургской школы, одного из основателей казанской школы сравнительной анатомии беспозвоночных Эдуарда Андреевича Мейера. Здесь же он факультативно посещал лекции биологического цикла. Далее В. Л. Вагин два года обучался на биологическом отделении Ленинградского университета.

В. Л. Вагин был учеником выдающегося русского и советского зоолога Валентина Александровича Догеля,

причем, одним из самых любимых. Об этом свидетельствуют подписи В. А. Догеля на оттисках своих статей, подаренных В. Л. Вагину. Среди них часто встречается такая: «Дорогому Владимиру Львовичу Вагину в знак сердечного расположения от автора». Об учителе В. Л. Вагин всегда вспоминал с большой теплотой, сыновней любовью и благодарностью. Наряду с выдающимся вкладом в зоологию и паразитологию, В. А. Догель, будучи вместе с А. А. Филипченко основоположником экологической паразитологии, создал удивительные по массовости, высокому профессионализму и результативности школы зоологов и паразитологов.

В 1932 году В. Л. Вагин был зачислен в штат Всесоюзного Арктического института, участвовал в экспедициях на ледоколах «В. Русанов», «А. Сибириков», «Г. Седов» (1935–1944 гг.), в Курило-Сахалинской экспедиции (1947 г.), на ледоколе «Ф. Литке» (1948 г.), на судне «Витязь» (1950 г.) Собранный материал после обработки стал основой кандидатской диссертации, а позднее (1950 г.) — докторской.

С 1935 г. начинается педагогическая деятельность В. Л. Вагина, который был ассистентом кафедры биологии 2-го Ленинградского мединститута. Работал в Ленинграде во время блокады города: готовил врачей для Советской Армии. Награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В ленинградский период жизни, продолжавшийся 28 лет, В. Л. Вагин был одним из славной плеяды догелевцев и, благодаря своим замечательным

человеческим и профессиональным качествам, активным членом этого во многом неформального коллектива. Среди его личных качеств, кроме преданности науке, в первую очередь, следует отметить порядочность, открытость, естественность в поведении, доброту, сердечность, бескорыстие и верность друзьям в радостях и бедах.

Говоря о человеческих качествах В. Л. Вагина, нужно сказать, что в мрачные послевоенные годы торжества лысенковщины, он вел себя достойно. А это было непросто в той давящей, полной страха атмосфере, которую на биологическом факультета Ленинградского университета создал пресловутый И. И. Презент и его подручные.

Они развили активную деятельность по искоренению духа истинной науки и ее ярких представителей...

Почти двадцать лет В. Л. Вагин заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных Казанского университета (1957–1977 гг.). Он организовал ихтиопаразитологические исследования нового тогда Куйбышевского водохранилища; выявил 85 видов паразитов у 17 видов рыб. Организовывал выезды студентов на Белое море, где позднее была создана Беломорская битостанция КГУ, проводил экспедиции на межвузовском учебно-научном судне «Батайск» в районы Северной Атлантики, Норвежского и Баренцова морей (1960–1963 гг.).

К сожалению, в казанский период жизни В. Л. Вагину, как ученому, не позволяла продуктивно трудиться значительная лекционная нагрузка в университете по линии общества «Знание». Много времени отнимали руководство кафедрой и научной ра-

ботой аспирантов и студентов, работа по редактированию сборников, мешал неустроенный быт с рабочим кабинетом в проходной комнате и большим количеством обременительных домашних обязанностей.

Кроме того, уехав из Ленинграда, Владимир Львович как бы потерял привычный и высокочтимый им круг близких друзей-биологов. Как он сам однажды выразился, «я потерял живой контакт с друзьями и тем самым утерял частично стимул к активной исследовательской работе; ленинградская среда для меня наиболее благоприятна во всех отношениях».

В Казани круг общения такого уровня, стимулирующий к творчеству и несущий человеческую теплоту и поддержку, у В. Л. Вагина не сложился. Как-то, вернувшись из Ленинграда в 1967 году, он сказал: «Да, мое истинное место не здесь, а в Ленинграде, там у меня все самое дорогое и стимулирующее к активной работе, и главное — стимулирующее творчество и согревающее душу общение...».

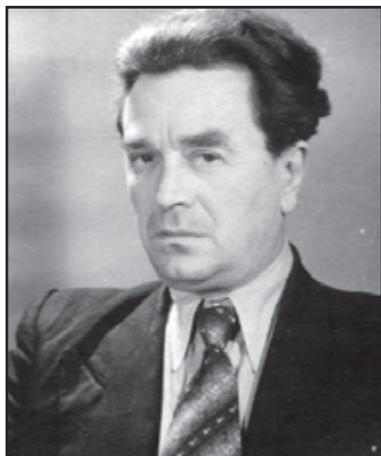
В. Л. Вагин относился к науке как к делу всей жизни, не деля время на свободное и рабочее. Это проявлялось, например, в его тщательном отношении к подготовке публикаций. По воспоминаниям Ю. И. Полянского (апрель 1990 г.), «для Володи было характерно самое тщательное отношение к материалу, он неоднократно пересматривал его и делал множество зарисовок, и трудно было иногда выбрать из них нужное для дальнейшего использования в публикации — качество их всех было высокое».

Не менее важен вклад В. Л. Вагина как Учителя с большой буквы, воспитав-

шего в Ленинграде и, особенно, в Казани многочисленных исследователей, которые активно работали и работают почти на всех континентах планеты в самых различных областях биологии и экологии.

**Александр Александрович
Сухарников**
(1907–1979 гг.)

Судьба его связала с лесом

Сухарников А.А. родился в Оренбурге в 1907 году, затем семья переехала в Баку, а в 1918 году переехала в Казань. Здесь Александр Александрович окончил девятилетку. Работал учеником слесаря и одновременно учился в вечерней смене железнодорожной школы десятилетки. Затем работал в депо станции Юдино. Был активным участником кружка «Любители природы» при КГУ.

В 1928 году А.А. Сухарников поступил в Казанский институт сельского хозяйства и леса (ИСХЛ), где в это время работал в Кабинете лесных птиц и зверей А.А. Першакова. После окончания

Лесотехнического института в 1931 году Александр Александрович был аспирантом кафедры зоологии КГУ, затем работал старшим научным сотрудником Волжско-Камской зональной биологической станции.

В мае 1942 года А.А. Сухарников в рядах Красной Армии, служил старшим лейтенантом технического состава. До этого во время учебы был награжден Грамотой отличника военно-полевого строительства. 9 мая 1945 года А.А. Сухарников награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С лета 1946 года Александр Александрович исполнял обязанности секретаря Казанского гарнизонного совета Всероссийского военно-охотничьего общества ПРИВО. С 1949 года он старший научный сотрудник отдела природы Госмузея ТАССР, затем становится его заведующим, с 1966 по 1976 годы — консультант этого отдела.

Александр Александрович занимался общими вопросами охотоведения (в том числе островным кролиководством), провел охоттаксацию Линевской дачи Раифского лесничества в 1930 году. А.А. Сухарников — автор работы об определении кормовой ценности различных стадий поймы для мелких куньих и лисицы (1938 г.) Он также изучал отдельные группы и виды промысловых животных, таких как: нырковые утки (1933 г.), волк (1936–1937 гг.), лисица (1938 г.), мелкие куньи (1938 г.), выхухоль (1939–1940, 1947 гг.). Сделал 59 чучел и биогрупп для Отдела природы Государственного музея ТАССР. Заслуженный работник культуры ТАССР (1966 г.).

Борис Александрович Красавцев
(1909–1943 гг.)

Сюжет, оборванный войной

Борис Красавцев родился в интеллигентной семье учителей. Окончил среднюю школу имени М. В. Ломоносова в Нижнем Новгороде, поступил в НГПИ. Будучи студентом, Борис Александрович участвовал в экспедициях, публиковался в журнале «Юный натуралист» (1930–1931 гг.). Близ станции Поназырево (ныне Костромская область) обнаружил, впервые в Европе, сибирского углозуба (1930 г.) — четырехпалого тритона — хвостатое земноводное из семейства углозубов.

После окончания НГПИ Б. А. Красавцев работал в Нижегородском естественно-историческом музее (где составил систематический каталог грызунов Нижегородского края), затем — в Учебном комбинате Всесоюзного гособъединения по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства в городе Владимире — ассистентом кафедры общей и прикладной зоологии, и.о. заведующим кафедрой (1932–1935 гг.). В эти годы Борис Александрович тесно сотрудничал с учеными-биологами Казанского университета, вел с ними тесную переписку, советуясь по спорным вопросам герпетологии, высказывал свое мнение по тем или иным научным проблемам. Это был поистине очень талантливый и перспективный ученый, к сожалению, рано ушедший... Он пропал без вести в годы Великой Отечественной войны в Тамани.

Позднее Борис Александрович переезжает в город Ворошиловск (Ставрополь-Кавказский), где преподает в ГПИ,

с 1937 года он здесь доцент, заведующий кафедрой.

С сентября 1941 г. лейтенант Б. А. Красавцев — в действующей армии. Летом 1942 года при отступлении навещает в поисках семьи г. Ставрополь. С мая-июня 1943 г. считается пропавшим без вести...

Б. А. Красавцев — автор 32 работ, из них 29 опубликовано, в том числе шесть из них — за рубежом.

Красавцев одним из первых в Советском Союзе детально стал заниматься исследованием питания амфибий и рептилий, и по сути вывел формулу «их полезности». Изучал почти все виды амфибий и массовые виды рептилий, сделал выводы о биотопической дифференциации остромордой и травяной лягушек, высказал смелые предположения о происхождении и путях эволюции кавказского обыкновенного тритона, озерной лягушки как вида и других. Кандидатская диссертация Б. А. Красавцева называлась «Исследование питания амфибий и рептилий» (1939 г.). Официальным оппонентом, давшим работе высокую оценку, был профессор А. Н. Формозов.

Владимир Иванович Тихвинский
(1909–1942 гг.)

Оставшийся навеки молодым

Родиной Владимира Ивановича Тихвинского стала Рига, где он появился на свет в учительской семье (его отец был преподавателем духовного училища, мать — начальницей гимназии). В 1915 году Тихвинские переехали в Нижний Новгород, где Владимир окончил опытно-показательную школу имени В. И. Ленина в 1926 году. Был зачислен после этого на биологическое отделение физмата КГУ, сразу же стал членом кружка «Любители природы». В 1928 году В. И. Тихвинский — заместитель председателя и секретарь секции «Изучение наземных животных». Он занимался научными исследованиями при организованном кружке Казанском зоопарке, участвовал в организации Волжско-Камской промысловой биостанции, возникшей на базе зоопарка. В штате биостанции Владимир Иванович прошел все ступени — от практиканта (1930 г.) до ее научного руководителя (1935–1941 гг.), а в 1937–39 годах был и.о. заведующего станцией, вокруг нее организовал сеть охотников-корреспондентов.

С 1927 года В. И. Тихвинский начал заниматься научными исследованиями, в том числе изучением питания промысловых зверей и птиц, в частности водоплавающих. Его интересовали причины колебаний численности промысловых зверей, вопросы техники охотничьего промысла и его организации. Увлечен молодой ученый также изучением отдельных видов групп позвоночных: водоплавающие птицы (1931 г.), выхухоль (1930, 1931, 1936 г.), псовые (1939 г.), включая енотовидную собаку и лисицу, мелкие куньи (1937 г.), включая горностаю, рыжеватый и крапчатый суслик (1931–1933, 1939 гг.), сурок (1931, 1932, 1934 гг.), водяная полевка (1936 г.).

В 1939 году В. И. Тихвинский защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сравнительная экология крапчатого и рыжеватого сусликов». В мае 1941 года он подал в Институт эволюционной морфологии им. А. Н. Северцова (г. Москва) заявление с просьбой о зачислении в докторантуру, которое было принято. Но началась Великая Отечественная война...

Владимир Иванович Тихвинский подал заявление о зачислении его добровольцем в Красную Армию. В 1942 г. он был направлен на Ленинградский, а затем Волховский фронт, где служил в 4-й гвардейской стрелковой дивизии. В июне 1942 года был ранен, эвакуирован в госпиталь. А с августа 1942 года считается пропавшим без вести...

Виктор Алексеевич Попов
(1910–1980 гг.)

Преданный делу природы

Еще не так давно в восточном крыле главного корпуса Казанского университета, у входа в деканат экологического факультета, висела на стене мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1970–1980 гг. работал основатель первой в Советском Союзе кафедры охраны природы, заслуженный деятель науки РСФСР и ТАССР доктор биологических наук профессор Виктор Алексеевич Попов». Но после слияния экофака с географом и переезда факультета на новое место доску убрали. Так что юное поколение студентов уже вряд ли знает, где работал Попов. Да и чем он занимался, честно признаться, стали забывать. Между тем, именно этот человек, чье 110-летие будет отмечаться в марте 2020 года, был признанным главой казанской школы экологов, руководил зоологическими исследованиями по всему Волжско-Камскому краю, территория которого раскинулась от Оки до Урала.

Родился Виктор Попов в семье юриста и учительницы десятым ребенком. Рано остался без родителей. В 1928 году стал студентом Казанского института сельского

хозяйства и лесоводства, изучал биологию и экологию хищных птиц Раифского лесничества, участвовал в изучении охотничьих угодий Татарстана, в различных экспедициях.

Еще будучи студентом, по поручению профессора КГУ М. Е. Макушка (впоследствии академика и ректора Белорусского университета) Виктор Алексеевич подготовил и прочитал своей группе курс «Охрана природы». Спустя несколько десятилетий он с блеском читал специальные курсы по фенологии, краеведению и охране природы на географическом и биолого-почвенном факультетах КГУ.

Виктора Попова отличали не только глубина исследовательского мышления и научный талант, но и такие чисто человеческие лидерские качества (очень, кстати, необходимые ученому), как напористость, умение нестандартно добиваться цели. Не случайно Попов был назначен старостой группы. В связи с этим хочется вспомнить один примечательный эпизод.

В 1928 году в Казань приезжал Владимир Маяковский, его выступление планировалось в Доме Красной Армии (Дворянском собрании на современной площади Свободы). Билеты туда было не достать, и группа студентов Лесного института во главе с Поповым ждала Маяковского у входа. Когда он появился, Виктор первым подошел к поэту и коротко изложил суть дела: мол, студенты хотят его послушать, но не могут войти. Маяковский в ответ улыбнулся и тут же приказал строгим контролерам:

— Пропустите этих охламонов!

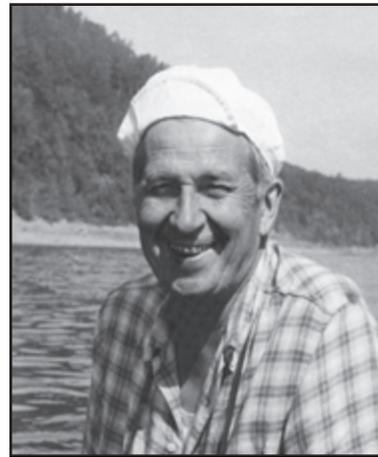
Удивительная контактность и умение находить общий язык с рыбаком и охотником, профессором и студентом, чиновником и партийным работником, соотечественником и иностранцем сохра-

нились у Виктора Алексеевича до конца его жизни. Он мог доступно преподнести как сложную научную проблему, так и любой житейский вопрос. Недаром Попов часто выступал с лекциями в различных аудиториях: от средних школ до военных училищ, организовал и провел цикл передач о природе («Природа и человек») на телевидении Татарстана.

После окончания института Попов подает заявление в аспирантуру кафедры зоологии позвоночных. До сих пор его аспирантское дело хранится в Музе истории КГУ. Охота, фауна и охрана природы стали основными направлениями научной деятельности Виктора Попова. После создания Казанского филиала АН СССР, председателем Президиума которого стал академик Александр Ермингельдович Арбузов, Попов работал в Биологическом институте КФАН СССР. С 1946 года начались его регулярные исследования Раифского леса, затем Саралинского. Как известно, оба эти участка в апреле 1960 года стали первой в Татарии особо охраняемой природной территорией, получившей название Волжско-Камского заповедника. Выходит книга «Млекопитающие Волжско-Камского края», охватывающая насекомых, рукокрылых и грызунов. Второй том — о хищных и копытных животных Виктор Алексеевич закончить не успел. Это были первые из напечатанных В. А. Поповым работ серии о тетраподах (наземные позвоночные) Волжско-Камского края.

Следующая тема, которой занимались сотрудники лаборатории под руководством В. А. Попова, посвящалась птицам. К этой работе были привлечены специалисты, ученые, студенты университета, институтов и организаций разного профиля. Благодаря уникальным дипломатическим способностям Попова был создан единый

коллектив — от профессоров до студентов Казани, Горького (Нижнего Новгорода), Кирова, Йошкар-Олы, Ижевска, Чебоксар, Саранска и других городов. И тут нужно отметить умение Виктора Алексеевича, перешедшее к нему, видимо, от его наставника и учителя А. А. Першакова — привлечь к работе над темой перспективных молодых людей, убеждая их, помогая им, приучая к самостоятельной работе. Итогом кропотливой работы стала монография «Птицы Волжско-Камского края», вышедшая в двух частях в Москве в 1977–1978 годах. Позднее, но уже после смерти Попова, свет увидела работа «Земноводные и пресмыкающиеся Волжско-Камского края (В. И. Гаранин, 1983 г.).

Своеобразным итогом фаунистических исследований лаборатории зоологии стала защита Поповым диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук на тему: «Наземные позвоночные животные Волжско-Камского края (История формирования фауны, современное состояние, перспективы развития и использования)», состоявшаяся в МГУ в апреле 1964 года.

В последние годы своей жизни Попов активно работал по решению актуальных

вопросов, связанных с экологией и теоретической основой охраны природы. Большое внимание в его исследованиях уделялось прибрежным экосистемам. Так возникли «озерные» экспедиции, позволившие обследовать более 2000 водоемов республики.

Во второй половине XX века ощущалась острая нехватка специалистов-экологов, которых в СССР нигде не готовили. Не удивительно, что важные хозяйственные вопросы решались односторонне, без учета состояния природных компонентов. В. А. Попов выступил с предложением создать на биофаке КГУ межкафедральную специализацию по биоценологии и охране природы. Предложение было поддержано ректором М. Г. Нужиным. Но Министерство образования решило по-другому — 1 августа 1969 года вышел Приказ об организации в КГУ кафедры охраны природы с ежегодным приемом 25 человек.

В 1970 году В. А. Попов был назначен заведующим новой кафедры. Вскоре сюда перевелся из Казанского пединститута доцентом, а затем стал профессором, крупный лесной ботаник Вассиан Сергеевич Порфирьев, который вел ботаническое направление.

Виктор Алексеевич развил на кафедре активную учебную, научную и общественную деятельность. Он вел основные и специальные курсы, руководил курсовыми и дипломными работами студентов, занимался подготовкой аспирантов, читал лекции по экологии и охране природы, оппонировал на защитах диссертаций, писал отзывы на монографии, выступал на конференциях, включая всесоюзные и международные, участвовал в работе проблемных советов, состоял членом всесоюзных комитетов (зоогеографического, териологического, орнитологического). Из 150 печатных работ, принадлежащих

В. А. Попову, 60 опубликованы в 1970–1979 годах, из них семь в международных изданиях. Под его редакцией вышли две монографии, 13 статей, 6 работ опубликованы посмертно.

Виктор Алексеевич Попов умер 20 сентября 1980 года в возрасте семидесяти лет. Скоропостижно, на рабочем месте. На лекции почувствовал себя плохо, извинился, отпустил студентов, пришел в свой кабинет, сел в кресло, попросил воды... Ректор КГУ профессор А. И. Коновалов на похоронах Попова сказал: «Его жизнь оборвалась, как туго натянутая струна...».

В. А. Попов награжден орденами Знак Почета, Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В честь 175-летия КГУ ему вручена Почетная грамота Президиума Верховного Совета Российской Федерации.

В Казанском университете стало традицией проводить чтения памяти профессора В. А. Попова, издавать сборники материалов «Чтений». Память об этом человеке осталась в его книгах, статьях, организованных при его участии Волжско-Камском заповеднике, первой в СССР кафедре охраны природы в КГУ и возникшем на базе этой кафедры экологическом факультете. Но главную память об ученом и человеке Викторе Алексеевиче Попове хранят его ученики, работающие в разных уголках страны, продолжающие его дело, ратующие за охрану Природы и сохранение жизни на Земле.

**Халима Мухутдиновна
Курбангалиева**
(1910–2004 гг.)

Труженица тыла и науки

Халима Мухутдиновна Курбангалиева — замечательный ученый-гидробиолог, первая женщина-татарка, получившая звание профессора. Докторскую диссертацию Х.М. Курбангалиева защитила в 1960 году по теме «Планктон и бентос водоемов поймы Волги, заливаемых Куйбышевским водохранилищем в пределах ТАССР».

Это была во всех отношениях порядочная и интеллигентная женщина. Что весьма понятно, ведь Халима Курбангалиева происходила из известной в Казани учительской семьи. Ее отец, Герой Труда и заслуженный деятель науки ТАССР Мухутдин Хафизович Курбангалиев, был ученым-энциклопедистом, видным татарским языковедом, профессором в Казанском университете. Мать Халимы преподавала в одной из казанских начальных школ.

Окончив школу № 2 в Казани, Халима Курбангалиева в 1927 году поступила на биологическое отделение физико-математического факультета Казанского университета. С этим учебным заведением связана вся ее творческая и общественная

деятельность: студенчество, аспирантура, преподавательская и общественная работа.

Учителями Х. М. Курбангалиевой были такие видные ученые, как профессора А. Я. Гордягина и Н. А. Ливанова. Уже на втором курсе Халима Мухутдиновна определилась в выборе специальности — энтомология. Студенты в те годы испытывали на себе множество педагогических экспериментов: вольное и обязательное посещение лекций, оценка знаний на экзаменах «удовлетворительно» или «весьма удовлетворительно», дифференцированная оценка знаний, сдача зачетов бригадным методом... Как тогда было принято, Халима не ограничивалась учебой: была «культурмейцем» и руководителем «текущей политики» на швейной фабрике Казани.

Получив квалификацию научного работника II разряда в области энтомологии и преподавателя вуза и втуза, Х. С. Курбангалиева поступила в аспирантуру при кафедре ихтиологии и гидробиологии, исследовала зообентос Аракчинского затона, затопленного затем водами Куйбышевского водохранилища чуть выше Казани. В 1934 г. она была оставлена на кафедре в должности ассистента, в 1937 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Бентос Аракчинского затона».

Четыре года спустя началась Великая Отечественная война. Тяготы и лишения не обошли и Халиму Курбангалиеву, но, не прерывая преподавательской деятельности, уже в первые военные дни она выполняла обязанности секретаря парткома университета, принимала участие в строительстве оборонительных сооружений и т.д.

В 1954 году Халима Мухутдиновна стала заведующей кафедрой зоологии позвоночных. Под ее руководством велось изучение водных беспозвоночных в связи

со строительством каскада водохранилищ на Волге. Итоги многолетних наблюдений позже были обобщены в монографии «Планктон и бентос пойменных водоемов Волги, заливаемых Куйбышевским водохранилищем в пределах ТАССР», которая легла в основу докторской диссертации, успешно защищенной в 1960 г. в МГУ.

В 1964 году Халиме Мухутдиновне Курбангалиевой было присвоено звание профессора. В 1958–1962 гг. она являлась деканом биолого-почвенного факультета университета, опубликовала целый ряд работ, посвященных формированию зоопланктона и зообентоса водохранилища. До 1974 года оставалась завкафедрой и до 1980 года работала в качестве профессора-консультанта.

Халима Мухутдиновна всегда оказывала большую помощь ученикам и младшим коллегам по кафедре: редактировала публикации, руководила научной работой студентов-гидробиологов, аспирантов. Ее ученики стали известными гидробиологами и работают сейчас во всех концах России.

Благодаря ее инициативе в 1968 году появилось Казанское отделение Всесоюзного гидробиологического общества, председателем которого она была до 1975 года. Кроме того, Х. М. Курбангалиева состояла в Научном Совете по проблемам гидробиологии, ихтиологии и использования биологических ресурсов водоемов при АН СССР.

За широкую и плодотворную научную и общественную деятельность Халима Мухутдиновна Курбангалиева награждена «Орденом Ленина», медалями и грамотой Президиума Верховного Совета ТАССР.

Игорь Васильевич Жарков (1910–1974 гг.)

Был предан заповедному делу

И. В. Жарков родился в семье участкового агронома, который умер, когда мальчику было восемь лет. После окончания школы Игорь Жарков работал учителем, а потом поступил в Казанский университет на физико-математический факультет. Но выбыл оттуда по семейным обстоятельствам, вновь восстановился в 1931 году, будучи сотрудником Волжско-Камской биостанции, специализируясь по гистологии.

После еще двух перерывов в учебе, И. В. Жарков заканчивает уже биологический факультет КГУ (1935 г.). После Волжско-Камской охотничье-промысловой биологической станции он работал в Кавказском заповеднике (1936–1941 гг.; 1946–1949 гг.; 1951–1952 гг.) — с перерывом на Великую Отечественную войну в 1941–1945 годах. Был заведующим научной частью Куйбышевского ЖГЗ (1949–1951 гг.), после закрытия которого вернулся на полтора года в Кавказский заповедник.

Затем Игорь Васильевич Жарков был сотрудником Воронежского заповедника

(1953–1969 гг.), причем с 1955 года — заместителем директора по научной части. Защитил кандидатскую диссертацию в Зоологическом институте АН СССР в 1953 году. Докторскую по теме: «Структура и динамика населения млекопитающих на примере бобра в СССР» удалось защитить в 1968 году.

Вскоре после этого Игорь Васильевич получил приглашение на кафедру зоологии вновь образованного Гомельского университета (1969 г.), где работал пять лет, заведывая кафедрой зоологии и дарвинизма. Он руководил также биоценологическими исследованиями в Припятском ландшафтно-гидрологическом заповеднике, поддерживая студенческую дружину по охране природы и принимая участие в работе научных советов (Главохоты, Главприроды, ВООП и др.).

Кроме общих вопросов охотоведения, охраны природы и заповедного дела, И. В. Жарков занимался вопросами экологии, анализировал роль в экосистемах и охрану ряда видов и групп позвоночных, например, лесных, болотных и околоводных птиц (в частности, хищных — скопы, куриных — тетерева и куропатки. Изучал роль млекопитающих в экосистемах, охрану и экологию крота, лисицы, горностая, барсука, выдры, копытных и т.д.

И. В. Жарков — автор работы о летнем кормовом режиме лося в Жигулях, 1954), соавтор труда «Материалы по питанию хищных птиц ТР» (с В. П. Тепловым, Казань, 1932 г.).

Татьяна Мстиславовна Кулаева (1911–2000 гг.)

Открывая богатый мир фауны

Татьяна Кулаева известна научной общественности Татарстана не только как верная подруга, жена знаменитого ученого биолога и эколога Виктора Алексеевича Попова, но она и сама оставила в науке весомый след.

Татьяна Мстиславовна была дочерью врача (и видного общественного деятеля, первого председателя правительства Башкирии М. А. Кулаева). Окончила в Казани школу № 7 в 1928 году, поступила в Казанский университет по специальности «гидробиология», защитила дипломную работу по теме «К фауне лесных озер Марийской области (планктон)», 1936 г. Затем Т. М. Кулаева преподавала в школах Казани, в музыкальном училище. Будучи лаборантом (1946–1951 гг.) лаборатории зоологии КФАН СССР и аспирантом ЗИН АН СССР в Ленинграде (1951–1955 гг.), Татьяна Мстиславовна подготовила и защитила диссертацию «Сравнительная экология рыжих полевок Татарской АССР» (1956 г.). Ее научным руководителем был профессор. Б. С. Виноградов. После защиты продолжала работу в лаборатории зоологии БИ КФАН СССР, затем перешла в Казанский ГПИ, на ЕГФ. Работала ассистентом

(1957–1960 гг.), старшим преподавателем (1960–1964 гг.), доцентом (1964–1971 гг.).

Кроме рыжих полевок Т. М. Кулаева занималась и другими млекопитающими: насекомоядными, рукокрылыми, птицами (совами, в частности, филином). А также ее была увлечена историей фауны.

Т. М. Кулаева — автор и соавтор 18 печатных работ, в том числе одна из них посвящена костным остаткам городища «Ройский Шихан» (1965 г.) в Уржумском районе. На ее счету две монографии: «Результаты изучения животного мира зоны затопления Куйбышевской ГЭС» и «Птицы Волжско-Камского края». Татьяна Мстиславовна Кулаева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Николай Платонович Воронов

(1912–1993 гг.)

Учиться никогда не поздно

Родился Н. П. Воронов в простой семье сибирского крестьянина. Отца Николая Платоновича призывали в армию в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). На фронте он получил

низшее офицерское звание прапорщика, которое давалось солдатам за особые заслуги, и это стало для него роковым... После развала царской армии Платон Воронов вернулся к семье, но уже в 1918 году его забрали в армию адмирала Колчака. Как известно, армии колчаковских генералов, подступавшие в 1920 году к Казани, были отброшены за Урал, оттеснены к Байкалу. Там был расстрелян сам адмирал, остатки же его армий перешли границу Китая, какое-то время там находились, после чего решили сдаться Красной Армии и вернуться в Россию. Часть, где был прапорщик Воронов, встретили на одной из пограничных станций, разоружили, рядовых отправили по домам, а офицеров расстреляли...

Много лет клеймо «сына белого офицера» преследовало Николая Платоновича. Правда, это не помешало Н. П. Воронову на родине, где его уважали за принципиальность и честность, стать секретарем райкома комсомола. Окончив техникум с ветеринарным уклоном, Николай Платонович работал по специальности, потом, решив учиться дальше, приехал в Казань и поступил на рабфак КХТИ, строил с другими рабфаковцами главное здание института на углу улиц К. Маркса и Л. Толстого. После рабфака Н. П. Воронов поступил на биофак КГУ, специализируясь по кафедре зоологии беспозвоночных (1936–1941 гг.).

Н. П. Воронов был активным спортсменом, выступал за Казанский университет на соревнованиях разного ранга. По этому поводу есть одна примечательная история. Как-то на занятиях по физкультуре, где первокурсники учились бросать гранаты на спортплощадке в университетском городке за «астрономичкой», Николай Воронов с такой

силой бросил болванку гранаты, что она оказалась за оградой на Профсоюзной улице. Физрук пришел в ужас: «Ты там кого-нибудь убил?». Студент перелез забор, «убитых» на улице не оказалось... «Где так учился кидать?» — подобрев, поинтересовался физрук. « В Сибири бросал камешки в реку...», — ответил Воронов.

На биофаке Н.П. Воронов становится учеником известного профессора-эволюциониста Н.А. Ливанова. Это был прямой человек, не скрывавшим своих мнений о недостатках в работе чиновников, которых хватало и в те времена. В результате Ливанова обвинили в антисоветской деятельности и попытались убрать из университета, обсудив (и осудив) на собрании с участием студентов. Н.П. Воронов был единственным студентом, выступившим в защиту профессора. Н.А. Ливанов остался в университете (до наступления «лысенковщины»).

В год окончания Николаем Вороновым КГУ началась Великая Отечественная война, и он был призван в Красную армию. Но «за особые спортивные заслуги» около года нес службу в госпиталях Казани — занимался лечебной физкультурой, восстанавливая раненых. На фронт все же вырвался и закончил войну в Берлине, где получил оттиск очередной работы Н.А. Ливанова.

После демобилизации Н.П. Воронов работал на Кубани сотрудником селекционной станции, откуда его «извлек» Н.А. Ливанов. Но в Казанском университете свободной должности зоолога не было, и Николай Александрович рекомендовал Воронова в лабораторию зоологии Биологического института Казанского филиала АН СССР, которой руководил уже известный тогда зоолог

Виктор Алексеевич Попов. Кстати, организатором и первым руководителем Биологического института в Казани был именно профессор Н.А. Ливанов, приглашенный академиком А.Е. Арбузовым — первым руководителем Казанского филиала Академии наук.

Николай Воронов стал препаратором лаборатории зоологии, осваивая новую специализацию — тетраподологию. Лаборатория занималась изучением позвоночных поймы Волги и Камы, позднее залитой водами Куйбышевского водохранилища.

Постепенно появилось желание заняться научной работой в новом для него направлении. О том, как все разрешилось, со свойственным ему легкими юмором вспоминал сам Николай Платонович:

«В одной из экспедиций в пойме Волги я сообщил Попову, что хотел бы работать над кандидатской диссертацией, но над каким вопросом, еще не знаю. Виктор Алексеевич похвалил меня за любознательность и добавил, что «работать над диссертацией, конечно, необходимо, да и неразрешенных проблем больше, чем известных. Да вот хотя бы эта. Видите, перед Вами конусовидная куча земли — это кротовина. Вот Вам и тема диссертации». «Вы шутите, Виктор Алексеевич?» — усомнился я. «Нет, не шучу, а говорю Вам вполне серьезно!» Он несколько повысил голос и сердито посмотрел на меня. «Вы много знаете о роющей деятельности млекопитающих и в частности крота? Тогда я Вас слушаю, говорите». Что я мог сказать о совершенно незнакомой мне области науки? Но как приступить к работе? С чего начинать? «Это уже другой вопрос. Разработаете программу и методику

исследования и тогда в свободное время, а иногда и попутно с основной работой, будете работать над темой». Тема была избрана, названа «Роль роющей деятельности млекопитающих в жизни лесных ценозов» (тогда — «белое пятно»), и исследования начались».

В июне 1953 г. Николай Платонович Воронов защитил диссертацию и стал кандидатом биологических наук, а через месяц вступил в должность доцента Чувашского сельскохозяйственного института в Чебоксарах.

Несколько лет лаборатория зоологии КГУ получала запросы на работы Н. П. Воронова по роющей деятельности млекопитающих, в том числе из-за рубежа, в частности из Чехословакии. Работая в ЧСХИ, Николай Платонович изучал морфологию и экологическую физиологию врановых птиц, провел картирование размещения грачей на территории Чувашии, занимался вопросами охраны фауны, принимал участие во всех региональных конференциях, проводимых в Казани.

Н. П. Воронов подготовил и защищал в Казани докторскую диссертацию «Роль питания в эволюции пищеварительной системы птиц» (1970 г.). Работа не была утверждена ВАК, но «пробивать» ее Николай Платонович не стал...

Он много занимался вопросами охраны фауны. Его книга «Они нуждаются в защите» выдержала три издания (1979–1990 гг.). Н. П. Воронов автор и соавтор 40 публикаций, в том числе коллективной монографии по фауне ложа Куйбышевского водохранилища (1954 г.), книг «Животный мир Чувашии» (1966 г.), «Птицы Волжско-Камского края» (1978 г.).

Георгий Георгиевич Шубин (1912–1973 гг.)

*На троне легендарный разведчик
и опытный охотник*

Охота была настоящей страстью Георгия Георгиевича Шубина — он ее увлекся еще в 12 летнем возрасте. Не удивительно, что молодой человек поступил на звероохотоведческий факультет Всесоюзного зоотехнического института пушно-сырьевого хозяйства.

Ездил по стране и за границу, в том числе был в Центральной Азии, где ловил архаров. В Турции добывал дельфинов, из Норвегии привез для акклиматизации бобров.

На практике был наблюдателем в Лапландском заповеднике, к которому относится то ли легенда, то ли действительный случай его встречи с медведем. Будто бы медведь обхватил его лапами, прижав ружье, которое было у Георгия Георгиевича в руках, и начал зубами «обрабатывать голову». Счет шел на секунду. Шубину удалось нажать на курок ружья, дуло которого было у подбородка медведя. Потом Георгий Георгиевич шел, истекая кровью, до базы.

Еще одна версия легенды: Георгий Шубин обнаружил следы медведя, который охранял свою добычу. Зверь неожиданно напал на охотника, свалил, вцепившись

в ногу. Ружье было за спиной у Шубина, но он смог стянуть его с плеча и нажал на спуск. Но...осечка. Однако медведю хватило и этого. Он испугался и стал уходить...

С началом Великой Отечественной войны Г. Г. Шубина вызвали в военкомат г. Чкаловска Горьковской области, и с июля 1941 года он в Сталинской добровольческой студенческой дивизии. Призывники строили укрепления в районе Брянска, попали в окружение, из которого вышли, благодаря Шубину, «не потеряв ни одного человека». Воевал Г. Г. Шубин на фронтах: Брянском (июль 1941 — февраль 1942 гг.), был ранен в первый раз в ноябре 1941 года (позднее еще дважды получал ранения), на Калининском, Западном (июль-октябрь 1943 г.), Первом Прибалтийском (ноябрь 1943–1944 гг.), Третьем Белорусском (с февраля 1945 г.) Был снайпером-разведчиком, командиром отделения, командиром взвода пешей разведки, командиром роты дивизии. В годы войны Шубин слыл известным разведчиком, доставившим десятки «языков» при минимальных потерях с нашей стороны.

После демобилизации из армии с 1946 года Г. Г. Шубин работал на созданной в «Воентехфильме» Зообазе, построенной у города Петушки Владимирской области, где содержались дикие животные, которые готовились для съемок кинорежиссера А. М. Згуриди. Позднее Георгий Георгиевич работал в разных заповедниках. Так, он был директором Печоро-Ильчского заповедника (1950–1958 гг.), где помогал вместе с В. П. Тепловым ученому Евгению Павловичу Кнорре в организации первой в мире лосефермы и лосеπροмышленного хозяйства. Затем Г. Г. Шубин был директором Воронежского заповедника (1958–1960 гг.), где занимался бобрами. С ноября 1960 года Георгий Георгиевич участвовал в организации Волжско-Камского

заповедника, созданного из двух участков в Раифском и Саралинском лесах, был его первым директором (1960–1961 гг.). Отсюда Шубин вновь перешел на работу в Зообазу и был ее начальником (1961–1969 гг.). Переход из заповедника был связан с предстоящим выходом на пенсию. Как известно, размер пенсии зависел от получаемой заработной платы, а она была в заповедниках ниже, чем у директора Зообазы.

Позднее Шубин работал в «Центрнаучфильме» в Петушках, был дрессировщиком-дублером в фильмах, снимавшихся известным режиссером А. М. Згуриди. Кинофильмы о животных вызывали большой интерес не только у детей. Александр Михайлович Згуриди (1904–1998) надолго пережил своего коллегу и первого директора Зообазы.

Георгий Георгиевич не выдержал «канцелярской «работы и отрыва от природы, снова вернулся на работу в заповедник, на этот раз — в Марийский, где и был директором (1971–1973) до конца своей жизни. Г. Г. Шубин — один из составителей «Летописи природы» Марийского заповедника за 1969–1972 гг.

Интересный факт

Г. Г. Шубина чуть было не расстреляли зимой 1944 года, когда 26 разведчиков под его руководством, проведя полтора месяца в тылах противника, пробились через линию фронта не в свою, а в соседнюю армию. Бойцы были арестованы одним чересчур бдительным капитаном, командиром батальона, принявшим небритых, грязных и оборванных разведчиков, не представивших документов, за «власовцев». Капитан приказал им раздеться до белья и закрыл в холодном сарае до утра, до расстрела... Шубину с трудом удалось выбраться из

сарая и дозвониться до руководства своей армии. Срочно прибывший начальник разведотдела 4-й Ударной армии объяснился с капитаном, заставил его вернуть Шубину отобранный трофейный браунинг и вывез разведчиков в свою армию. Шубин не удержался и на прощанье сказал: «Ну, капитан, если будет следующая встреча, я с расстрелом до утра тянуть не буду».

Георгий Георгиевич награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной звезды (1943 г.), орденами Славы 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени (1944 г.), тремя орденами Красного Знамени (март, апрель, июль 1944 г.). Представлен к званию Героя Советского Союза.

Антон Михайлович Болотников (1914–1994 гг.)

Служил науке честно и преданно

Антон Михайлович Болотников — известный ученый-орнитолог, создатель научного направления экологии и физиологии раннего онтогенеза птиц. Он участник Великой Отечественной войны. Награжден 12

государственными наградами, среди которых медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги», орден «Знак Почета». Отличник просвещения СССР.

Имя Антона Михайловича Болотникова, ученого-зоолога, посвятившего себя изучению животного мира Поволжья, других регионов страны, сделавшего немало открытий на этом поприще, хорошо известно в научном кругу. В свое время он защищал докторскую диссертацию в Казани. Несомненным результатом многогранной научной деятельности профессора А. М. Болотникова является не только исследование гнездовой жизни и экологии раннего онтогенеза птиц, позволявшее обосновать новое представление о процессах насиживания и инкубации, им разработаны принципиально новые инструментальные методы в исследованиях гнездовой жизни птиц. Через аспирантуру осуществлялась подготовка высококвалифицированных кадров для вузов России.

Как же тщательно и скрупулезно собирал материал, учитывая все детали, для своей научной работы Антон Михайлович — вплоть до измерения температуры в гнезде, яиц, птенцов. Занимался он также довольно успешно герпетологией. Впервые нашел в Пермской области углозуба сибирского — хвостатое земноводное, его еще называют четырехпалым тритоном.

Антон Михайлович опубликовал в соавторстве 3 монографии и более 200 научных статей. Он и его ученики являются участниками V–X Всесоюзных, XI Международной орнитологических конференций, XVIII Международного

орнитологического конгресса 16–25 августа 1982 г. в Москве, Всесоюзной конференции зоологов педагогических вузов (1976 г.), конференции орнитологов Волжско-Уральского региона (1984 г.), Всесоюзной школы молодых орнитологов (1982 г.).

Профессору А. М. Болотникову принадлежит существенный вклад в формирование международной биологической программы «Человек и биосфера». Под его руководством подготовлены 3 докторские и 23 кандидатские диссертации.

Антон Михайлович Болотников родился 15 августа 1914 г. на хуторе в 15–20 дворов с названием Винный Курган Романовского уезда Саратовской губернии, в крестьянской семье. О своих молодых годах Антон Михайлович сам написал сам в семейных воспоминаниях:

«...По-видимому, следует сказать о том, что, насколько помню себя, всегда хотел учиться. Это где-то в 13–15 лет, после начальной школы, ведь окончил ее только в 1927–1928 гг. Такие уж были трудные времена в селе. В 1932 году летом окончил курсы для подготовки в ФЗУ хлебопечения. Хлебопека из меня не получилось — училище так и не было открыто. В 1933 г. поступил в Балашовский педтехникум сразу на II курс. «Поступление» было оригинальное. Занятия уже шли. Я приехал в техникум в конце сентября. «Выдержу — зачислите...», — сказал я директору. Он был, надо полагать, очень хорошим человеком. Принял меня, великовозрастного парня из деревни, в брезентовых туфлях и брезентовом плаще, но начитанного и жаждущего учиться. Испытание я выдержал успешно...

В 1937 году я поступил в учительский институт в г. Балашове. Учился с большой охотой. Много читал. Повстречал интересных людей. Среди них энтомолога доцента Стефановского. С ним очень часто бродили за городом. Экскурсировали — знакомились с природой. Будучи студентом учительского института, сблизился с доцентами А. Н. Сунгуровым и Л. И. Сергеевым. Встреча с Александром Николаевичем предопределила увлечение орнитологией. Ей остался верен на всю жизнь. После окончания учительского института мне предоставили выбор: остаться в институте или поехать учительствовать в любую точку СССР. Работал год в средней школе ст. Татарская Омской области. Только год. И потянуло к науке, в институт».

3 ноября 1940 года Болотников был призван в Красную Армию. В июне 1941 года встретил войну в Белоруссии, под Витебском, 19 июля был ранен в бою. Четыре месяца провел в госпитале. Потом последовала «нестроевая» из-за контрактуры правой руки в учебной запасной части. В декабре 1945 г. демобилизовался в Кишиневе. Год пробыл в Молдавии, работая директором вечерней школы, заведующим кабинетом в Высшей партийной школе при ЦК компартии Молдавии.

Однако из Молдавии пришлось выехать. Стали болеть глаза, отравленные химическими веществами. В конце 1946 года приехал в Пермь. В педагогическом институте при его инициативе и непосредственном участии был создан факультет биологии и химии, кафедра зоологии, биологическая станция.

В 1961–1983 годах Болотников возглавлял кафедру зоологии Пермского пединститута. Являлся одним из организаторов возрождения в этом учебном заведении факультета биологии и химии, создания биологической станции «Кважа». Он был инициатором выпуска межреспубликанских научных орнитологических сборников «Гнездовая жизнь птиц», внес немалый вклад в осуществление международной биологической программы «Человек и биосфера».

По инициативе Антона Михайловича организован выпуск периодических межреспубликанских научных орнитологических сборников «Гнездовая жизнь птиц», получивших высокую оценку.

За годы работы в Пермском педагогическом институте А. М. Болотников был деканом факультета физического воспитания (1957 г.), проректором по учебной работе (с 1959 г.), проректором по научной работе, работал в составе ЦС орнитологического общества, выполнял многие общественные поручения, много работал с учителями. А. М. Болотников блестяще читал курсы лекций по зоологии позвоночных, теории эволюции, руководил полевой практикой, философскими семинарами по биологии. Умер 3 января 1994 г.

Антон Михайлович был награжден 12 государственными наградами, среди которых медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги», орден «Знак почета» и другие.

Юрий Константинович Попов (1914–2002 гг.)

*Достоин звания
Героя Советского Союза*

С детства юного Юру Попова тянуло к естественным наукам. В школе он занимался в кружке юннатов при Казанском зоопарке. Окончив семилетку и звероводческие курсы, Юрий Константинович работал звероводом в Бирюлинском зверосовхозе под Казанью. В 1934 году поступил в Воронежский университет, но вскоре перевелся на биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, который окончил в 1940 году. Одновременно на военной кафедре университета Ю. К. Попов получил армейскую специальность командира артиллерийского взвода и звание младшего лейтенанта. Работал на Фурмановском противочумном пункте в Казахстане в должности зоолога.

16 августа 1941 года Юрий Константинович был мобилизован в Красную Армию. С ноября 1941 года воевал на Юго-Западном фронте в качестве командира взвода управления 155-го стрелкового полка. В декабре 1941 года был легко ранен, а в январе 1942 года получил тяжелое осколочное ранение.

После лечения в августе 1942 года окончил курсы повышения квалификации в Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского и с ноября 1942 года до конца войны воевал в составе гаубичного полка. С февраля 1943 года — командир дивизиона. Артдивизион под командованием Ю.К. Попова принимал участие в освобождении Орла, в боях под Киевом, в освобождении Молдавии, Румынии, Польши. Победу Юрий Константинович встретил в Праге в должности начальника штаба и в звании майора.

После демобилизации Ю.К. Попов работал зоологом на подмосковной Зарайской туляремийной станции. Затем был старшим научным сотрудником Волжско-Камского отделения ВНИИ охотничьего промысла. В послевоенные годы Ю.К. Попов принимал активное участие в экспедиционных работах лаборатории зоологии Биологического института Казанского филиала АН СССР. В 1948 году Ю.К. Попов поступил в аспирантуру Биологического института КФАН СССР, где сначала занимался ихтиологией, затем темой его работы стала экология акклиматизированной в Татари енотовидной собаки.

После защиты диссертации по теме «Акклиматизация енотовидной собаки в Волжско-Камском крае» (1951 г., научный руководитель — В.А. Попов) Юрий Константинович работал старшим лаборантом, затем научным сотрудником сектора зоологии и животноводства КФАН СССР.

В 1956 году Ю.К. Попов переехал в Ижевск, где был избран доцентом кафедры зоологии и микробиологии Удмуртского сельскохозяйственного института. В 1964 году он перешел на работу в Удмуртский государственный пединститут,

где в должности доцента кафедры зоологии работал до 1982 года.

Ю.К. Попов — автор более 50 научных работ. Он также соавтор монографии «Птицы Волжско-Камского края» (1977 г.).

Интересный факт

На фронтах Великой Отечественной войны Юрий Константинович Попов проявлял чудеса мужества и героизма, о чем свидетельствуют его пять боевых орденов: два ордена Боевого Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I и II степени и орден Красной звезды. Шестой орден — Отечественной войны 1 степени, ему вручили в 1985 году, к 40-й годовщине Победы.

И еще одна военная награда не нашла героя. К сожалению...

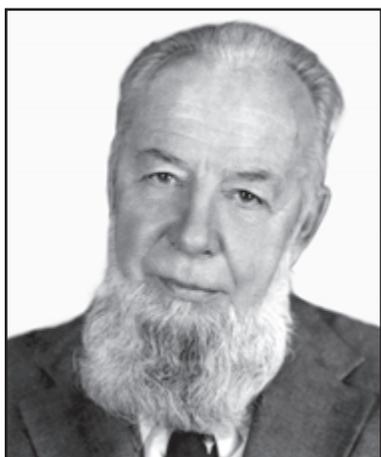
По представлению подполковника Харлампиева от 8 августа Ю.К. Попов был представлен к званию Героя Советского Союза. И вот как он описал его подвиг: «...командир дивизиона гаубичного полка капитан Попов 2 августа 1944 года вместе с двумя командирами батареи и разведчиками переправился с первым эшелоном частей на западный берег реки Вислы. Находясь непосредственно в боевых порядках части, Попов способствовал закреплению и расширению плацдарма на западном берегу Вислы... В боях при форсировании реки Вислы капитан Попов проявил личный героизм и отвагу. Находясь в течение шести суток под интенсивным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем противника, он не терял управления дивизионом, проявил исключительную выдержку и хладнокровие при отражении контратак противника. Своим примером воодушевлял бойцов и офицеров подразделения. За все время боя капитан Попов

имел бесперебойную телефонную и радиосвязь, что позволило обеспечить переправу наших частей... Достоин звания Героя Советского Союза».

Андрей Григорьевич Банников

(1915–1985 гг.)

И необъятное можно объять...

Интересы этого талантливого ученого были весьма разносторонними. А. Г. Банников занимался копытными (от лося до сайги), всю жизнь был увлечен герпетологией, наконец, много времени отдавал охране природы и заповедному делу: побывал почти во всех заповедниках Советского Союза. Банников являлся членом Комиссии по редким видам, председателем рабочей группы по диким лошадям МСОП, первым из российских зоологов получил Большую золотую медаль МСОП.

Андрей Григорьевич Банников родился в старинной интеллигентной семье, отец его был юристом и одновременно охотником, мать — художницей и знатоком растений. Уже с семи

лет отец брал сына на весеннюю охоту, а в 11 лет Андрей Банников стал членом КЮБЗ — научно-исследовательского кружка, созданного в 1924 году для подготовки молодых зоологов, Окончив школу, Андрей Григорьевич устремился на Дальний Восток, трудился препаратором зоологической экспедиции. Затем судьба забросила его на Север, бывал он в Сибири, Казахстане, Средней Азии, работал экскурсоводом в Московском зоопарке, определял собранные в экспедициях материалы в Зоомузее МГУ.

Поступив в МГУ, А. Г. Банников изучал систематику, зоогеографию, экологию тетрапод, особенно млекопитающих, рептилий и амфибий, Среди его учителей были такие известные ученые, как С. И. Огнев, Б. С. Матвеев, И. И. Шмальгаузен и другие, Банников путешествовал Южному Уралу, Дагестану, Азербайджану. Первая его работа о зимовках лягушек (1940 г.) была опубликована в сборнике студенческих работ и отмечена стипендией имени А. Н. Северцова. Дипломную работу о черепахах Кавказа Банникову предложили доработать в качестве кандидатской диссертации.

В мае 1941 г. Андрей Григорьевич окончил МГУ, а в июне вступил добровольцем в Красную Армию. В 1942 году его демобилизовали. Вскоре Банников защитил диссертацию «Сравнительное морфо-экологическое исследование черепах Кавказа», и почти сразу после защиты был командирован в Монгольскую Народную Республику для создания в этой стране первого университета. Кроме организационных и учебных дел, за которые А. Г. Банников получил орден Полярной Звезды — высшую награду республики, он смог побывать

в экспедициях, проехав более шести тысяч километров, найдя десятки новых для МНР видов животных. Позднее вышла монография А. Г. Банникова «Млекопитающие Монгольской Народной Республики» (1954 г.), еще в рукописи представленная на соискание ученой степени доктора биологических наук, и была защищена в 1954 году.

Еще в 1947 году А. Г. Банников начал преподавать в МГПИ им. В. П. Потемкина, был там заместителем директора Зоомузея. Позднее стал заведовать кафедрой зоологии Московской ветеринарной академии (1960 г.), ныне носящей его имя.

Банников изучал биологию сайги в Калмыкии, итогом стала коллективная монография «Биология сайгака» (1961 г.), переведенная на английский язык. Результатом работ группы по лосю были три сборника «Биология и промысел лося» (1964–1967 гг.). Из работ, связанных с герпетологией, надо назвать «Очерки по биологии земноводных» (с М. Н. Денисовой, 1956 г.) — это был один из первых послевоенных обзоров амфибий и, разумеется, очерки из изданий «Жизни животных».

Из книг общего плана нельзя не упомянуть книги «Летняя практика по зоологии позвоночных» (с А. В. Михеевым, 1956 г.) и «Охотничье-промысловые звери и птицы СССР» (с С. М. Успенским, 1973 г.), а также два издания «Охраны природы» (с А. К. Рустамовым и А. А. Вакулиным, 1977 и 1985 гг.). По заповедному делу у А. Г. Банникова вышли брошюры по отдельным заповедникам СССР: «Кавказский заповедник», «Печоро-Илычский заповедник»), «Беловежская пуша» и другие.

А. Г. Банников — Заслуженный деятель науки РСФСР, награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, Дружбы народов. Он руководил подготовкой кандидатской диссертации В. И. Гаранина, приезжал в Казань на защиту. И очень высоко оценил его работу, сказав, что она вполне может перерасти в докторскую диссертацию при определенных дополнениях.

**Анатолий Николаевич
Колесников**
(1917–1972 гг.)

Навеки с морем

Родился в Петрограде в год Великой Октябрьской социалистической революции в семье служащего. Учился в Казани, в 1935 году поступил в Казанский университет на биофак. Ученик Николая Александровича Ливанова. После учебы А. И. Колесников работал на биологической станции в Мурманске.

С началом Великой Отечественной войны Анатолий Николаевич отправился сражаться с гитлеровцами. Воевал на Карельском фронте, освобождал Польшу,

Чехословакию, участвовал в боях на Дальнем Востоке. После демобилизации в 1946 году А. Н. Колесников работал в течение года заведующим литературной частью Казанского Большого драматического театра им. В. И. Качалова. Но сердце и разум Анатолия Николаевича стремились к науке. Он поступил в аспирантуру на биофак КГУ (1947–1950 гг.). Затем работал в КВИ на кафедре зоологии и дарвинизма: ассистентом (1950 г.), доцентом (1954 г.) Стал старшим научным сотрудником Института биологии южных морей в Севастополе (1963 г.). Участвовал в экспедициях по Тихому, Индийскому, Атлантическому океанам. А. Н. Колесников — автор работ «Борьба за материалистическую биологию в Казанском университете в 50–70-е годы XIX века» (1954 г.) и «Первые годы Казанского общества естествоиспытателей» (1955 г.).

Интересный факт

Это случилось 13 января 1972 года во время стоянки научно-исследовательского судна «Академик Вернадский» в лагуне атолла Хермит в 140 милях к северо-востоку от Новой Гвинеи. «Вернадский» зашел туда с целью изучения коралловых рифов и атоллов. В составе отряда биологов Севастопольского института биологии южных морей был старший научный сотрудник ИнБЮМа, кандидат биологических наук Анатолий Колесников.

31 декабря, через четыре дня после выхода из Владивостока, на судне по традиции состоялся концерт художественной самодеятельности. В нем принял участие и Анатолий Колесников. Все с восторгом слушали стихотворение «Физалия». Как гидробиолог и поэт, он сумел красочно описать это опасное морское животное,

являющееся разновидностью медузы. Она имеет большой, до 20 см длиной, плавательный воздушный пузырь, который поднимается над поверхностью воды, и от него вниз свешиваются длинные ядовитые щупальца. Эта медуза плывет по воле волн и ветра, как маленький парусник, людям нельзя прикасаться к ней...

После этого новогоднего концерта многие узнали, что Анатолий Николаевич Колесников — поэт. Книжечка его стихов «Под стягом Победы» издана в Казани в 1947 году. Гидробиолог А. Колесников во время Великой Отечественной войны, став командиром батареи, встретил наступление фашистских отборных частей горнострелкового корпуса «Норвегия» оглушительными залпами 152-мм орудий. Враг был остановлен в 50 км от Мурманска. Тогда молодой комбат писал:

*...Свой славный город
За полярным кругом
Моряк врагу
Не выдаст никогда!*

От Заполярья до Праги с боями прошел старший лейтенант А. Колесников. Два ордена Красного Знамени и Отечественной войны II степени, множество медалей, в том числе и медаль «За отвагу», ярко свидетельствуют о мужестве, проявленном артиллеристом в жестоких сражениях.

Закончилась война. А. Колесников вернулся к своей мирной профессии гидробиолога и продолжал писать стихи. Когда потребовалось, боевой офицер в период засилья «лысенковщины» открыто встал на защиту своего учителя — ведущего зоолога страны, директора

биоинститута Казанского филиала АН СССР Н. А. Ливанова. В результате Анатолия Николаевича, уже имевшего ученую степень кандидата биологических наук, не взяли на работу в его родной Казанский университет. Тогда, в 1963 году, он перевелся в Севастопольский институт биологии южных морей.

13 января 1972 года в 2 часа ночи по судовому времени радисты приняли радиограмму из Москвы за подписью начальника отдела морских экспедиционных работ АН СССР Ивана Дмитриевича Папанина: «Разрешается заход на Хермит на один день».

С рассветом «Академик Вернадский» с поднятыми государственными флагами СССР и Австралии осторожно, с промерами глубин эхолотом, самым малым ходом вошел в лагуну и стал на якорь недалеко от острова Марон, где находилась администрация атолла.

Научные сотрудники, разбившись поотрядно, приступили к поиску кораллов, морских раковин, среди которых встречаются и опасные для здоровья и жизни человека. Геологи отбирали пробы грунта, биологи собирали гербарий из местных цветов и растений. Анатолий Колесников, перед тем как войти в воду лагуны, оглядел все вокруг и, очарованный пейзажем, подпрыгнул и восторженно произнес: «Наконец-то сбылась моя мечта побывать на атолле!»

Ничто не предвещало беды, все случилось неожиданно. Начальник отряда геологов Белявский поручил своему сотруднику наблюдать за плавающими людьми. Вскоре тот обратил внимание на пловца, который без дыхательной трубки долго не поднимал голову над поверхностью воды. Это был А. Колесников, без сознания...

На берегу врач с медсестрой приступили к оказанию помощи, делая пострадавшему искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Три часа бился опытный врач за возвращение к жизни Анатолия Николаевича, но тщетно. «Острая сердечная недостаточность с последующей асфиксией», — доложил судовой врач...

В Севастополь и Москву полетели печальные радиограммы. Одновременно судовое начальство запросило у дирекции Морского гидрофизического института разрешения похоронить Анатолия Колесникова по морским обычаям. Экспедиции предстояло еще долгих четыре месяца работать в океанах, а до портов Советского Союза от места, где находилось судно, было очень далеко. После согласования с семьей погибшего пришел разрешающий ответ.

...Океан принял в свою бездну того, кто всю жизнь изучал его тайны. На воду опустили венок и дали самый малый ход. Люди еще долго стояли в скорбном молчании на корме судна, пытаясь разглядеть в океанской дали удаляющийся венок. Вахтенный штурман в судовом журнале записал: «15 января 1972 года в 14 часов 05 минут старший сотрудник ИнБЮМа, кандидат биологических наук Анатолий Николаевич Колесников похоронен по морским обычаям в точке с координатами: широта 0.19 северная, долгота 135.07 восточная, в Ново-Гвинейском желобе Тихого океана на глубине 5000 метров».

Станислав Семенович Шварц
(1919–1976 гг.)

***Тревожный человеческий фактор
в окружающей среде***

Школьником Станислав Шварц занимался в кружке юных зоологов при Ленинградском зоопарке, а затем при ЗИН АН СССР. В 1937 году он поступил в Ленинградский государственный университет, под опеку видных ученых-биологов Д. Н. Кашкарова и П. В. Терентьева, от которых воспринял общие теоретические проблемы биологии и научился строгому математическому подходу в своих будущих научных работах.

В 1941 году С. С. Шварц ушел на фронт добровольцем, но вскоре, после ранения и контузии, был демобилизован и, пережив блокаду, эвакуировался в Саратов, куда выехал ЛГУ. Сдал экстерном экзамены, работал зоологом на Джангалинском противочумном пункте, затем поступил в аспирантуру ЛГУ.

В 1946 году С. С. Шварц защитил кандидатскую диссертацию «Эффективность криптической окраски», переехал в Свердловск. Здесь в Институте биологии УФАН СССР Станислав Семенович возглавил группу зоологов, на основе

которой была впоследствии образована лаборатория. Обобщив материалы, собранные на Урале и в Западной Сибири, С. С. Шварц защитил докторскую диссертацию «Опыт экологического анализа некоторых морфофизиологических признаков наземных позвоночных» (1954 г.).

В 1955 году Станислав Семенович Шварц стал директором Института биологии, преобразованного им вскоре в Институт экологии растений и животных. В 1957 году он профессор, в 1966-м — член-корреспондент АН СССР, в 1970-м — академик, организатор и первый главный редактор журнала «Экология».

С. С. Шварц автор таких известных работ, как: «Принципы и методы современной экологии животных» (1960 г.), «Метод морфофизиологических индикаторов в экологии наземных позвоночных» (с В. С. Смирновым, Л. Н. Добринским, 1968 г.), «Эволюционная экология животных. Экологические механизмы эволюционного процесса» (1969 г.), «Проблемы экологии человека» (1974 г.), «Экология и эволюция» (1974 г.).

С. С. Шварц поддерживал связи с казанскими учеными, неоднократно бывал в Казани, принимал участие в научных конференциях, проводимых в университете, выступал с докладами.

Под непосредственным руководством С. С. Шварца на Урале была создана школа экологов, получившая признание и за рубежом. Цикл работ ее участников, в том числе самого Станислава Семеновича, охватил многогранные проблемы экологии животных — от популяционной до эволюционной экологии и экологии человек». Под именем С. С. Шварца вышел в свет том научных работ «Пути приспособления наземных позвоночных животных к условиям

существования в Субарктике» — млекопитающие (1963 г.) Автор еще одного тома, посвященного птицам — Н.Н. Данилов (1966 г.) Том о земноводных С.С. Шварц написал вместе с В.Г. Ищенко (1971 г.) Монография С.С. Шварца «Эволюционная экология животных» (1969 г.), переведенная на английский язык в США, положила начало эволюционной экологии. Ее новое, дополненное и переработанное издание, С.С. Шварц завершить не успел — рукопись до логического конца «довел» Н.Н. Данилов, монография вышла из печати уже в 1980 году.

В общей сложности перу С.С. Шварца принадлежит около 256 работ. Им развивалась популяционная экология, особенно в двух направлениях, это: топографическая структура популяций (использование животными территорий) и внутривидовая изменчивость (биоразнообразие). Особым направлением исследований ученого было изучение приспособлений животных к экстремальным условиям, в частности, Субарктики (стационар на Ямале, 3 монографии). Еще одно направление исследований С.С. Шварца и его сотрудников — «химическая экология», и последняя очень актуальная тема — «экология человека», антропогенное воздействие на биоценозы и биосферу и его возможные последствия.

Герман Петрович Приезжев (1920–2001 гг.)

*Войной опаленный и трудом
закаленный*

Герман Приезжев родился в Лаишево, после окончания школы в 1938 году работал учителем в городе. Ардатов Мордовской АССР. В 1939 году поступил в Казанский университет на биологический факультет, но долго ходить в студентах Герману Петровичу не пришлось — призвали в армию. А ту началась Великая Отечественная война, и военная жизнь «затянулась» до 1945 года, до самой Победы над гитлеровской Германией. Фронтная жизнь Г.П. Приезжева проходила сначала в 98-м отдельном медсанбате 47-й Грузинской Армии в районе Харькова — Сталинграда. В боях на Сталинградском фронте Г.П. Приезжев был тяжело ранен, но не демобилизовался, хотя имел на это полное право. Служил командиром хозяйственного взвода 82-й отдельной гужевой транспортной роты. Уже в составе Первого и Второго Украинских фронтов Герман Петрович Приезжев дошел до Венгрии, где и встретил Победу.

В Казанском университете Г.П. Приезжев восстановился сразу после демобилизации в 1945 году. Специализировался

на кафедре зоологии позвоночных, был Сталинским стипендиатом, учеником Виктора Алексеевича Попова. Окончив с отличием КГУ в 1950 году, Г. П. Приезжев десять лет потом заведовал Зоологическим музеем КГУ. За это время сделал здесь ряд препаратов, в частности, летящего беркута, ополовника и лесную завирушку, лесную соню и водяную полевку.

Г. П. Приезжев подготовил и защитил в 1958 году кандидатскую диссертацию по теме «Некоторые особенности формирования фауны мелких воробьиных птиц поймы Волги и Камы в зоне образования Куйбышевского водохранилища». После защиты диссертации работал в городе Ижевске старшим преподавателем (1960 г.), доцентом, заведующим кафедрой зоологии (1964–1979 гг.) УГПИ, с 1972 года ставшего университетом. В эти годы ученый Г. П. Приезжев занимался фауной Удмуртии, в основном, птицами, а также рептилиями и амфибиями. Он автор и соавтор ряда научных работ, в том числе о рептилиях Удмуртии (1972 г.), об амфибиях и рептилиях (с Н. Ю. Поповой, 1983 г.), соавтор монографий «Результаты изучения животного мира зоны затопления Куйбышевской ГЭС» (1954 г.), «Птицы Волжско-Камского края» (1978 г.).

Герман Петрович Приезжев был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями: «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». В его копилке также трудовая медаль — «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Раиса Гавриловна Иванова (1922–2009 гг.)

Лучший знаток флоры Татарстана

Раиса Гавриловна Иванова родилась 11 ноября 1922 года в городе Мариинский Посад. В 1946 году окончила Казанский университет, где и работала до 1991 года. Р. Г. Иванова была ученицей и последовательницей известного ученого-ботаника, преподававшего в Казанском университете, профессора Михаила Васильевича Маркова. Неоднократно бывала в экспедициях под руководством М. В. Маркова, изучая пойменные луга на территориях, позже залитые водами Куйбышевского водохранилища. После смерти М. В. Маркова Р. Г. Иванова участвовала в экспедициях под руководством В. А. Попова.

В 1948 году Раиса Гавриловна Иванова работала лаборантом на кафедре ботаники Казанского университета. Длительное время заведовала гербарием кафедры ботаники, коллекции которого позже основали фонд Ботанического музея.

Ботаника-систематиста, флориста Р. Г. Иванову в научных кругах называют лучшим специалистом по флоре республики. Трудолюбивая, ответственная,

вдумчивая, рассудительная — она обладала глубочайшими знаниями о растениях, в том числе, не указанных в описаниях и определителях. И даже могла определить вид растения в вегетативном состоянии. Раиса Гавриловна составила и систематизировала 1315 видов высших растений, произрастающих на территории Татарстана. Собранный ею гербарий содержит около 20 тысяч видов растений. Р.Г. Иванова провела ботаническое описание таких памятников природы Республики Татарстан, как Чатыр-Тау, Урдаль-Тау, Кликовский склон, Склон Коржинского и др.

К сожалению, если говорить о научных титулах, ей их добиться не удалось, хотя она автор интересных и актуальных работ. В частности, Р.Г. Ивановой были написаны такие работы, как «Дикорастущие съедобные растения Татарии» (1987 г.), «Словарь-справочник по флоре Татарии» (1988 г.) Совместно с М. Х. Галиакберовым Раиса Гавриловна опубликовала «Методическое пособие для изучающих флору Татарской АССР на летней учебной практике по ботанике» (1981 г.). Она также участвовала в написании первого определителя растений республики — «Определитель растений Татарской АССР» (1979 г.). Была одним из составителей Красной книги Республики Татарстан (1995 г.)

Александр Владимирович Попов (1924–2008 гг.)

Несломленный войной — закаленный наукой

Сразу после окончания средней школы в Казани в 1942 году Александр Владимирович Попов был призван в армию. Окончил школу младших командиров — и в 1943 году на фронт, шла Великая Отечественная война. А. В. Попов участвовал в обороне Курской дуги, был ранен, потом еще два раза получал ранения. В четвертый раз, в Венгрии в 1944 году, рана оказалась очень тяжелой, и после лечения в госпитале А. В. Попов был демобилизован. Сразу после окончания войны Александр Попов поступил в Казанский университет на биологический факультет, специализировался на кафедре зоологии позвоночных.

Свою первую полевую практику А. В. Попов проходил на территории Раифского леса — тогда еще там не был создан заповедник. Участвовал в восстановлении бобра (почти через 150 лет после его уничтожения в Казанской губернии), что стало темой дипломной работы Александра Владимировича (1949–1950 гг.).

После окончания университета Александр Владимирович работал в Волжско-Камской лаборатории ВНИИ охоты и звероводства (1950–1960 гг.), занимаясь экологией охотничье-промысловых млекопитающих. Затем был заведующим Зоологическим музеем Казанского университета вплоть до 1991 года. Доставил в музей ценные экспонаты: шесть видов рыб (пресноводных и морских), серую жабу из Республики Марий Эл, четыре вида рептилий с Приморья (китайский трионикс, амурская долгохвостка, восточный и палласов щитомордники), а также птиц (глупыш из Атлантики, луток из Хабаровского края, иглохвостый стриж с Приморья), млекопитающих (русскую выхухоль из Алексеевского района Татарстана — ныне, к сожалению, исчезнувшую из нашей природы, европейского крота с Зоостанции КГУ, моперу уссурийскую с Приморья, ондатру из Чувашии и европейскую норку).

Увлёкся таксидермией. Многие препараты, консультируясь у Я. П. Коксина, А. В. Попов сделал сам, в том числе, скелеты бобра. При нем из шкуры зебры-квэгги, хранившейся в фондах Зоомузея КГУ со времен Э. А. Эверсмманна (с 1843 г.), было оформлено в Зоомузее Академии наук в Ленинграде чучело этого животного (единственное в России и Советском Союзе). Теперь это главная гордость Зоомузея в Казанском университете.

А. В. Попов был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями, в числе которых и бронзовая медаль ВДНХ СССР.

Петр Константинович Горшков (1928–2013 гг.)

*Ученый с разносторонним
характером*

После окончания биофака КГУ по кафедре зоологии позвоночных в 1956 году Петр Константинович работал лаборантом в лаборатории зоологии БИ КФАН. Затем был лаборантом и ассистентом кафедры зоологом Казанского педагогического института. Защитил кандидатскую диссертацию в 1974 году на тему «Экология барсука в Татарской республике». Его официальными оппонентами были доктор биологических наук А. А. Леваковский и кандидат биологических наук Р. А. Девишев. В целом по теме Петр Константинович опубликовал с 1964 по 1974 годы 15 работ.

Вскоре после защиты стал доцентом, позднее — профессором. Занимался млекопитающими и птицами. П. К. Горшков соавтор монографии «Птицы Волжско-Камского края» (1977–1978), автор монографий «Барсук в биоценозах Республики Татарстан» (1997 г.). Известны также работы П. К. Горшкова по кабанам — «Экологическая и биоценологическая роль кабана на территории

РТ» (1989 г.) и по совам — «Совы фауны Республики Татарстан» (2008 г.). Он также автор 12 очерков в Красной книге РТ (1995 г.) и 11 очерков в Красной кнбиге РТ (2006 г.). П.К. Горшков доставил в Зоомузей КГУ белку-телеутку из Лаишевского района в 1963 году.

Интересный факт

Несколько лет назад в Дербышках в канун новогодних праздников случилось неприятное происшествие — кто-то основательно сгрыз заложенные осенью в погреба овощи. Выяснилось, что такое же несчастье постигло жителей Высокогорского и Лаишевского районов а также поселка Боровое Матюшино. У страха глаза велики: люди в содеянном стали винить крыс-мутантов, якобы сбегавших из лабораторий ветеринарной академии...

Разъяснения в прессе тогда дал профессор зоологии педагогического университета Петр Горшков:

— Это хомяки! Полевых хомяков в Татарстане уже не встретишь — они исчезли в результате обработки полей ядохимикатами. На смену им пришли черные хомяки — лесные, которые сильно расплодилось из-за неубранных и заросших бурьяном полей, сокращения поголовья лис, волков и сов и теплых зим. В отличие от обычных, лесные хомяки намного крупнее — размером с небольшую кошку. И живут в погребах с едой, где их никто не тревожит.

Ученый отметил, что лесные хомяки очень агрессивны, кошки обходят их стороной и даже не каждая собака рискнет вступить с ними в схватку. Более того, известны случаи нападения лесных хомяков на людей...

Кстати, с животными-переростками, как признался тогда Петр Константинович, он сталкивается не впервые. Несколько лет назад обнаружил под Казанью суслика весом около двух килограммов, в то время как обычно их масса — не более 300 грамм.

Бороться с черными вредителями П.К. Горшков посоветовал как с обычными грызунами: при помощи капканов.

Ирина Владимировна Назарова
(1930–2017 гг.)

Преданность делу превыше всего

И.В. Назарова родилась в семье служащих. Окончила среднюю школу в городе Зеленодольске, поступила в Казанский университет на биологический факультет. Специализировалась на кафедре зоологии позвоночных, была ученицей В.А. Попова. Под его руководством защитила дипломную работу «Материалы по экологии лося в ТАССР» (1953 г.).

В аспирантуре при КФАН СССР И.В. Назарова изучала серых полевок и защитила, опять-таки под руководством

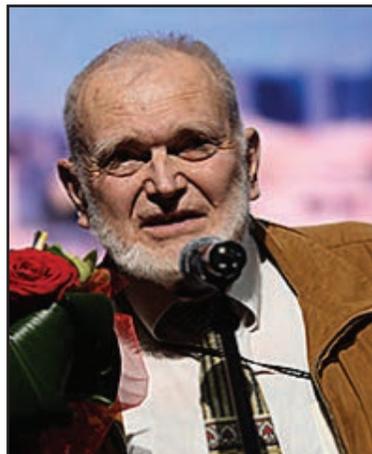
В. А. Попова, диссертацию по теме «Эколого-морфологический очерк серых полевков Волжско-Камского края» в 1963 году. По теме опубликовано 3 работы (1958–1961 гг.).

Позднее Ирина Владимировна стала изучать эктопаразитов млекопитающих. Работала в лаборатории зоологии (экологии) БИ КФАН СССР. И. В. Назарова — автор монографий «Блохи Волжско-Камского края» (1981 г.), «Эктопаразиты мелких млекопитающих в естественных и трансформированных экосистемах» (1990 г.). На ее счету восемь очерков в Красной книге РТ (1995 г.). Она также соавтор монографии «Птицы Волжско-Камского края» (1977 г.) — автор раздела о дятлообразных.

Ирина Владимировна была членом Совета Татарской республиканской организации общества «Знание», возглавляла научно-методическую секцию по естественным наукам при Советском РК КПСС г. Казани, много раз выступала с лекциями на предприятиях.

Алексей Владимирович Яблоков (1933–2017 гг.)

Рыцарь экологии

Отец А. В. Яблокова — Владимир Сергеевич Яблоков (1901–1972 гг.) — был известным геологом, доктором геолого-минералогических наук, мать — Татьяна Георгиевна Сарычева (1901–1978 гг.) — палеонтолог, доктор биологических наук. Это была очень интеллигентная ученая семья.

Алексей Яблоков после школы выбрал биологию и поступил на биолого-почвенный факультет Московского государственного университета имени Ломоносова, который окончил в 1956 году. Специализировался по кафедре зоологии сравнительной анатомии позвоночных животных. С 1959 года он уже кандидат биологических наук, а с 1966 года — доктор биологических наук и старший научный сотрудник лаборатории морфологии морских млекопитающих Института морфологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР. Затем последовали звания профессора, члена-корреспондента АН СССР (1984 г.) С 1995 по 2005 год А. В. Яблоков работал главным научным сотрудником Института биологии раз-

вития им. Н. К. Кольцова РАН, затем советником РАН.

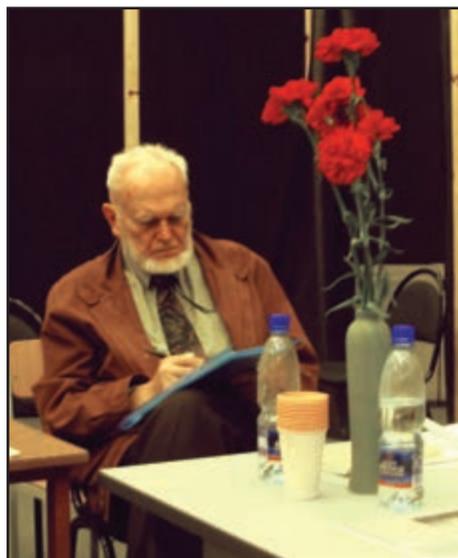
Алексей Владимирович был талантливым ученым-биологом и экологом. Состоял в тесной переписке с учеными Казанского госуниверситета, в частности, с В. И. Гараниным, консультируясь и обмениваясь мнением с ним по проблемам герпетологии, которой увлекался в молодости. По притхой ящерице у А. В. Яблокова две работы (с А. С. Барановым и А. С. Розановым, опубликованные в «Вестнике зоологии» в 1981 году). Но в большей степени научные исследования А. В. Яблокова относились к биологии морских млекопитающих, популяционной и эволюционной биологии, экологии.

Алексей Яблоков был выдающимся ученым-биологом мирового масштаба, одним из самых авторитетных. Он автор более 500 научных работ, посвященных биологии, экологии, охране природы, в том числе монографий и учебников, переведенных на языки многих стран.

В 1989 году Алексея Владимировича избрали народным депутатом СССР от Научных обществ и ассоциаций при АН СССР. Он был заместителем Председателя Комитета по экологии Верховного Совета СССР (1989–1991 гг.). Затем А. В. Яблоков — Государственный советник РСФСР по экологии и здравоохранению, член Государственного совета при Президенте РСФСР, а с 1992 года — председатель Координационного совета по экологической политике при Президенте РФ, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по экологической политике.

А. В. Яблоков — основатель в конце 1980-х годов и сопредседатель Гринписа СССР, основатель и Председатель Пре-

зидиума Московского общества защиты животных (1987–2009 гг.), основатель и почетный член GLOBE-International «Парламентарии мира за окружающую

среду» (вместе с Альбертом Гором — впоследствии вице-президентом США).

С июня 2005 года А. В. Яблоков — председатель партии «Союз зеленых России» («Зеленая Россия») в составе Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО».

А. В. Яблоков умер после продолжительной болезни 10 января 2017 года... Трудно переоценить все то, что сделал за свою яркую жизнь А. В. Яблоков. Его книги, написанные в 1960–1970-х годах, не потеряли своей актуальности и сегодня, начинающие биологи и экологи ими активно пользуются. Алексей Владимирович был советником президента по вопросам экологии. У него был прямой выход на президента, и с каким бы вопросом со всей страны к нему не обращались, Алексей Владимирович всегда находил возможность отреагировать. Если не изменить ситуацию, то, по крайней мере, получить исчерпывающий ответ и передать его людям.

Валерий Борщев, лидер правозащитной фракции партии «Яблоко»: «Это человек удивительной честности, принципиальности, на которого власть абсолютно никак не повлияла. Он не поступился не то что принципами, а вообще какими-то уступками и не позволял отступлений. То есть он был рыцарь экологии. Экологи — народ разный, разобщенный, но Яблоков был той самой фигурой, вокруг которого вспыхивали споры, разногласия, люди объединялись, поскольку это был человек удивительно нравственно чистый, удивительно порядочный. А как его любила молодежь! Вокруг него собирались молодые экологи, они буквально его воспринимали как отца родного. Он был политический идеалист!»

Интересный факт

В 2005 году автору этой книги (Л. Карташовой), в ту пору редактору отдела экологии газеты «Республика Татарстан», довелось побывать в Москве на вручении диплома призера конкурса журналистов «Экология России. Из века в век». Эту награду получила из рук А. В. Яблокова. А после церемонии состоялся круглый стол с участием Алексея Владимировича. Он был очень сосредоточенным, опускал глаза, если выступление ему чем-то не нравилось, что-то записывал. А потом выступал — ярко, хлестко и доказательно. Как говорится — без комментариев...

Юрий Евгеньевич Егоров
(1937–2012 гг.)

***В науку позвал
Виктор Алексеевич Попов***

После окончания Казанского ветеринарного института (КГВИ) Юрий Егоров работал в отделении ВНИИОЗ (ВНИИ охоты и звероводства) старшим научным сотрудником под руководством уже именитых в ту пору охотоведов и ученых Д. И. Асписова и Н. Д. Григорьева.

Летом 1963 года на похоронах одного из известных русских охотоведов Владимира Яковлевича Генерозова Юрий Егоров познакомился с Виктором Алексеевичем Поповым. После траурной церемонии разговорились, нашли точки соприкосновения, Егорову поступило предложение об аспирантуре. Было предварительно решено взять тему по экологии американской норки. К этому времени у Юрия Евгеньевича уже был некоторый задел по клеточным (дипломная работа) и диким норкам — выполнял договорную тему о результатах акклиматизации этого вида в Башкирии. Осенью 1963 года Ю. Е. Егоров сдал вступительные экзамены и стал аспирантом Института биологии КФАН СССР.

К тому времени, кстати, Виктор Алексеевич сформировал свою «могучую кучку» из нескольких молодых аспирантов (в нее вошли В. А. Ушаков, Т. И. Олигер, Ю. Т. Артемьев, А. Г. Петренко, Р. З. Зарипов, В. И. Борисова и другие). В 1967 году Ю. Е. Егоров защитил кандидатскую диссертацию по теме «Эколого-морфологический анализ и внутривидовая изменчивость норок», его руководителем был доктор биологических наук, профессор В. А. Попов. Всю жизнь Юрий Евгеньевич гордился тем, что был знаком и работал под опекой этого замечательного зоолога и эколога.

Юрий Евгеньевич занимался впоследствии изучением кунных (американская норка, хори), мышевидными грызунами (рыжая полевка, лесная и желтогорлая мыши), птицами (курообразные, оляпковые). Поднимал и анализировал проблемы изменчивости популяций, микроэволюция, теории экологических ниш, экологии водных сообществ. Ю. Е. Егоров — автор 28 печатных работ, в том числе монографии «Механизмы дивергенции» (1983 г.), трех очерков в Красной книге РТ (1995 г.). На его счету работы, связанные с экологией и морфологией кунных, в том числе разводимых в неволе.

Валерий Алексеевич Ушаков (1938–2003 гг.)

В приоритете актуальность научных исследований

По окончании средней школы в 1955 году в городе Горьком (Нижний Новгород) Валерий Алексеевич Ушаков поступил в Горьковский университет, специализировался на кафедре зоологии позвоночных. После окончания вуза получил назначение в Дагестан, прошел специальные курсы при Средне-Азиатском НИИ противочумных инфекций в городе Алма-Ате, где в дополнение к специальности «биолог-зоолог, преподаватель биологии и химии» получил еще и специализацию «паразитолог».

В. А. Ушаков работал зоологом в Кизлярском отделении Дагестанской ПЧСМЗ СССР с 1960 по 1963 годы. Затем прошел аспирантуру в лаборатории зоологии Биологического института КФАН СССР. Его кандидатская диссертация называлась «Влияние Куйбышевского водохранилища на изменение фауны позвоночных животных и процесс становления прибрежных биогеоценозов» (1967 г.). Научным руководителем был доктор биологических наук, профессор В. А. Попов, официальными оппонентами выступили: доктор биологических наук,

профессор А. Г. Воронов (Москва) и кандидат биологических наук доцент Н. П. Воронов (Чебоксары). Работа получилась актуальной, значимой и интересной. В ней Валерий Алексеевич подвел итог воздействию водохранилища за первое десятилетие его существования на тетраподофауну Волги и Камы, проанализировал формирование прибрежных экосистем в устьевом участке реки Камы. Исследованиями, в основном стационарного плана, был охвачен весь годовой цикл жизни тетрапод — от амфибий до млекопитающих. Изучалось влияние водохранилища на фауну тетрапод в целом и на их отдельные группы (систематические и экологические): на численность и размещение в прибрежной полосе амфибий, рептилий, птиц и зверей, на межвидовые связи, суточную и сезонную активность, антропогенное воздействие. Исследований подобного плана, которые выполнил Валерий Алексеевич Ушаков в своем кандидатском диссертационном труде, в ту пору было немного.

По окончании аспирантуры В. А. Ушаков работал в лаборатории зоологии лаборантом и младшим научным сотрудником. В 1968–1970 годах трудился в Волжско-Камском заповеднике

сначала старшим научным сотрудником, а затем (около двух лет) — заместителем директора по научной работе. В этот период продолжал изучение тетрапод (на Раифском и Саралинском участках заповедника). Валерий Алексеевич занимался данными исследованиями и позднее, работая в Горьковском (Нижегородском) университете в качестве ассистента (1970–1972 гг.), старшего преподавателя (1972–1977 гг.), доцента (1977–1983 гг.), заведующего кафедрой зоологии (1983–1986 гг.) и вновь доцента кафедры зоологии (1985–1991 гг.) и экологии (1991–1999 гг.) В. А. Ушаков впервые обнаружил на севере Горьковской области одну из южных точек ареала сибирского углозуба в 1978 году, провел анализ формирования ареала этого вида в Европе в 1980 году.

Из 185 научных работ В. А. Ушакова более половины посвящены амфибиям и рептилиям (особенно чесночнице, травяной лягушке, сибирскому углозубу, гадюке), около четверти — млекопитающим (насекомоядным, грызунами), не остались в стороне и птицы (соколообразные, сизый голубь, серая ворона). Основные проблемы, которые анализировал в своих работах В. А. Ушаков: популяционная экология, пути адаптации к урбанизированным территориям. Другие его работы связаны с методическими вопросами, охраной природы. Валерий Алексеевич участвовал в написании 11 очерков Красной книги Нижегородской области (1983 г.), много времени уделял экологическому воспитанию студентов и школьников. Он соавтор 630 работ, в том числе в 1970-е годы с Валерианом Ивановичем Гараниным.

Владимир Викторович Байдерин
(1951–1993 гг.)

Талант без продолжения...

Этому человеку жить бы да жить, но он умер молодым, не реализовав того, на что был способен. По крайней мере, сейчас те, кто знал Владимира Викторовича Байдерина, учились и работали с ним, говорят, что у него были все задатки выдающегося ученого. И он бы им, наверняка, стал, если бы прожил больше...

Владимир Байдерин родился в семье известного журналиста, работавшего в газете «Известия». В 1969 году поступил на биофак Казанского университета и стал специализироваться на только что созданной кафедре охраны природы, попав в сформированную здесь самую первую 194-ю группу. Байдерин во всех отношениях был успешным студентом: внешне ничем особым не выделялся, вел себя сдержанно и скромно, по отношению к преподавателям всегда был почтителен, очень хорошо учился, отличался острым неординарным умом и хорошими знаниями предметов, активно участвовал в научной работе. Не случайно его сразу же взял под свое крыло руководитель кафедры охраны природы, доктор биоло-

гических наук профессор Виктор Алексеевич Попов.

По воспоминаниям куратора его группы Валериана Ивановича Гаранина, студента Владимира Байдерина привлекали проблемы влияния антропогенных факторов на природу. Так, одна из его первых студенческих работ посвящалась влиянию лыжной рекреации на природу. Еще в студенческие годы, в 1972-м году, Владимир Байдерин сумел опубликовать две свои научно-популярных книги: «Разноцветная пустыня» (1970 г.) и «Леська» (1972 г.). Третью книгу «По следам животных» Владимир Викторович опубликовал в 1989 году, когда он уже был специалистом-экологом с опытом полевых работ, включая службу в заповеднике. В. В. Байдерин также был соавтором работы «Животный мир как природный ресурс» (с Т. И. Артемьевой, О. Н. Федосеевым, 1993 г.).

В 1974 году Владимир Байдерин окончил университет, затем прошел аспирантуру при кафедре охраны природы по теме «Экологическое воздействие зимней рекреации на компоненты биогеоценозов» (1978 г.) Его научным руководителями были известнейшие профессора, доктора биологических наук В. А. Попов и В. С. Порфирьев. Затем В. В. Байдерин был ассистентом кафедры охраны природы КГУ (1978–1981 гг.), какое-то время занимал должность заместителя директора по НИР Пинежского госзаповедника. Вернулся в Казань, работал ассистентом, старшим преподавателем кафедры ландшафтной экологии (1989–1993 гг.). Хочется отметить, что буквально сразу после своего открытия вышеназванная кафедра включилась в разработку Общесоюзной программы

фундаментальных исследований по приоритетному направлению «Антропогенная динамика биологических систем и проблем экологии на 1988–2005 гг.» по проблеме «Конструирование экологически оптимальной городской среды и проблемы управления». Именно в это время В. В. Байдерин издал в Казани свою книгу «По следам животных».

Из истории кафедры ландшафтной экологии КГУ: «Хорошо известно, что основной причиной загрязнения окружающей среды является низкая экологическая культура граждан. Последнее было обусловлено исключительно отсутствием эффективной системы экологического образования, что и породило равнодушие к последствиям загрязнения. Естественно, отсюда вытекает вывод, что решение современных природоохранных проблем невозможно без, во-первых, создания эффективно действующей системы экологического образования и, во-вторых, воспитания. В этом аспекте следует подчеркнуть большую популяризаторскую, воспитательную работу, проводимую на всех уровнях организации Т. В. Роговой, В. В. Байдериним, Н. П. Торсуевым».

В. В. Байдерин трагически погиб в турпоездке в Индии.

Борис Рубенович Григорьян (1951–2017 гг.)

В приоритете здоровье почвы

Научные исследования этого талантливого ученого, нашего современника, к сожалению, безвременно ушедшего, были сконцентрированы в области изучения миграции, трансформации и накопления тяжелых металлов в объектах биосферы; занимался он также экологией островных экосистем Куйбышевского водохранилища, мониторингом почв с использованием геоинформационных систем, изучением производства экологически чистой продукции. Также Борис Рубенович являлся специалистом по строительству, организации и аккредитации аналитических лабораторий.

Родился Борис Григорьян в 1951 году в Белоруссии в семье военнослужащего. В 1955 году семья переехала в Казань. В 1968 году он поступил в Казанский государственный университет на биолого-почвенный факультет, который закончил в 1973 году по специальности «почвовед-агрохимик».

Вскоре Григорьян стал работать в должности старшего научного сотрудника в аналитической лаборатории

Татарского НИИ сельского хозяйства. В 1981 защитил кандидатскую диссертацию по специальности биологическая химия на тему «Исследование металл-аминокислотного уровня в кормах и биологической активности хелата меди с метионином».

С 1984 по 1986 год работал старшим научным сотрудником в лаборатории почвоведения (заведующий — Даутов Р. К.) Казанского института биологии АН СССР.

С 1986 г по 2017 г. Борис Рубенович трудился в Казанском университете, создал при кафедре почвоведения совместную с Казанским институтом биологии лабораторию биогеохимии. Это был грамотный, вдумчивый и необыкновенно творческий преподаватель, который читал студентам лекции по основам почвоведения, экологии ландшафта, организации и менеджмента лабораторий. Григорьян внедрял в образовательный процесс новые формы и методы. При его участии разработана обучающая мультимедийная программа по курсу «Почвоведение» (2000–2005 гг.), создана компьютерная программа контроля текущих знаний и контроля остаточных знаний. Б. Р. Григорьян одним из первых на факультете начал применять контрольные работы и тестовые задания для проверки текущих знаний студентов — еще до введения балльно-рейтинговой системы.

С 2007 по 2015 г. Борис Рубенович Григорьян являлся заведующим кафедрой почвоведения Казанского университета, в 2010 г. ему было присвоено ученое звание доцента. С 2015 г. по 2017 г. — заведовал лабораторией экологии почв Института проблем экологии и недропользования АН РТ.

Б. Г. Григорьян являлся руководителем темы «Разработка системы производства, сертификации и рынка органической сельскохозяйственной продукции в РТ». Под его руководством сотрудниками лаборатории разработана концепция системы производства, сертификации и рынка органической сельскохозяйственной продукции в РТ, а также разработана методика проведения аудита на соответствие хозяйств для организации производства органической продукции. Занимался он также проблемой использования биоугля в качестве улучшителя почв.

Организовывал и участвовал в экспедициях по исследованию последствий загрязнения почв Бавлинского района пластовыми водами при нефтедобыче (2008 г.), по изучению опыта органического земледелия (Чувашия и Пензенская область, 2009 г.), по «Красной книге почв РТ» (2009, 2010, 2011 гг.), по обследованию фермерских хозяйств РТ на предмет готовности их к ведению органического производства (2015 г.) Полученные материалы активно использовались не только для научной работы, но и для учебного процесса, аспирантских, студенческих и школьных работ.

Им опубликовано в центральных и местных изданиях около 150 научных работ. В том числе он является автором и соавтором трех монографий по Куйбышевскому водохранилищу, одним из соавторов «Красной книги почв РТ» (2012 г.) шести учебно-методических пособий и двух учебных пособий.

Б. Р. Григорьян уделял большое внимание международному сотрудничеству. В 2009 принимал участие в Международном семинаре в Париже «Трансфор-

мация профессий перед лицом вызовов и требований устойчивого развития городов», проводимого в рамках работы международной Сети «Устойчивое городское развитие: отношение между человеком и природой». Он проводил работы по изучению влияния древесного биоугля на свойства почв вместе с профессором университета Линкольна М. Баяном (США), являлся сопредседателем Международной научной конференции «Наследие И. В. Тюриня в современных исследованиях в почвоведении» (2013 г.).

Борис Рубенович много лет являлся членом Ученого совета Волжско-Камского биосферного заповедника, председателем Казанского отделения Докучаевского общества почвоведов, активным участником Общественного Совета по производству органической продукции при Минсельхозе РТ.

Этот вдумчивый ученый и талантливый педагог мог бы еще долго служить обществу и науке, но все перечеркнула его смерть во время несчастного случая летом 2017 года.

Валерий Анатольевич Яковлев (1953–2014 гг.)

Неутомимый исследователь водоемов

Основные направления научных исследований Валерия Яковлева — гидробиология, экология, зоогеография, водная токсикология и паразитология. В область его научных интересов входили проблемы антропогенных изменений водоемов Среднего Поволжья (малые реки и озера, Куйбышевское и Нижнекамское водохранилища). Он изучал механизмы адаптации инвазионных бентосных беспозвоночных к пресноводным условиям, последствия биоинвазий для пресноводных экосистем (Куйбышевское и Нижнекамское водохранилища). Сферой его исследований было биоразнообразие, изменение структуры пресноводного зообентоса в зависимости от зональных (природно-климатических особенностей региона). Четыре основных видов антропогенных воздействий (токсификация, закисление, эвтрофирование и термофикация) Яковлев анализировал на примере водоемов северо-восточной части Фенноскандии (северо-восточная Норвегия, Финская Лапландия, Мурманская область).

Валерий Анатольевич Яковлев родился в 1953 г. в селе Чувашское Бурнаево Алькеевского района ТАССР в семье колхозников. После девятого класса поступил учиться в Буинский ветеринарный техникум, который с отличием закончил в 1973 году. Отслужив в армии, в 1975 году поступил в КГУ, на биофак, на кафедру зоологии позвоночных. Университет Валерий Анатольевич окончил с отличием.

Затем в течение 17 лет Яковлев работал в Кольском филиале АН СССР, начав с должности инженера лаборатории охраны природы и завершив свой трудовой путь в этом учреждении ученым секретарем Института проблем промышленной экологии Севера. В эти годы В.А. Яковлев проходил стажировки в ведущих институтах и университетах России, Норвегии и Финляндии. В рамках программы Arctic Monitoring Acidification Program (АМАР) в 1996 г. получил высокую оценку как систематик пресноводных беспозвоночных организмов (Raddumetal., 1996).

В 1987 г. в специализированном Совете ГосНИОРХ (г. Ленинград) защитил кандидатскую диссертацию наук по специальности «Гидробиология» на тему: «Влияние на зообентос Субарктического водоема антропогенных факторов (на примере

озера Имандра)», в 1999 г. — докторскую по специальности «Экология» на тему: «Изменение структуры зообентоса северо-восточной Фенноскандии под влиянием природных и антропогенных факторов» (Институт озероведения РАН, г. Санкт-Петербург). В мае 2004 г. ему присвоено ученое звание профессора. С 2007 г. — член-корреспондент Международной педагогической академии.

С июля 1997 года Валерий Анатольевич работал в Институте экологии природных систем АН РТ старшим научным сотрудником, затем заведующим лабораторией гидробиологии.

В. А. Яковлев исследует водоем

Наряду с основной работой по совместительству был доцентом Кольского филиала Петрозаводского госуниверситета а также работал доцентом кафедры зоологии позвоночных КГУ. В декабре 2001 г. был избран на должность профессора этой кафедры, в 2010 году становится заведующим кафедрой зоологии позвоночных биолого-почвенного факультета. В 2013 г. переходит работать в Институт проблем экологии и недропользования АН РТ заведующим лабораторией гидробиологии.

Педагогическая деятельность Яковлева В. А. включала чтений лекции по курсам: «Общая гидробиология», «Зоология позвоночных», «Частная зоология», «Частная экология», «Экологическая физиология», проведение практических и семинарских занятий. Неоднократно им были прочитаны лекции в университетах г. Ульм (Германия), Осло и Тромсе (Норвегия). Также В. А. Яковлев был координатором, руководителем и исполнителем более десяти международных, национальных и региональных научно-исследовательских программ в Мурманской области, Среднем Поволжье, Финляндии и Норвегии.

За время его профессиональной деятельности Валерий Яковлев опубликовал более 295 публикаций, в том числе восемь монографий (одна из них — на английском языке); около десяти коллективных монографий; 80 статей, из них 9 — на английском языке, 29 — в рецензируемых журналах России.

Являлся научным руководителем аспирантов и соискателей, под его руководством успешно защитились четыре канди-

дата наук, один из которых — выпускник Вавилонского университета (Ирак).

Неоднократно выполнял функции сопредседателя, члена оргкомитета конференций, ответственного секретаря, научного редактора ряда монографий, сборников статей и тезисов.

В. А. Яковлев трагически погиб в автомобильной катастрофе летом 2014 года.

Каргашова Л.Б.

БИОЛОГИЯ ДУШИ

Корректор Ирина Данилова
Верстка Юрий Лединейкин

Печать офсетная. Тираж 1500 экз.

Издательская группа "Артишок"
432000, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 32А
Тел.: (8422) 79-42-02. E-mail: info@artishocke.ru